

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: Лингвистика и педагогика
Научный журнал**

Том 15 № 1 / 2025

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: Linguistics and Pedagogics
Scientific Journal**

Vol. 15 № 1 / 2025

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: Лингвистика и педагогика**

**(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Lingvistika i Pedagogika)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как русский язык, теория языка, сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, теория и методика профессионального образования, общая психология, психология личности, история психологии, социальная психология.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Филологические науки: 5.9.5; 5.9.8

Педагогические науки: 5.8.7

Психологические науки: 5.3.1

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Емельянов Сергей Геннадьевич, д-р технических наук, профессор, ректор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск, Российская Федерация)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Степыкин Николай Иванович, доктор филологических наук, доцент; Национальный исследовательский университет "МЭИ" (г. Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамов Валерий Петрович, академик Академии педагогических и социальных наук, академик Российской академии естественных наук, доктор филологических наук, профессор; Кубанский государственный университет (г. Краснодар, Российская Федерация)

Боженкова Раиса Константиновна, доктор филологических наук, профессор; МГТУ им. Н.Э. Баумана (г. Москва, Российская Федерация)

Боженкова Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор; Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (г. Москва, Российская Федерация)

Василенко Татьяна Дмитриевна, доктор психологических наук, профессор; Курский государственный медицинский университет (г. Курск, Российская Федерация)

Криволапова Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор; Курский государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Молчанова Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор; Курский государственный медицинский университет (г. Курск, Российская Федерация)

Никишина Вера Борисовна, доктор психологических наук, профессор; Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова (г. Москва, Российская Федерация)

Пищальникова Вера Анатольевна, доктор филологических наук, профессор; Московский государственный лингвистический университет (г. Москва, Российская Федерация)

Подымова Людмила Степановна, доктор педагогических наук, профессор; Московский педагогический государственный университет (г. Москва, Российская Федерация)

Попова Нина Васильевна, доктор педагогических наук, профессор; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Скобликова Татьяна Владимировна, д-р педагогических наук, профессор; Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Степанова Надежда Сергеевна, доктор филологических наук, доцент; Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Томаков Владимир Иванович, доктор педагогических наук, профессор; Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Шаклеин Виктор Михайлович, академик РАН, доктор филологических наук, профессор; Российский университет дружбы народов (г. Москва, Российская Федерация)

Якушкина Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент; Российский государственный гидрометеорологический университет (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции

305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94

Телефон: +7(4712) 22-25-26,

Факс: +7(4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций

(ПИ №ФС77-80884 от 21.04.21).

ISSN 2223-151X (Print)

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieslingva/>

© Юго-Западный государственный университет, 2025

Материалы журнала доступны
под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного
университета, 305040, г. Курск,
ул. 50 лет Октября, д. 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется
по подписке.

Подписной индекс журнала 44292
в объединенном каталоге
«Пресса России».

Периодичность: четыре выпуска в год

Свободная цена

Оригинал-макет подготовлен Е.Г. Анохиной

Подписано в печать 25.04.2025.

Дата выхода в свет 21.07.2025. Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Усл.печ.л. 15,8.

Тираж 1000 экз. Заказ 27.

16+

Proceedings of the Southwest State University

Series: Linguistics and Pedagogics

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication is to publicly present to the scientific community the scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such fields as the Russian language, language theory, comparative historical typological and comparative language knowledge, theory and methodology of vocational education, general psychology, personality psychology, history of psychology, social psychology.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete text of the articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU.

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctoral or candidate thesis in the following areas:

Philological Sciences: 5.9.5; 5.9.8

Pedagogical Sciences: 5.8.7

Psychological Sciences: 5.3.1

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey G. Yemelyanov, Doctor of Engineering, Rector of the Southwest State University
(Kursk, Russian Federation)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Nikolay I. Stepykin, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor;
National Research University "Moscow Power Engineering Institute" (Moscow, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Valery P. Abramov, Doctor of Philological Sciences, Professor; Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Raisa K. Bozhenkova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation)

Natalia A. Bozhenkova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation)

Tatyana D. Vasilenko, Doctor of Psychological Sciences, Professor; Kursk State Medical University (Kursk, Russian Federation)

Elena M. Krivolapova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Kursk State University (Kursk, Russian Federation)

Lyudmila N. Molchanova, Doctor of Psychological Sciences, Professor; Kursk State Medical University (Kursk, Russian Federation)

Vera B. Nikishina, Doctor of Psychological Sciences, Professor; Pirogov Russian National Research Medical University (Moscow, Russian Federation)

Vera A. Pischalnikova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)

Lyudmila S. Podymova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation)

Nina V. Popova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Tatiana V. Skoblikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Nadezhda S. Stepanova, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Vladimir I. Tomakov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Victor M. Shaklein Doctor of Philological Sciences, Professor; RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Yakushkina, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor; Russian State Hydrometeorological University (Saint Petersburg, Russian Federation)

Founder and Publisher :
“Southwest State University”

**Official address of the Founder, Publisher
and Editorial Office**

50 Let Oktyabrya str., 94, Kursk 305040,
Russian Federation

Phone: +7(4712) 22-25-26,

Fax: +7(4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:

The Federal Supervising Authority in the Field
of Communication, Information Technology and Mass media
(PI №FS77-80884 of 21.04.21).

ISSN 2223-151X (Print)

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieslingva/>

Printing office:

Printing Center

of the Southwest State University,
50 Let Oktyabrya str., 94, Kursk 305040,
Russian Federation

Subscription and distribution:
the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44292 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: Quarterly

Free-of-control price

Original lay-out design Elena G. Anohina

16+

© Southwest State University, 2025

 Publications are available in accordance with
the Creative Commons Attribution 4.0 License

Sent to the printing 25.04.2025
Release date 21.07.2025. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 15,8.
Circulation 1000 copies. Order 27.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	8
Топонимические перифразы в современных медиатекстах (на примере обозначений городов)	8
Беспалова Е.А.	
Встречный текст как инструмент исследования деятельности понимания.....	18
Кружилина Т.В.	
Прагматический потенциал территориально маркированных онимов как маркер идиостиля И.А. Чернухина.....	29
Малышева М.С.	
Репрезентация образа <i>России</i> в сознании молодёжной социально-демографической группы (на материале результатов психолингвистического эксперимента).....	39
Анненкова А.В., Таныгина Е.А.	
Характеристика несобственно-прямой речи в классической англоязычной литературе	55
Звягинцева В.В.	
«Литературный» мем как феномен интернет-коммуникации (на материале мемов по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»).....	66
Попова Г.В., Беседина А.А., Жевлаков Д.С.	
Проблема выбора имени концепта (на материале французского языка)	80
Дзахова В.Т., Скрипай И.И.	
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	92
Опыт осуществления контроля речевых навыков по английскому языку в группах взрослых обучающихся ..	92
Михайленко Н.В., Жаркова Ю.О.	
Структурирование учебного гуманитарного материала в профессиональном образовании	103
Королева Н.М., Богданова Г.Е.	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	113
Особенности психологической помощи педагогам дошкольного образовательного учреждения, подверженным профессиональному выгоранию.....	113
Иванова Т.В., Вьюшкова И.В.	
РЕЦЕНЗИИ.....	126
О стилистике жанров и генераторской стилистике. Рецензия на книгу: Н. И. Клушина. Введение в интернет-стилистику: учебник / Н. И. Клушина, А. В. Николаева. – М.: ФЛИНТА, 2020. – 240 с. ISBN 978-5-9765-4386-7.....	126
Федуленкова Т.Н.	
Терминология: от протонаучного периода до наших дней. Рецензия на книгу: Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А., Викулова Л. Г. Теория языка: антропологическая лингвистика. – М.: Издательский дом ВКН, 2021. – 256 с. ISBN 978-5-7873-1773-2.....	132
Контанистова А.И., Федуленкова Т.Н.	
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ.....	136

CONTENT

LINGUISTICS.....	8
Toponymic periphrases in modern media texts (using the example of city designations).....	8
Ekaterina A. Bespalova	
Counter Text as a Tool for Studying Understanding.....	18
Tatiana V. Kruzhilina	
The pragmatic potential of geographically labeled onyms as a marker of I. A. Chernukhin's idiosyncrasy... ..	29
Maria S. Malysheva	
The Representation of the Image of Russia in the Minds of a Youth Socio-Demographic Group (Based on the Results of a Psycholinguistic Experiment).....	39
Antonina V. Annenkova, Elena A. Tanygina	
Characteristics of Free Indirect Speech in English Literature.....	55
Marina M. Zvyagintseva	
The "Literary" Meme as a Phenomenon of Internet Communication (Based on Memes Based on F.M. Dostoevsky's Novel «Crime and Punishment»).....	66
Galina V. Popova, Anna A. Besedina, Daniil S. Zhevlakov	
The problem of choosing the concept's name (the French language).....	80
Veronika T. Dzakhova, Inna I. Skripay	
PEDAGOGICAL SCIENCE.....	92
Experience in final assessment of English language skills in adult learners.....	92
Natalia V. Mikhailenko, Yulia O. Zharkova	
Structuring of educational humanitarian material in vocational education.....	103
Natalia M. Koroleva, Galina E. Bogdanova	
PSYCHOLOGY.....	113
Features of psychological assistance to teachers of preschool educational institutions who are subject to professional burnout.....	113
Tatiana V. Ivanova, Irina V. Vyushkova	
REVIEWS.....	126
On the stylistics of genres and generational stylistics Book review: N. I. N. Klushina. Introduction to Internet stylistics: a textbook / N. I. N. Klushina, A. N. V. N. Nikolaeva. Moscow: FLINTA, 2020. 240 p. ill. ISBN 978-5-9765-4386-7.....	126
Tatyana N. Fedulenkova	
Terminology: from the <i>protoscientific</i> period to the <i>present</i> day Book review: Grinev-Grinevich S.V., Sorokina E.A., Vikulova L. G. Theory of language: anthropolinguistics. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2021. 256 p. ISBN 978-5-7873-1773-2.....	132
Tatyana N. Fedulenkova, Anna I. Kontanistova	
FOR AUTHORS.....	136

Оригинальная статья / Original article

УДК 811.161.1'37

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-8-17>

Топонимические перифразы в современных медиатекстах (на примере обозначений городов)

Е.А. Беспалова¹✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kbespalova@yandex.ru

Резюме

Цель исследования заключается в описании тенденций употребления в российских медиатекстах топонимических перифраз, служащих для обозначения городов: выявлении степени их актуальности для носителей современного русского языка и особенностей оперирования ими в живой речи.

Методы. Для достижения поставленной цели в работе использовались методы сплошной выборки, наблюдения над языковым материалом, лексико-семантического и контекстуального анализа, систематизации данных.

Результаты проведенного исследования показывают, что топонимические перифразы активно используются носителями языка как средство языковой выразительности и оценки, позволяющее сделать акцент на определенных особенностях географического объекта, его культурной или исторической значимости и других отличительных свойствах и в некоторой степени воздействовать на восприятие города читателем, что не заложено в значении отдельного топонима.

Заключение. Анализ примеров употребления топонимических перифраз в современных российских медиатекстах дает основание выделить некоторые тенденции. Одна и та же перифраза может употребляться по отношению к разным городам, конкретный же денотат уточняется в контексте. Сочетание перифразы с топонимом акцентирует внимание на имеющейся в значении компонента семе или развивает новую. Использование отдельных перифраз свидетельствует об их переосмыслении носителями языка в связи со сменой идеологии или вектора политического развития. Трансформация перифразы в речи наполняет ее новым смыслом. В медиатекстах используется игра слов, основанная на повторе компонента перифрастического выражения или его формы. Исследование топонимических перифраз имеет перспективы ввиду обширности актуального языкового материала.

Ключевые слова: топонимическая перифраза; топоним; прагматика; медиатекст; тенденции употребления.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Беспалова Е.А. Топонимические перифразы в современных медиатекстах (на примере обозначений городов) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2025. Т. 15, № 1. С. 8-17. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-8-17>.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025

Статья подписана в печать 26.02.2025

Статья опубликована 25.04.2025

Toponymic periphrases in modern media texts (using the example of city designations)

Ekaterina A. Bespalova¹✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kbespalova@yandex.ru

Abstract

The purpose of the study is to describe the trends in the use of toponymic peripherals in Russian media texts, which serve to designate cities: to identify the degree of their relevance to native speakers of modern Russian and the features of their use in live speech.

Methods. To achieve this goal, the methods of continuous sampling, observation of linguistic material, lexico-semantic and contextual analysis, and data systematization were used in the work.

The results of the study show that toponymic periphrases are actively used by native speakers as a means of linguistic expression and evaluation, allowing them to focus on certain features of a geographical object, its cultural or historical significance and other distinctive properties and to some extent influence the reader's perception of the city, which is not inherent in the meaning of a separate toponym.

Conclusion. The analysis of examples of the use of toponymic periphrases in modern Russian media texts provides grounds to identify some trends. The same periphrasis can be used in relation to different cities, but the specific denotation is specified in the context. The combination of a periphrasis with a toponym focuses attention on the existing seme in the meaning of the component or develops a new one. The use of certain periphrases indicates their rethinking by native speakers in connection with a change in ideology or vector of political development. The transformation of the periphrasis in speech fills it with a new meaning. Media texts use wordplay based on the repetition of a component of a peripheral expression or its form. The study of toponymic peripherals has prospects due to the vastness of the current linguistic material.

Keywords: toponymic periphrasis; toponym; pragmatics; media text; usage trends.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bespalova E.A. Toponymic periphrases in modern media texts (using the example of city designations). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2025; 15(1): 8–17 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-8-17>.

Received 20.01.2025

Accepted 26.02.2025

Published 25.04.2025

Введение

Топонимические перифразы представляют собой предмет изучения, лежащий на пересечении интересов фразеологов, ономастов и теоретиков эвфемизации (в то время как топонимика лежит на стыке лингвистики, истории и географии [1, с. 170]). Это обусловлено сущностью исследуемых языковых единиц, обладающих признаками вторичной номинации, устойчивости, образности, а также «экспрессивной окрашенности» [2, с. 422].

Употребление их в речи часто обусловлено «устоявшимся у носителя русского менталитета исторически и традиционно закрепившимися в языке ... представлениями и символикой» [3, с. 56], а также «закрепленными в народном сознании ... ассоциациями с названиями определенных территорий» [4, с. 42]. Топонимические обозначения формируют пространственную идентичность народа, т.к. содержат «богатую этнолингвистическую и историческую информацию» [5, с. 134].

Процесс образования многих топонимических наименований основан на метафоризации, когда апеллятив переходит в оним, отражая субъективные признаки места через субъективное восприятие их человеком и становясь экспрессивно и эмоционально окрашенным [6, с. 48].

Топонимы, называя реальные физические объекты, относятся к культурному пространству, отражая мировоззренческие понятия народа [4, с. 41]; они национально обусловлены, поскольку могут отражать географические особенности (*Северная столица*), исторический контекст (*Колыбель трех революций*), культурную и духовную значимость для этноса (*Мать городов русских*) объектов, связаны «с менталитетом и особенностями характера нации, ее психологией и социально-бытовыми факторами» [7, с. 23].

Ойконим как вид топонима, называющий любой населенный пункт [8], является единицей первичной номинации по отношению к топонимической перифразе, именующей объект вторично: *Нью-Йорк – Большое яблоко*. По мысли Г. Гачева, географический фактор участвует в становлении менталитета нации, т. к. природа формирует «модель мира», «определяет лицо национальной целостности» [9, с. 63].

Прием перифразы состоит в «непрямом, описательном, обозначении ... явления действительности» на основе выделения какого-либо качества объекта с целью усиления выразительности речи [10]. Л.В. Грехнева, анализируя номинативную сущность перифразы, рассматривает ее как вторичную единицу по сравнению со словом, на основе ассоциативной связи с ним относящуюся к общему для них денотату [11, с. 207].

В основе фразеонимации городов зачастую лежит их главный «стереотипный признак»: например, *Петербург – Культурная столица*, *Северная Пальмира*, *Северная Венеция* [3, с. 61]. Он может быть вычленен на основе различных ас-

социаций (историко-культурных, литературных), порождаемых топонимом [12, с. 25].

Топонимические перифразы выступают предметом активного изучения лингвистов. Так, Л.Н. Гукова и Л.Ф. Фомина рассматривают сущностные признаки семантико-стилистической парадигмы топонима; на основе анализа перифрастических обозначений России они показывают, что такие наименования «эксплицируют огромное количество денотативных и коннотативных сем, не выявляемых нейтральной, официальной номинацией» (это могут быть географическое положение, климатические особенности, эмоционально-психологическое восприятие, историко-хронологическая характеристика и т.д.) [13, с. 136].

Работа Л. В. Суслевой [14] относится к числу тех, где перифразы рассматриваются как средство языковой выразительности, при этом подчеркивается, что топонимические перифразы сообщают адресату новую информацию и позволяют передать эмоциональное и эстетическое впечатление об объекте.

Н. Е. Якименко и Цуй Лулу, проведя сопоставление перифраз с фразеологическими и эвфемистическими единицами и проанализировав топонимические перифрастические обозначения стран в русском и китайском языке, делают вывод о том, что их национально-культурные особенности состоят в выборе самого объекта номинации, их смысловой оценке и частотности употребления [15].

С. Е. Борзенец исследует народные топонимические прозвища, актуальные для американцев, характеризуя способы их образования, семантическую структуру и прагматическую значимость в лингвокультуре [16]. В исследовании М. Радович и О.С. Чесноковой топонимические перифразы рассматриваются как «эмоционально-оценочные номинации географических объектов», указывающие на разнообразные мотивирующие их признаки и свидетельствующие о лингвокре-

ативности носителей языка [17, с. 110-111].

Анализируя топонимические перифразы Белгородской области как культурные маркеры региона, Е. А. Корнейко отмечает, что их стереотипное осмысление закрепляется в топонимических перифразах как устойчивых номинациях топонимов [18, с. 10].

Топонимическая группа перифразов, по замечанию Ф. Мицзита, активно используется в публицистическом стиле и представлена там наиболее обширно из всех типов перифразов [19, с. 342]. Автор подчеркивает важность лингвокультурологического описания перифразы для описания их аксиологического вектора.

М.А. Сиривля в своей диссертации рассматривает перифраз как органичное явление в медиаречи, которое формирует «позитивное или негативное отношение к сообщаемому», «программирует результаты мыслительной деятельности читателя», оказывая на него эмоциональное давление¹.

Сказанное подчеркивает актуальность исследования топонимических перифраз именно на материале Газетного корпуса Национального корпуса русского языка [20], используемого для анализа в нашей работе.

Наибольшее количество перифрастических наименований получил в нашей культуре Петербург (*Северная столица*, *Культурная столица*, *Град Петров*, *Колыбель революции* и др.), что ввиду обширности языкового материала будет рассмотрено в отдельной работе.

В медиатекстах используются разнообразные топонимические перифразы, от сверхчастотных (таких как *Северная столица*, свыше 9 тысяч употреблений) до употребляемых изредка (*Волжская твердыня* – Волгоград (10 употреблений) или

подразумевающих разные объекты (*Город первого салюта* – об Орле и Белгороде).

Предметом изучения в данной статье являются фразеологические обороты, входящие, согласно «Словарю-тезаурусу современной русской идиоматики», в состав таксона «Пространство, место», в частности, представляющие подгруппу «Города, регионы, страны, континенты» [21, с. 165-170], из которой нами были отобраны перифрастические обозначения различных городов. Указание на конкретный населенный пункт содержится в их семантике (а не в конкретном компоненте сочетания), т.е. мы не анализируем единицы, имеющие в своем составе топоним (*Третий Рим*).

Результаты и обсуждение

Рассмотрим примеры употребления в медийной сфере отдельных перифрастических обозначений города, которые могут помочь выявить тенденции их использования носителями языка.

1. Для обозначения Москвы в медиатекстах используются топонимические перифразы *Порт пяти / семи морей*, *Город на семи холмах*.

Авторство перифразы *Порт пяти морей* (31; далее в скобках дается количество употреблений в Газетном корпусе) приписывается Сталину: так он назвал столицу на открытии канала имени Москвы, который позволил соединить Москву-реку с Волгой, а через нее водным путем выйти к пяти морям: Белому, Балтийскому, Черному, Азовскому и Каспийскому [22].

Данное перифрастическое выражение, призванное в свое время подчеркнуть масштаб советских преобразований, в настоящее время воспринимается в ироническом ключе («... *уморительный тезис про «Москву – порт пяти морей»* (Независимая газета (приложение «Кулиса НГ»), 20.10.2000)), но в свое время употреблялось вполне серьезно, а Москва носила такой титул с гордостью. Встречается и второй его (искаженный) вариант –

¹ Сиривля М.А. Перифраз как экспрессивное средство языка газеты (семантико-прагматический аспект): автореф. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. С. 5.

порт семи морей (4): «Издевательская... формулировка "Москва – порт семи морей" (Ведомости, 2003.12.26).

Традиция возвеличивания всего советского, завышения значимости объектов и событий перестала активно поддерживаться со сменой идеологии, таким образом, изменился и ценностный вектор перифразы.

В медиатекстах отмечаем примеры употребления перифразы *Порт пяти морей* применительно к другим географическим объектам: Ростову-на-Дону (РИА Новости, 15.12.2005), Казани (РИА Новости, 30.08.2005), Перми (Независимая газета (приложение «НГ-Политэкономия»), 02.03.1999) и даже Клязьме, что звучит комично: «Клязьму на время фестиваля провозгласили портом пяти морей» (Аргументы и факты, 2003.09.03).

Перифрастический оборот *город на семи холмах* образует омонимы, один из которых используется для называния Москвы (3): «Москва считалась городом на семи холмах» (Аргументы и факты, 2000.05.17).

2. Перифраза *мать / мать городов русских* (36) издавна (с выхода «Повести временных лет», где эту фразу произносит князь Олег) служила для обозначения Киева и закрепилась в узусе как имеющая высокую стилистическую окраску. Употребление оборота в медиатекстах последних десяти лет отражает сложившуюся политическую ситуацию: «Украинцев возмутил учебник, в котором Киев назван "матерью городов русских"» (РИА Новости, 09.09.2017). В медиаречи актуализируется не исторически сложившийся контекст (столица Киевской Руси), а сложная современная ситуация: «в российском медийном пространстве Киев – мать городов русских – нередко звучит исключительно в контексте современной политики» (Известия, 28.07.2017).

В плане изменения политического вектора сотрудничества показательно употребление (трижды) перифразы в отношении Казани: «Минтимер Шаймиев,

заявивший, что Казань – мать городов русских» (Новый регион 2, 26.10.2005).

3. Для обозначения Рима в медиаречи используются топонимические перифразы *Вечный город* и *Город на семи холмах*.

Римский поэт Тибулл назвал Рим *Вечным городом* еще в I веке до н. э. Перифраза встречается в медиатекстах 412 раз: «серия черно-белых портретов в декорациях Вечного города» (Коммерсант, 09.07.2020). Встречаем пример отсылки к истории Древнего Рима, что подчеркивает длительность его существования: «триумф был единственным случаем, когда легионеры появлялись на улицах Вечного города» (Парламентская газета, 2020.05.28).

Употребление перифразы одновременно с топонимом имеет свои семантические особенности: в таком случае она уже не используется для вычленения какого-либо географического объекта и его называния, здесь «перифрастическая номинация должна иметь что-то новое по сравнению со словом» [11, с. 207]. Это может быть разносторонняя характеристика объекта с элементом градации («в Риме, Вечном городе, столице Италии» (Lenta.ru, 02.12.2020)), стремление подчеркнуть «вечные» качества города («он переехал из Рима и отдыхал душой от сплетен и жестоких интриг Вечного города» (РБК Дейли, 15.02.2013)) или его возраст («2772 года назад... был основан Вечный город Рим» (Парламентская газета, 2019.04.21)).

Перифрастический топоним *Вечный город* используется для наименования нескольких денотатов, однако в каждом конкретном случае его значение сводится к одному объекту. 15 из таких употреблений связаны с Иерусалимом, что обусловлено его древностью и религиозной значимостью в мире: «Иерусалим стал столицей Иудейского царства, ... выдержал осады и разрушения, но все-таки сохранился до наших дней. За что и полу-

чил название *Вечного города*» (Vesti.ru, 18.04.2009).

В другом контексте отражена современная тенденция соотнесения перифразы *Вечный город* с разными объектами: «Один из "вечных" городов мира... на выставке "Иерусалим"» (РИА Новости, 04.01.2003).

Помимо Иерусалима, в медиатекстах так названа Москва (13) («перед Большим театром ... концерт "Вечному городу – вечная музыка"» (РИА Новости, 18.08.2015)), причем в двух контекстах связь с Римом подчеркивается посредством параллельного использования другой перифразы *Третий Рим* («Москва действительно Третий Рим, «вечный город» с вечными проблемами» (Комсомольская правда, 06.04.2004)), а также Венеция («для кого Венеция и есть главный Вечный город» (Коммерсант, 13.09.2013)) и Псков («Стены вечного города на самом деле не вечные... Псковский кремль» (Vesti.ru, 19.05.2005), что по-разному указывает на их древность.

Перифраза используется в названиях («Любовь в Вечном городе» Валерио Атаназии» (lenta.ru, 22.01.2018); «кафе «Вечный город» (Известия, 25.10.2016)) и при описании спектакля («костюмы, создающие атмосферу «вечного города» (Известия, 05.08.2016)).

Привлекают внимание контексты, в которых наблюдается игра слов, основанная на повторе компонента *вечный* («Вернулся со своей вечной любовью в Вечный город» (Vesti.ru, 25.03.2005); «Полтора десятка картин на вечную тему Вечного города» (Коммерсант, 22.02.2005)) или его формы («нет ничего вечного: не вечен даже вечный город – Рим» (Независимая газета, 05.12.2000)).

В одном случае отмечена трансформация структуры и семантики перифразы, мотивирующая использование конструкции в отношении Иерусалима: «Вечность – это Иерушалаим», поэтому – не Вечный город, а Город вечности» (Незави-

смая газета (приложение «Ex Libris НГ»), 05.08.1999)).

Перифрастический оборот *Город на семи холмах* (4) изначально возник как обозначение Рима, что подчеркивало его географические особенности: он буквально расположен на семи холмах, каждый из которых имеет свое название (к примеру, Палатин или Капитолий): «карта города на семи холмах, на которой кружочками обозначены основные места «прогулки» по итальянской столице» (Известия, 05.06.2014). В русском языке перифраза стала использоваться по аналогии как наименование Москвы (которая также имеет семь возвышенностей) и реже – других холмистых городов.

4. *Большое Яблоко* как народное прозвище Нью-Йорка приобрело у американцев «статус официального второго имени» и послужило моделью для образования нескольких подобных топонимов (например, «Большой апельсин» о Лос-Анджелесе, «Большой томат» о Сакраменто или «Маленькое яблоко» о Манхэттене) [16, с. 82].

Одна из версий происхождения перифразы связана со средой джазовых музыкантов, употреблявших поговорку: «На древе успеха много яблок, но если тебе удалось завоевать Нью-Йорк, тебе досталось большое яблоко» [23].

В Газетном корпусе перифраза встречается 159 раз. В *Большом Яблоке* можно *побывать* (lenta.ru, 17.01.2019), *родиться* (Ведомости, 2018.09.25), *работать* (РБК, 20.02.2017), в него можно *попасть* (lenta.ru, 23.04.2017), в его северной части *оказаться* (lenta.ru, 07.04.2017).

Частотно употребление перифразы в сочетании с лексемой *город* (27): «город *Большого Яблока*» (lenta.ru, 01.07.2016). Параллельное использование топонима подчеркивает традицию такого именования («Большое яблоко, как именуют Нью-Йорк» (РИА Новости, 29.03.2007)) или дает возможность для развития метафоры («Большое яблоко» – Нью-Йорк – жители

города тогда язвительно называли «гнилым» (lenta.ru, 08.02.2018)). Повтор компонента названия создает эффект каламбура: «*Нью-Йорк увидит совместный проект труппы Большого театра и артистов "Большого яблока"*» (Vesti.ru, 06.05.2016); «*Большие дома "большого яблока"*» (Нью-Йорк, город небоскребов // РИА Новости, 02.05.2006).

Выводы

В Газетном корпусе активно используются перифрастические наименования городов, отличающиеся от топонимов эмоционально-экспрессивной окраской и оценочностью. Заменяя топоним, они подчеркивают его географические особенности (*Город на семи холмах*), значимость в истории и культуре (*Вечный город*), символизируют успех и масштаб (*Большое Яблоко*) и т.д., таким образом формируя у читателя определенное восприятие города.

В случае сочетания в одном контексте перифразы и самого топонима перифрастическое выражение приобретает дополнительные семантические оттенки или усиливает имеющиеся, в отдельных случаях метафора получает развитие (*Большое Яблоко Нью-Йорк называли гнилым*).

Одной из тенденций использования топонимических перифраз в медиаречи выступает обозначение ими разных городов: так, *Вечным городом* называют Рим, Иерусалим, Москву, Венецию, Псков, *Портом пяти морей* – Москву, Ростов-на-Дону, Казань, Пермь, Клязьму, *Городом на семи холмах* – Рим и Москву, *Матерью городов русских* – Киев и Казань;

конкретизация денотата происходит в контексте.

Употребление перифразы *Порт пяти морей* свидетельствует о переосмыслении носителями языка ее аксиологической значимости: если в советское время она соответствовала тенденции возвеличивания советских преобразований и пафосу языка советских СМИ, то сейчас эта номинация воспринимается в ироническом ключе, с очевидным «перегибом» такого определения.

Медиаречь живо реагирует на общественные изменения, отражает настроения общества. В этом отношении показательна смена коннотации в употреблении перифразы *Мать городов русских*. Употребление данной номинации в отношении Казани свидетельствует о перемещении вектора политического партнерства.

Трансформация перифразы в живом употреблении позволяет освежить ее образное основание и наполнить новыми смыслами (*Вечный город – Город вечности*).

В медиатекстах активно используется игра слов, основанная на повторе компонента перифразы (*большие дома Большого Яблока*) или его формы (*не вечен даже Вечный город*).

Исследование топонимических перифраз имеет явные перспективы ввиду обширности современного языкового материала. Проведенный анализ помогает накопить данные о прагматике языковых номинаций, развитии контекстуального значения, актуальности тех или иных перифраз для носителей языка, а шире – об особенностях оперирования культурно-значимой информацией.

Список литературы

1. Денисенко О.В. Функциональные особенности топонимов // Опыт и перспективы обучения иностранным языкам в евразийском образовательном пространстве. 2019. № 4. С. 169-174.
2. Уразметова А.В. Английские и французские ойконимические фразеологизмы // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 2. С. 421-424.

3. Савченко А.В., Хмелевской М.С. «Города и веси» в русской фразеологии в концептуальном и лингвострановедческом освещении // Мир русского слова. 2020. № 4. С. 56-65. <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2020-14056>.
4. Подюков И.А. Символика топонимических отсылок в народной фразеологии // Социо- и психолингвистические исследования. 2015. № 3. С. 41-43.
5. Крюков П.А. Роль экстралингвистического фактора в формировании немецкого топонимикона (на примере идеологической компоненты в северной и восточной германии в период с 1933 по 1990-е гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 6. С. 133-138.
6. Федотова Т.В. Специфика метафорических топонимов в аспекте восприятия мира человеком // Вестник ВГУ: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 48-51.
7. Калинина С.А. Топонимические фразеологизмы современного английского языка как знаки материальной и духовной культуры // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 4(210). С. 23-29. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2020-4-23-29>.
8. Варбот Ж.Ж., Журавлев А.Ф. Ойконим // Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. 1998. URL: http://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf (дата обращения: 04.01.2025)
9. Гачев Г. Национальный космо-психо-логос // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 59-78.
10. Бельчиков Ю.А. Перифраза // Лингвистический энциклопедический словарь, 1990. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopedia/articles/664/perifraza.htm> (дата обращения 04.01.2025)
11. Грехнева Л. В. Особенности перифрастической номинации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6-2. С. 207-210.
12. Захарина Г. Р. Фразеологические единицы с компонентом-топонимом в английском, русском и татарском языках // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 2-2. С. 23-25.
13. Гукова Л. Н., Фомина Л.Ф. Семантико-стилистическая парадигма топонима: постановка вопроса // Мова. 2010. № 15. С. 131-138.
14. Сулова Л.В. Роль топонимических перифразов при создании образа Нидерландов в немецкоязычных туристических рекламных текстах // Reports Scientific Society. 2023. № 4(36). С. 97-100.
15. Якименко Н.Е., Цуй Л. Топонимические перифразы русского языка в лингвокультурологическом аспекте (на фоне китайского языка) // Устойчивые фразы в парадигмах науки. Тула: С-Принт, 2015. С. 414-418.
16. Борзенец С.Е. Народная топонимика США: структура, семантика, прагматика // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2019. № 4(101). С. 79-84.
17. Радович М., Чеснокова О.С. Лингвокультурологический анализ топонимических перифраз Перу // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 2(22). С. 110-115. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-2-22-110-115>.
18. Корнейко Е.А. Белгородские топонимы и топонимические перифразы в составе региолекта Белгородской области // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 6 (149). С. 5-12.
19. Мицзита Ф. Перифрастические наименования как объект лингвокультурологии (на примере топонима «Санкт-Петербург» в русском и китайском языках) // Филологиче-

ские науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12-2(90). С. 340-344. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.31>.

20. Газетный корпус Национального корпуса русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/corpus/paper> (дата обращения: 04.01.2025)

21. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8 000 идиом современного русского языка / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселева [и др.]. М.: Аванта+, 2007. 1135 с.

22. Почему Москву называют «порт 5-ти морей»? // Канал имени Москвы. URL: <https://kim-online.ru/page/news/smi-o-nas/pressa/4891-pochemu-moskvu-nazyvayut-port-5-ti-morej#> (дата обращения: 04.01.2025)

23. Большое яблоко // Wikimedia Foundation. 2010. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/301795> (дата обращения: 04.01.2025)

References

1. Denisenko O.V. Functional features of toponyms. *Opyt i perspektivy obucheniya inostrannym yazykam v evrazijskom obrazovatel'nom prostranstve* = *Experience and prospects of teaching foreign languages in the Eurasian educational space*. 2019;(4):169-174 (In Russ.)

2. Urazmetova A.V. English and French oikonymic phraseological units. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* = *Bulletin of the Bashkir University*. 2009;14(2):421-424 (In Russ.)

3. Savchenko A.V., Hmelevskoj M.S. "Cities and Weights" in Russian phraseology in conceptual and linguistic coverage of foreign studies. *Mir russkogo slova* = *The world of the Russian word*. 2020;(4):56-65. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2020-14056>

4. Podyukov I.A. The symbolism of toponymic references in folk phraseology. *Socio- i psicholingvisticheskie issledovaniya* = *Socio- and psycholinguistic studies*. 2015;(3):41-43. (In Russ.)

5. Kryukov P.A. The role of the extralinguistic factor in the formation of the German toponymicon (on the example of the ideological component in northern and eastern Germany in the period from 1933 to the 1990s). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* = *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics. Seriya: Lingvistika*. 2011;(6):133-138 (In Russ.)

6. Fedotova T.V. The specificity of metaphorical place names in the aspect of human perception of the world. *Vestnik VGU: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* = *VSU Bulletin: Linguistics and Intercultural Communication*. 2008;(2):48-51 (In Russ.)

7. Kalinina S.A. Toponymic phraseological units of modern English as signs of material and spiritual culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 2020;(4):23-29. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2020-4-23-29>

8. Varbot Zh.Zh., Zhuravlev A.F. Oikonym. *Kratkij ponyatijno-terminologicheskij spravocnik po etimologii i istoricheskoy leksikologii* = *A short conceptual and terminological reference book on etymology and historical lexicology*. 1998. (In Russ.). Available at: http://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf (accessed 04.01.2025)

9. Gachev G. National cosmo-psycho-logos. *Voprosy filosofii* = *Questions of philosophy*. 1994;(12):59-78 (In Russ.)

10. Bel'chikov Yu.A. The periphrase. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* = *Linguistic Encyclopedic Dictionary*, 1990. (In Russ.). Available at: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopedia/articles/664/perifraza.htm> (accessed 04.01.2025)

11. Grekhneva L.V. Features of peripheral nomination. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* = *Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University*. 2009;(6-2):207-210 (In Russ.)
12. Zaharina G.R. Phraseological units with a toponym component in English, Russian, and Tatar. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Vyatka State University*. 2008;(2-2):23-25 (In Russ.)
13. Gukova L.N., Fomina L.F. The semantic and stylistic paradigm of a toponym: posing a question. *Mova* = *The Mou*. 2010;(15):131-138 (In Russ.)
14. Suslova L.V. The role of toponymic periphrases in creating the image of the Netherlands in German-language tourist advertising texts. *Reports Scientific Society*. 2023;(4):97-100 (In Russ.)
15. Yakimenko N.E., Cuj L. Toponymic periphrases of the Russian language in the linguistic and cultural aspect (against the background of the Chinese language). In: *Ustojchivye frazy v paradigmah nauki* = *Stable phrases in the paradigms of science*. Tula: S-Print; 2015. P. 414-418 (In Russ.)
16. Borzenec S. E. National toponymy of the USA: structure, semantics, pragmatics. *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 1: Filologiya* = *Bulletin of the Minsk State Linguistic University. Series 1: Philology*. 2019;(4):79-84 (In Russ.)
17. Radovich M., Chesnokova O. S. Linguistic and cultural analysis of the toponymic periphrases of Peru. *Filologicheskie nauki v MGIMO* = *Philological sciences at MGIMO*. 2020;(2):110-115. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-2-22-110-115>
18. Kornejko E. A. Belgorod topoconcepts and toponymic periphrases in the regional dialect of the Belgorod region. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Scientific bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities*. 2013;(6):5-12 (In Russ.)
19. Micziti F. Peripheral names as an object of linguoculturology (using the example of the toponym "Saint Petersburg" in Russian and Chinese). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2018;(12-2):340-344. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.31>
20. Newspaper building of the National Corpus of the Russian Language. (In Russ.) Available at: <https://ruscorpora.ru/corpus/paper> (accessed 04.01.2025)
21. Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O., Kiseleva K.L., et. al. Russian Russian Dictionary-thesaurus of modern idioms: about 8,000 idioms of the modern Russian language. Moscow: Avanta+; 2007. 1135 p. (In Russ.)
22. Why is Moscow called the "port of the 5 seas"? *Kanal imeni Moskvy* = *The Moscow Canal*. (In Russ.). Available at: <https://kim-online.ru/page/news/smi-o-nas/pressa/4891-pochemu-moskvu-nazyvayut-port-5-ti-morej#> (accessed 04.01.2025).
23. The Big Apple. *Wikimedia Foundation*. 2010. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/301795> (accessed 04.01.2025)

Информация об авторе / Information about the Author

Беспалова Екатерина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kbespalova@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7218-0635, Researcher ID: ABG-7397-2021

Ekaterina A. Bespalova, Candidate of Sciences (Philological), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kbespalova@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7218-0635, Researcher ID: ABG-7397-2021

Оригинальная статья / Original article

УДК 81`23

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-18-28>

Встречный текст как инструмент исследования деятельности понимания

Т.В. Кружилина¹✉¹Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: t.kruzhilina@yandex.ru

Резюме

Целью исследования является исследование феномена встречного текста с точки зрения психолингвистических механизмов деятельности, «запускающей» его создание, – метаязыковой деятельности индивида. Создание встречного текста («готового продукта» понимания) рассматривается в комплексе «событий» при восприятии и понимании текста, но как отдельный этап деятельности понимания.

Материалы и методы. Для проведения анализа встречных текстов автором была применена экспериментальная методика. Материалами исследования стали 55 встречных текстов, полученных в ходе эксперимента, среди студентов 1 и 2 курса Юго-Западного государственного университета (52 участника) и преподавателей кафедры иностранных языков ЮЗГУ (3-е участника), всего – 55 человек.

Результаты эксперимента свидетельствуют в пользу того, что построение встречного текста носит глубоко индивидуальный характер, обусловленный различием стратегий метаязыковой деятельности участников представленного в статье эксперимента, и отличием качественных характеристик и свойств метаязыковой деятельности, зафиксированных в ходе анализа встречных текстов. Отмечены характерные признаки метаязыковой деятельности: перефразирование и замена слов на синонимичные или выполняющие роль синонимичных в индивидуальном лексиконе испытуемых; добавление в повествовательную канву встречных текстов оценочных суждений и промежуточных выводов; введение сокращённых смысловых блоков, понятных автору встречного текста, но требующих дополнительной расшифровки; обобщение информации; перестраивание исходной структуры авторского текста; искажение отдельных деталей содержания.

Заключение. Встречный текст представляет собой сжатый фрагмент воссозданной реципиентом «действительности», возникшей в его сознании в результате воздействия авторского текста. Степень несоответствия определяется, во-первых, наличием или отсутствием у реципиента подобного опыта (как собственного прожитого, так и адаптированного посредством книг и пр.), во-вторых, сформированностью когнитивных механизмов переработки информации, делающих возможным преломить чужой отрезок действительности и спроецировать его на свою действительность; в-третьих, наличием достаточного арсенала языковых средств и навыков по их мновенному применению. Встречный текст – это доступный инструмент исследования метаязыковой деятельности индивида.

Ключевые слова: психолингвистика; понимание текста; метаязыковая деятельность; встречный текст.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кружилина Т.В. Встречный текст как инструмент исследования деятельности понимания // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2025. Т. 15, № 1. С. 18-28. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-18-28>.

Статья поступила в редакцию 23.12.2024

Статья подписана в печать 04.02.2025

Статья опубликована 25.04.2025

Counter Text as a Tool for Studying Understanding

Tatiana V. Kruzhilina¹✉

¹Southwest State University
50 let Oktyabrya Str., 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: t.kruzhilina@yandex.ru

Abstract

The purpose of the research is to investigate the phenomenon of counter text from the point of view of psycholinguistic mechanisms of activity that "launches" its creation – the individual's metalinguistic activity. The creation of a counter text ("finished product" of understanding) is considered in a complex of "events" during perception and understanding of the text as a separate stage of understanding activity.

Materials and methods. To analyze counter texts, the author used an experimental technique. The materials of the study appeared to be 55 counter texts obtained during the experiment conducted among 1st and 2nd year students of the Southwestern State University (52 participants) and teachers of the Department of Foreign Languages of the Southwestern State University (3 participants), a total of 55 people.

The results of the experiment indicate that the construction of a counter text has a deeply individual character, due to the difference in the strategies of metalinguistic activity of the participants of the experiment presented in the article, and the difference in the qualitative characteristics and properties of metalinguistic activity recorded during the analysis of counter texts. The characteristic features of metalinguistic activity are noted: paraphrasing and replacing words with synonyms or those that play the role of synonyms in the individual lexicon of the subjects; adding evaluative judgments and intermediate conclusions to the narrative canvas of counter texts; introducing abbreviated semantic blocks that are understandable to the author of the counter text, but require additional decoding; generalization of information; restructuring the original structure of the author's text; distortion of individual details of the content.

Conclusion. The counter text is a compressed fragment of the "reality" recreated by the recipient, which arose in his consciousness as a result of the influence of the author's text. The degree of discrepancy is determined, firstly, by the presence or absence of such experience in the recipient (both his own lived experience and adapted through books, etc.), and secondly, by the formation of cognitive mechanisms for processing information that make it possible to refract someone else's segment of reality and project it onto one's own reality; thirdly, the presence of a sufficient arsenal of linguistic means and skills for their immediate use. The counter text is an accessible tool for studying the individual's metalinguistic activity.

Keywords: psycholinguistics; text comprehension; metalinguistic activity; counter text.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kruzhilina T.V. Counter Text as a Tool for Studying Understanding. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2025; 15(1): 18–28 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-18-28>.

Received 23.12.2024

Accepted 04.02.2025

Published 25.04.2025

Введение

Вопросы исследования деятельности понимания речи и письменного текста не теряют своей актуальности в настоящее время, но приобретают особую остроту в связи с проблемой распространения функциональной неграмотности, характерной отличительной чертой которой являются именно трудности понимания

текстового сообщения индивидом. Идея анализа продуктов деятельности понимания с целью приоткрыть завесу над этой самой деятельностью и понять – как, каким образом и в какой ментальной структуре происходит понимание текстового сообщения – в психолингвистике не нова. Многочисленные исследования в этой области предлагают довольно комплексное понимание сути проблемы, но сама

проблема остаётся нерешённой – сфера когнитивного, не раскрывающая секреты своей «кухни» (способы обработки информации), предлагает исследователю лишь конечные продукты понимания, будь то пересказ или записанный встречный текст, реакция в виде ответного сообщения или действия. Отследить качество понимания в обыденной жизни часто не представляется возможным. Именно об этом говорит крылатое выражение: «Если бы вы знали, как редко вас понимают правильно, вы бы больше молчали» – выражение, констатирующее увы не редкую ситуацию полного и глубокого ... нет, не понимания, а непонимания. Возникает вполне резонный вопрос: чем обусловлены трудности понимания у коммуникантов, в равной степени владеющих своим родным языком, языком их общения? Ответ лежит на поверхности, и с долей юмора сформулирован он всё той же народной мудростью: «Каждый понимает в силу своей распушенности». Опустив юмористический флёр данного афоризма, перефразируем его и прокомментируем причину сложности адекватного взаимного понимания в принятых в психолингвистике терминах.

Восприятие речи человеком, согласно концепции речевой деятельности отечественной психолингвистики, «...включает в себя рецепцию слышимых или видимых элементов языка, установление их взаимосвязи и формирование представления об их значении» [1, с. 154]. Понимание же есть расшифровка смысла, стоящего за воспринимаемым речевым сообщением. При этом смысл, лежащий за внешней формой, как отмечает А.А. Залевская, определяется спецификой индивидуального лексикона, где «...слово при его функционировании выполняет роль, сравнимую с ролью лазерного луча при считывании голограммы: оно делает доступным для человека определенный условно-дискретный фрагмент континуальной и многомерной индивидуальной картины мира во всём богатстве связей и

отношений, полнота которых обеспечивается в разной мере осознаваемой опорой на прямые и/или опосредованные выводные знания и переживания разных видов» [2, с. 253].

Исходя из данной психолингвистической составляющей процесса понимания становится понятным существование феномена глубины понимания и разного качества понимания. Понимание человеком носит креативный, сугубо индивидуальный характер. Каждый субъект понимания видит в тексте определённую личную ситуацию, что-то своё, недоступное другому субъекту понимания того же объекта (текста). При этом поэтапное установление смысловых связей в совокупности рождает единое смысловое содержание. Его осмысление и даёт в итоге понимание либо непонимание (частичное понимание / недостаточно глубокое понимание) текста. Другими словами, каждый понимает согласно уровню сформированности своей речемыслительной деятельности.

Феномен встречного текста (далее – ВТ) анализируется во многих экспериментальных исследованиях, т.к. он является прекрасным рабочим инструментом для «препарирования» скрытой от внешнего наблюдения внутренней деятельности по восприятию и пониманию текстового сообщения, а также последующего превращения этого внутреннего понятого во внешнее записанное [3; 4; 5]. Психолингвистическая природа текста проявляется в процессе его восприятия реципиентом, когда авторское видение выступает проекцией на сознание, этот текст воспринимающее и адаптирующее под себя. Как отмечает И.Р. Гальперин, двойственная природа текста объясняет два его состояния – покоя и движения. Текст как организованное единство входящих в его состав языковых единиц является статичным образованием. Но при предъявлении его реципиенту, в процессе восприятия и понимания, текст превращается в динамичную движущую силу, пере-

кодирующую исходное авторское в конечное принимающего (реципиента) [6]. Таким же образом рассматривает текст и А.И. Новиков, соотнося статическое состояние текста с результатом деятельности автора, продуцента текста, а динамическое состояние – с результатом восприятия этого текста индивидуальным сознанием реципиента и появлением нового мыслительного образования, которое при транслировании его во внешний мир и становится ВТ [7; 8; 9].

Отследить процесс понимания помогает анализ продуктов понимания, например встречных текстов, воссоздающих исходный текст. Именно с этой целью мы провели психолингвистический эксперимент, заключающийся в прослушивании испытуемыми (ИИ) текстового сообщения и фиксирования его содержания в письменной форме.

Материалы и методы

Эксперимент заключал в себе две разновидности экспериментальных ситуаций. Одной части ИИ текст предъявлялся целиком и по окончании прослушивания им предлагалось записать содержание текста так, как они его поняли, как если бы они хотели его кому-то рассказать. Под записанным содержанием предлагалось написать своё мнение по поводу услышанного и описать чувства, вызванные текстом. Второй части ИИ текст предъявлялся частями. Их задачей было записать содержание каждой отдельной части, кратко или подробно – не оговаривалось. Материалами исследования стали 55 встречных текстов, полученных в ходе эксперимента, проведённого в осеннем семестре 23–24 академического года среди студентов 1 и 2 курса Юго-Западного государственного университета специальностей: правоохранительная деятельность, программная инженерия, нанотехнологии и наносистемы, электроэнергетика и электротехника (52 участника) и преподавателей кафедры иностранных языков ЮЗГУ (3-е участников), всего –

55 человек. Исходный текст, понимание которого проверялось, представлял собой образец короткого художественного рассказа, перевод с английского языка рассказа «Appointment with Love» («Свидание с любовью») автора S. I. Kishor (Сумалит Иш-Кишор) [10].

Две экспериментальные ситуации были задуманы неслучайно. Гипотеза состояла в том, что характер метаязыковой деятельности (МЯД) меняется с изменением задачи и объёма поступающего «материала» для этой деятельности. В процессе анализа встречных текстов предполагалось решить ряд частных задач, ориентированных на анализ феномена МЯД – выявить показатели и свойства МЯД, определить стратегии МЯД и определить факторы, определяющие успешность этой деятельности.

Чтобы проиллюстрировать глубину индивидуальных различий при обработке текстовой информации, приведём два встречных текста. Текст 031 был получен в ходе экспериментальной сессии с предъявлением исходного текста целиком, а текст 02 – при предъявлении текста частями (о двух экспериментальных ситуациях говорится выше). Авторские варианты встречных текстов приводятся без изменений.

Встречный текст 031

Мужчина с помощью библиотеки нашёл собеседницу, которая близка ему по духу. На войне он вёл с ней переписку (это была переписка в слепую). После войны Л.Б. договорился с ней встретиться. Он боялся, что она будет некрасивая. Когда он увидел её, он понял, что можно же быть просто друзьями (но это была не она). Та женщина сказала, что её попросила Х.М. предтвориться ей. Это оказалась проверка, которую мужчина прошёл.

Встречный текст 02

Часы были на станции Гранд Централ и там был лейтенант Блэндфорд. Он должен был встретиться с женщиной, которая близка ему.

Он вспоминал о своём бою и писал ей об этом. Находясь там он услышал её слова поддержки.

И теперь он её увидит на яву. В дымке он увиде девушку, но увы это была не она. Это была девушка лет 30, но ему говорила что 18.

Книга, письмо -> переписка не угасла их.

13 месяцев Холис отвечала на письма Блэнфорд и просил чтоб прислать фото, но она не хотела этого делать. Лучшие чтоб она приехала и увидел на яву.

Встреча лейтенанта и Холис Мейнел.

Та красавица которую он встретил стала отдалятся, ведь рядом стояла та которая поддерживала его на фронте.

Лейтенант приглашает Холис на ужин.

Разочарование лейтенанта и проверка для него.

В этой драме мне очень понравилось то, как девушка решила сделать для лейтенанта проверку.

Результаты и обсуждение

Анализ ВТ, предполагающий сравнение оных с исходным авторским текстом на предмет воссоздания смысловой структуры текста и адекватной передачи исходного текста языковыми средствами, доступными испытуемым, показал глубину индивидуальных различий при осуществлении МЯД. Мы исходили из того, что ВТ представляет собой уникальный продукт, своеобразную компрессию исходного текста, пропущенного сквозь когнитивные жернова индивидуального сознания. Не вызывало сомнения, что стратегии построения ВТ будут различны, т.к. в их основе лежат разные способы обработки языковой информации. В данной части мы предлагаем некоторые из предварительных выводов, сделанных на основании проведённого анализа.

Результаты обработки ВТ подтверждают факт существования разных стра-

тегий построения ВТ. Также они различаются по объёму содержащейся в них информации и по степени соответствия этой информации авторскому варианту текста. Это объясняется тем, что построение ВТ определяется, согласно А.А. Залевской, законами функционирования языка в индивидуальном сознании [2; 3].

Необходимо отметить, что внутренняя работа над языком – МЯД – протекает, безусловно, по индивидуальным сценариям, но механизмы МЯД – это, по сути, механизмы речемыслительной деятельности [11]. Они начинают формироваться, согласно Л.С. Выготскому, в глубоком «доречевом» детстве; обусловлены всем ходом онтогенетического развития индивида, неотделимы от процесса формирования всех высших психических функций и, помимо прочего, в немалой степени определяются генетически [12]. Этапы развития речемыслительной способности подробно рассматривались нами в работах [13; 14; 15]. «То самое», сформированное за все годы индивидуального развития, и является ключевым и определяющим набором факторов, детерминирующих МЯД. МЯД проходит в несколько этапов, которые согласуются с этапами восприятия текста, его понимания и порождения ответного сообщения [3; 16]. Последнее и есть конечный продукт МЯД – ВТ.

Стратегии построения ВТ, которые применяли ИИ, могут свидетельствовать о разных когнитивных стилях обработки информации. Отмеченные нами стратегии можно охарактеризовать как составление плана; построение схемы; компрессию; детальное воссоздание; ВТ с собственными комментариями и др. Думается, что такое разнообразие адаптированных ИИ стратегий при обработке текста объясняется не разными уровнями языковых способностей, но разными ведущими когнитивными моделями обработки информации [17].

При анализе структуры предложенных ВТ, нами было отмечено большое

количество назывных предложений и предложений, содержащих грамматическую основу «подлежащее – сказуемое» либо лишь предикат и дополнение. В более ранних работах мы писали о методах анализа смысловой структуры текста. Так, в экспериментальном исследовании на понимание текста детьми дошкольного возраста мы использовали метод денотатного анализа, разработанный А.И. Новиковым [7; 8]. Опуская вопросы теории, отметим, что в нашей работе была в очередной раз доказана валидность метода денотатного анализа текста исходя из успешности интуитивного применения ИИ метода воссоздания смысловой структуры с помощью простой конструкции денотат – денотатная связь («Увидел часы. Его сердце бешено колотилось. Вспомнил страшный бой. Письма девушки стали его. Слышал голос. Увидел её. Не она.»). Целый ряд ВТ был построен с помощью простых предложений с одним – двумя денотатами. Мы предполагаем, что в ситуации адекватно сформированной способности понимания, но отстающей способности построения связных синтаксически и грамматически выдержанных предложений этот метод позволяет грамотно и вполне корректно донести свою мысль. При этом была отмечена и противоположная ситуация, когда полная структура и концепт текста не были восстановлены, но языковые средства, имеющиеся в арсенале у ИИ, позволили ему подробно и грамотно воссоздать небольшую часть от исходного текста. ВТ был просто оборван. Вероятно, при заполнении всего объёма оперативной памяти работа по созданию ВТ завершилась.

Что касается ВТ 02 и 031, то налицо успешное понимание исходного текста, женщина-друг по переписке установлена правильно, интрига произведения раскрыта, об этом свидетельствуют фразы: «*Это оказалась проверка, которую мужчина прошёл*» (031); «*Разочарование лейтенанта и проверка для него*» (02). В

тексте 02 даже присутствует комментарий автора ВТ относительно ситуации, обозначенной как «проверка»: *В этой драме мне очень понравилось то, как девушка решила сделать для лейтенанта проверку.*

Очень интересен вопрос отбора языковых единиц ИИ при построении ВТ. Две экспериментальные ситуации показали, что чем меньше объём входной информации, тем легче ИИ передать содержание – оперативная память, выполняя роль буфера, сохраняет языковые конструкции в практически неизменном виде и оперативно «предлагает» их же для построения ВТ. Так, при предъявлении отрезков текста ВТ были близки в исполнении к исходному тексту, МЯД была поверхностной и даже, как нам показалось, механической, что, впрочем, никак не отразилось на конечном понимании. Способность «препарировать» текст и воссоздавать его содержание не является абсолютным показателем глубокого понимания авторского замысла.

Вторая экспериментальная ситуация с предъявлением целого текста была наиболее показательна с точки зрения анализа МЯД. Готовые ментальные продукты – ВТ – позволили предположить, как именно происходит внутренняя обработка языка и как из этого внутреннего переработанного воссоздается новое внешнее. Так, нами были отмечены характерные признаки МЯД: перефразирование и замена слов на синонимичные или выполняющие роль синонимичных в индивидуальном лексиконе ИИ («...он услышал её слова поддержки» (02)); добавление в повествовательную канву ВТ оценочных суждений и промежуточных выводов («Он боялся, что она будет некрасивая» (031)); введение сокращённых смысловых блоков, понятных автору ВТ, но требующих дополнительной расшифровки («Когда он увидел её, он понял, что можно же быть просто друзьями (но это была не она)» (031); обобщение информации («Мужчина с помощью биб-

лиотеки нашёл собеседницу» (031)); перестраивание исходной структуры авторского текста; искажение отдельных деталей содержания («*Это была девушка лет 30, но ему говорила что 18*» (02)); собственная интерпретация текста, не совпадающая с замыслом автора («*Та красавица которую он встретил стала отдаляться, ведь рядом стояла та которая поддерживала его на фронте*» (02)).

Последние два пункта могут свидетельствовать в пользу дизонтогенеза МЯД, т.е. МЯД, протекающей с отклонениями. Следует отметить, что в исследованных нами ВТ было обнаружено великое разнообразие ошибок, неточностей и искажений. Мы классифицировали ошибки на ошибки понимания (не разгадан замысел, не поняты детали, не идентифицирована женщина-друг по переписке и пр.), вызванные недостаточно развитой способностью понимания текста, и ошибки синтаксические, грамматические, орфографические и пр., которые могут быть объяснены недостаточно сформированной внутренней грамматикой и слабо развитым метаязыком, инструментом превращения внутреннего понятого во внешнее высказанное или написанное [18; 19]. Приведённые целиком ВТ 02 и 031 являются показательными примерами самого разного рода ошибок, мы не будем их здесь подробно описывать, это тема отдельной работы.

Стабильно прослеживалась ситуация баланса между уровнем развития способности понимания и качеством протекания МЯД. Многие ВТ были показательны в отношении глубины понимания и красоты исполнения (к этим примерам не относятся приведённые в работе ВТ 02, 031). Под красотой мы понимаем правильность, точность и корректность при выборе языковых единиц и построении предложений. Полагаем, что исходная база индивидуального опыта и знаний о мире (куда, безусловно, входят и знания о правилах пользования языком) обеспечивают глубину понимания, определяют

выбор языковых единиц и приёмов работы с языком. Так, в некоторых ВТ были обнаружены метафоры, эпитеты и пр., не отмеченные в авторском тексте). Т.е. богатый индивидуальный лексикон позволяет произвести качественную замену слова и ввести дополнительные обороты речи.

Очень показательна МЯД в ситуации нехватки фоновых знаний. Приведём пример из анализа ВТ. Ключевым элементом содержания в рассказе являлась книга в синей обложке, «*Бремя страстей человеческих*», книга, благодаря которой стало возможно знакомство двух молодых людей, героев рассказа, и которая впоследствии послужила условным знаком при первой личной встрече. Никто (!) из ИИ этого произведения не знал. Но то, как они ввели данный элемент содержания в свои ВТ, говорит о креативном характере обработки неизвестной информации. Так, была проведена замена слова «*бремя*» на «*время*» – «*Время страстей человеческих*». Другие варианты – «*Страсти человеческие*»; «*книга в синей обложке*»; «*синяя книга*»; «*книжка*»; «*книга, которую написал лейтенант*». Что касается приведённых нами ВТ 02, 031, то такой элемент содержания, как «*книга*» и связанное с ней событие (знакомство), а также «*книга – условный знак*» – вообще не были включены авторами в свои тексты. Вероятно, у авторов налицо нехватка опыта, связанного с чтением и книгами. Это, безусловно, лишь наше предположение. Но не вызывает сомнения тот факт, что недостаточность фоновых знаний не позволяет ИИ опознать детали повествования. Так, включённые автором строки из Псалма 22, процитированные девушкой в письме лейтенанту: «*Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною...*», не были опознаны и включены во ВТ.

Фактором, также препятствующим эффективной МЯД, является «*синдром семантического опустошения*» (термин Р.М. Фрумкиной), когда слова утрачива-

ют личностный смысл, и лишь их "оболочка" как бы отсылает к первоначальному смыслу [20]. Данный вывод сделан нами после серии дополнительных ассоциативных экспериментов на установление полноты индивидуального значения слова. В данной экспериментальной серии нами были отобраны денотаты из анализируемого текста, и испытуемым (авторам наших ВТ) было предложено написать все возникающие ассоциации на данные слова. У современных ИИ проблема семантического опустошения ощущается особенно остро, но, как нам представляется, в современном понимании «синдром семантического опустошения» следовало бы назвать синдромом семантического ненаполнения исходя из удручающей ситуации, когда лексическое значение слова не получает должного развития и наполнения в индивидуальном лексиконе. Эта ситуация напрямую связана со стремительным распространением функциональной неграмотности, и это, безусловно, тема отдельного исследования [21].

Ещё одной отмеченной нами особенностью стало существование ВТ, в которых собственное видение ситуации мешает адекватному восприятию и пониманию и существенно искажает авторский замысел. То есть в идеале, как нам видится, должна реализовываться ситуация построения ВТ, при которой авторское определяет индивидуальное, но не наоборот. Вот как об этом пишет Н.П. Пешкова: «...если порождение начинается со смысла, и именно его можно считать доминантой автора на уровне замысла, стимулирующей к продуцированию речевого произведения в той или иной форме, то понимание завершается смыслом, доминантой адресата, отражающей его индивидуальное видение мира вещей и понятий и обуславливающей ориентирование в информационном пространстве современного социума» [22, с. 74]. И если уровни когнитивных и языковых способностей реципиента соответствуют уров-

ню сложности авторского текста, то МЯД разворачивается и протекает по благоприятному сценарию, если же возникает несоответствие, то возникают сложности понимания, проявляющие себя искажениями и самыми разнообразными ошибками во ВТ. То есть «идеальной» ситуация восприятия и понимания становится тогда, когда авторские смысловые акценты так или иначе становятся смысловыми акцентами реципиента. Парадокс, как далее отмечает Наталья Петровна, возникает в том, что, «...с одной стороны, смысл наряду с содержанием текста есть составляющая его семантики, но, с другой – смысл как отражение наличной действительности, как «разновидность бытия», существующая реально и идеально, выходит далеко за пределы семантики текста, отображающего различные формы действительности в своей внутренней содержательно-смысловой структуре» [22]. То есть достижение если не идентичности, но близости понимания – вполне достижимая теоретически, но очень призрачная практически, цель.

Выводы

Проведённое исследование подтверждает идею о том, что ВТ представляет собой сжатый фрагмент воссозданной реципиентом «действительности», возникшей в его сознании в результате воздействия авторского текста. Сознание реципиента представляет собой зеркало с индивидуальной степенью кривизны. Эта степень определяется, во-первых, наличием или отсутствием подобного опыта (как собственного прожитого, так и адаптированного посредством книг, фильмов и пр.), во-вторых, сформированностью когнитивных механизмов переработки информации, делающих возможным преломить чужой отрезок действительности и спроецировать его на свою действительность; в-третьих, наличием достаточного арсенала языковых средств и навыков по их мгновенному применению. ВТ – это доступный инструмент ис-

следования МЯД индивида. При этом необходимо осознавать, что исследовать МЯД следует комплексно, рассматривая

языковую и когнитивную сферы как неразрывное единство, но понимая при этом, что это не одно и то же.

Список литературы

1. Белянин В.П. Психолингвистика. М.: Флинта, 2016. 415 с.
2. Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 178 с.
3. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 558 с.
4. Нестерова Н.М. Психолингвистика текста, или есть ли смысл в тексте? // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 213-219. EDN LAULON.
5. Нестерова Н.М. О двух подходах к проблеме понимания текста: концепции А.А. Залевской и А.И. Новикова // Вопросы психолингвистики. 2024. № 3(61). С. 59-69. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2024-61-3-59-69>. EDN JWEMBQ.
6. Гальперин П.Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Психология как объективная наука. М.: Издательство Институт практической психологии; Воронеж: НПО Модек, 1998. С. 272–317. URL: <https://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=107896> (дата обращения: 24.11.2024).
7. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 215 с.
8. Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты / под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. М.: Институт языкознания РАН, 2007. 224 с.
9. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи. М.: Культура, Акад. Проект, 2006. С. 251–263.
10. Иш-Кишор С. Свидание с любовью. URL: http://sacralis.com/biblioteka/proza/2605-svidanie_s_lubovju.html?ysclid=ls0tcuh17u170031708 (дата обращения: 24.11.2024).
11. Мягкова Е.Ю. Моделирование внутреннего метаязыка при обучении пониманию иноязычного текста // Слово и текст: психолингвистический подход. 2006. № 6. С. 122–130.
12. Выготский Л.С. Мышление и речь. СПб.: Питер, 2019. 431 с.
13. Кружилина Т.В. Понимание текста в онтогенезе. Курск, 2016. 173 с.
14. Кружилина Т.В. Стратегии исследования текста в психолингвистике // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2016. Т. 6, № 4(21). С. 71-77. EDN XRGYCH.
15. Кружилина Т.В. Особенности понимания текстового сообщения детьми дошкольного возраста // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. Т. 3, № 4. С. 16-23. EDN RWVFPT.
16. Мягкова Е. Ю. Исследование внутренней грамматики как поиск путей преодоления функциональной неграмотности // Язык, сознание, коммуникация: сборник научных статей, посвященных памяти В.Н. Телия. Вып. 53. М.: ООО "МАКС Пресс", 2016. С. 254-265. DN WJFXRN.
17. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004. 384 с.
18. Мягкова Е.Ю. Язык-логика-грамматика: к проблеме моделирования метаязыка // Методология современного языкознания: сборник статей. М.: Академия социального управления, 2010. С. 141-150. EDN RHNEUC.
19. Мягкова Е.Ю. О "формальной" и "внутренней" грамматике // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2012. № 4. С. 96-103. EDN PJPYUB.
20. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М.: Academia, 2001. 315 с.

21. Пищальникова В. А. Глава I. Нейрофизиологические основания функциональной неграмотности // Функциональная неграмотность как объект психолингвистики. М.: Р. Валент, 2022. С. 30-51. EDN GFMZYK.

22. Пешкова Н.П. Семантика и смысл текста: >, <, =, #? (экспериментальный подход к теоретическим проблемам) // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 15(370). С. 69-77. EDN UKPLCV.

References

1. Belyanin V.P. Psycholinguistics. Moscow: Flinta; 2016. 415 p. (In Russ.)
2. Zalevskaya A.A. The text and its understanding. Tver': Tver. gos. un-t, 2001. 178 p. (In Russ.)
3. Zalevskaya A.A. Introduction to psycholinguistics. Moscow: Rossijsk. gos. gumanit. un-t; 2007. 558 p. (In Russ.)
4. Nesterova N. M Psycholinguistics of the text, or is there any meaning in the text? *Voprosy psiholingvistiki = Questions of psycholinguistics*. 2009;(9):213-219. (In Russ.). EDN LAULON.
5. Nesterova N.M. On two approaches to the problem of understanding the text: the concepts of A.A. Zalevskaya and A.I. Novikov. *Voprosy psiholingvistiki = Questions of psycholinguistics*. 2024;3(61):59-69. (In Russ.). <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2024-61-3-59-69>. EDN JWEMBQ.
6. Gal'perin P. Ya. Psychology of thinking and the doctrine of the step-by-step formation of mental actions. In: *Psihologiya kak ob"ektivnaya nauka. = Psychology as an objective science*. Moscow: Izdatel'stvo Institut prakticheskoy psihologii. Voronezh: NPO Modek; 1998. P. 272–317. (In Russ.). Available at: <https://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=107896> (accessed 24.11.2024).
7. Novikov A.I. Text semantics and its formalization. Moscow: Nauka; 1983. 215 p. (In Russ.)
8. Novikov A.I., Vasil'evoy N.V., Nesterovoj N.M., Peshkovoj N.P. (eds.) The text and its semantic dominants. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN; 2007. 224 p. (In Russ.)
9. Zhinkin N.I. About code transitions in internal speech. Moscow: Kul'tura, Akad. Proekt; 2006. P. 251-263. (In Russ.)
10. Ish-Kishor S. A date with love. (In Russ.). Available at: http://sacralis.com/biblioteka/proza/2605-svidanie_s_lubovju.html?ysclid=ls0tcuhl7u170031708 (accessed 24.11.2024).
11. Myagkova E.Yu. Modeling of the internal metalanguage in teaching understanding of a foreign language text. *Word and text: a psycholinguistic approach = Word and text: a psycholinguistic approach*. 2006;(6):122–130. (In Russ.)
12. Vygotskij L.S. Thinking and speech. Sankt-Peterburg: Piter; 2019. 431 p. (In Russ.)
13. Kruzhilina T.V. Understanding text in ontogenesis. Kursk; 2016. 173 p. (In Russ.)
14. Kruzhilina T.V. Text research strategies in psycholinguistics. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2016;6(4):71-77. (In Russ.) EDN XRGYCH.
15. Kruzhilina T.V. Features of text message comprehension by preschool children. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2013;3(4):16-23. (In Russ.). EDN RWVFPT.
16. Myagkova E. Yu. The study of internal grammar as a search for ways to overcome functional illiteracy. In: *Yazyk, soznanie, kommunikaciya: sbornik nauchnyh statej, posvyash-*

chennyh pamyati V.N. Teliya = Language, consciousness, communication: a collection of scientific articles dedicated to the memory of V.N. Telia. Is 53. Moscow: MAKSPress; 2016. P. 254-265. (In Russ.). DN WJFXRN.

17. Holodnaya M.A. Cognitive styles. On the nature of the individual mind. St. Petersburg: Piter, 2004. 384 p. (In Russ.)

18. Myagkova E.Yu. Language-Logic-Grammar: towards the problem of metalanguage modeling. In: *Metodologiya sovremennogo yazykoznaniya: sbornik statej = Methodology of modern linguistics. Collection of articles*. Moscow: Akademiya social'nogo upravleniya; 2010. P. 141-150. (In Russ.). EDN RHHEUC.

19. Myagkova E.Yu. On "formal" and "internal" grammar. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya = Bulletin of Tver State University. Series: Philology*. 2012;(4):96-103. (In Russ.). EDN PJPYUB.

20. Frumkina R.M. Psycholinguistics. Moscow: Academia; 2001. 315 p. (In Russ.)

21. Pishchal'nikova V.A. Chapter I. Neurophysiological foundations of functional illiteracy. In: *Funkcional'naya negramotnost' kak ob'ekt psiholingvistiki = Functional illiteracy as an object of psycholinguistics*. Moscow: R. Valent; 2022. P. 30-51. (In Russ.). EDN GFMZYK.

22. Peshkova N. P. Semantics and meaning of the text: >, <, =, #? (an experimental approach to theoretical problems). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2015;(15):69-77. (In Russ.). EDN UKPLCV.

Информация об авторе / Information about the Author

Кружилина Татьяна Владиславовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: t.kruzhilina@yandex.ru,
SPIN-код: 8142-0010,
Researcher ID: 738898,
ORCID: 0000-0001-5714-146X

Tatiana V. Kruzhilina, Candidate of Sciences (Philological), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: t.kruzhilina@yandex.ru,
SPIN-code: 8142-0010,
Researcher ID: 738898,
ORCID: 0000-0001-5714-146X

Оригинальная статья / Original article

УДК 81.13

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-29-38>

Прагматический потенциал территориально маркированных онимов как маркер идиостиля И. А. Чернухина

М.С. Малышева¹ ✉

¹Белгородский государственный институт искусств и культуры
ул. Королева, д. 7, г. Белгород 308033, Российская Федерация

✉ e-mail: mergen1616@mail.ru

Резюме

Цель исследования состоит в описании особенностей репрезентации и функционирования в поэтических текстах белгородского поэта И. А. Чернухина имен собственных, выступающих, с одной стороны, в качестве территориально маркированной лексики (лексические единицы принадлежности онима Белгородской области), с другой стороны – являющихся маркерами поэтического дискурса и идиостиля поэта.

Методы. Для достижения поставленной цели использовались методы сплошной выборки, описательный метод, метод дискурсивного анализа, систематизации данных.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что ономастическое пространство поэтических текстов И. А. Чернухина представляет собой многогранное и многоярусное явление, вершиной которого являются имена собственные, номинирующие исторических деятелей или исторические события, однако не менее важными, семантически емкими онимами являются имена собственные, выступающие в качестве маркеров территориальной принадлежности. Эти онимы, как правило, обладают огромным прагматическим потенциалом и несут в себе разные семантические оттенки, основным из которых можно назвать значение 'малая родина'.

Заключение. Имена собственные являются важнейшими маркерами поэтического дискурса белгородского поэта И. А. Чернухина. Исследование показало, что наибольшим прагматическим потенциалом среди онимов, выступающих в качестве территориально маркированной лексики, обладает оним Белогорье, получающий полное семантическое раскрытие в поэтических текстах И. А. Чернухина. Наряду с указанным именем собственным большую роль в формировании идиостиля поэта играют гидронимы Ворскла, Тихая Сосна, а также топоним Томаровка. Указанные имена собственные являются не только территориально маркированной лексикой, но и выступают в качестве маркеров индивидуально-авторского стиля поэта.

Ключевые слова: ономастическое пространство; оним; гидроним; топоним; идиостиль; поэтический дискурс; поэтический текст; прагматический потенциал.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Малышева М.С. Прагматический потенциал территориально маркированных онимов как маркер идиостиля И. А. Чернухина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2025. Т. 15, № 1. С. 29-38. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-29-38>.

Статья поступила в редакцию 25.11.2024

Статья подписана в печать 16.01.2025

Статья опубликована 25.04.2025

The pragmatic potential of geographically labeled onyms as a marker of I. A. Chernukhin's idiosyncrasy

Maria S. Malysheva¹✉

¹Belgorod State Institute of Arts and Culture
7 Koroleva Str., Belgorod 308033, Russian Federation

✉ e-mail: mergen1616@mail.ru

Abstract

The purpose of research is to describe the features of the representation and functioning of proper names in the poetic texts of the Belgorod poet I. A. Chernukhin, acting, on the one hand, as a geographically marked vocabulary (lexical units belonging to the name of the Belgorod region), on the other hand, they are markers of the poet's poetic discourse and idiosyncrasy.

Methods. To achieve this goal, the methods of continuous sampling, descriptive method, method of discursive analysis, and data systematization were used.

Results of the conducted research indicate that the onomastic space of I. A. Chernukhin's poetic texts is a multifaceted and multi-layered phenomenon, the top of which are proper names nominating historical figures or historical events, however, no less important, semantically capacious onyms are proper names acting as markers of territorial affiliation. These synonyms, as a rule, have great pragmatic potential and carry different semantic shades, the main of which can be called the meaning of 'small homeland'.

Conclusion. Proper names are the most important markers of the poetic discourse of the Belgorod poet I. A. Chernukhin. The study showed that the greatest pragmatic potential among the onyms acting as a geographically marked vocabulary is possessed by the onym Belogorye, which receives full semantic disclosure in the poetic texts of I. A. Chernukhin. Along with the specified proper name, the hydronyms Vorskla, Quiet Pine, and the toponym Tomarovka play an important role in the formation of the poet's idiostyle. These proper names are not only geographically marked vocabulary, but also act as markers of the poet's individual authorial style.

Keywords: onomastic space; onym; hydronym; toponym; idiostyle; poetic discourse; poetic text; pragmatic potential.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Malysheva M.S. The pragmatic potential of geographically labeled onyms as a marker of I. A. Chernukhin's idiosyncrasy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2025; 15(1): 29–38 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-29-38>.

Received 25.11.2024

Accepted 16.01.2025

Published 25.04.2025

Введение

Исследование онимов, номинирующих территориальную (региональную) принадлежность населенного пункта, реки, гор и иных географических объектов, в современных лингвистических исследованиях вызывает продуктивные дискуссии в научном филологическом сообществе [1, с. 78]. Зачастую такого рода лексические единицы выступают в качестве яркого маркера идиостиля автора. В

дискурсивном пространстве художественного текста данная категория ономастических единиц может стать важнейшим дискурсообразующим элементом, репрезентирующим не только принадлежность автора или героя произведения к той или иной стране, региону, городу, но и способным выразить авторское отношение к изображаемым событиям, а стало быть, онимы – это еще и маркеры индивидуально-авторской картины мира [2, с. 20].

В части репрезентации эмоций, отношения к изображаемым событиям, наиболее продуктивным жанром, по нашему мнению, является поэтическое творчество. Исследователи, работающие в данном направлении филологической науки, отмечают, что поэзия – это самый Я-центричный жанр [3, с. 452]: в свете поэтической репрезентации того или иного исторического, политического, культурного события – личное отношение лирического героя (а в отдельных случаях равно автора) к изображаемой действительности.

В научном объективе нашего исследования – творческое наследие белгородского поэта Игоря Андреевича Чернухина (1930–2017 г. г.), незаурядного представителя поэтов-шестидесятников, поэзия которого давно вышла за рамки региональной и органично вписалась в контекст русской литературы XX века. Отличительной особенностью поэтических текстов названного автора является бережное отношение к своим корням, воспевание малой родины, героических страниц ее истории как важнейших в истории Отечества. Огромную роль в маркировании территориальной принадлежности в творчестве И. А. Чернухина играют онимы [4, с. 8]. Обратимся к анализу некоторых ономастических единиц, выступающих не только маркерами региональной принадлежности, но также маркерами поэтического дискурса и индивидуального-авторского стиля белгородского поэта.

Результаты и обсуждение

Ономастикон поэзии И.А. Чернухина представлен разного рода категориями имен собственных: имена исторических деятелей, имена выдающихся современников, имена поэтов и писателей, географические наименования, имена родственников и знакомых лирического героя (в данном случае равно поэта). Каждое имя наполнено не только традиционной семантикой (например, Прохоровка – ‘Третье ратное поле России’, поселок го-

родского типа, административный центр Прохоровского района Белгородской области, где 12 июля 1943 года состоялось масштабное танковое сражение, во многом предопределившее исход Великой Отечественной войны [5]), но и индивидуально-авторскими трактовками, связанными, как правило, с эмоциональным отношением поэта к событиям, свидетелем которых он был (например, Прохоровка – место, где фашизм доживает последние мгновения, где начинается конец гитлеровской Германии или, говоря языком поэтических текстов И.А. Чернухина, «...над мертвым, над черным полем кружит и кружит воронье» [6, с. 310]; такая поэтическая трактовка связана с событиями 1944 года, когда семья поэта вернулась в родную Томаровку и увидела там разруху: «До конца дней моих в глазах у меня останется та ранняя весна 44-го года, огромные сожженные поля, на которых до самого горизонта застыли разбитые, мертвые танки – “тигры”, “фердинанды”, наши “34”» [7]. Прохоровка как центр главного танкового сражения Великой Отечественной войны стала для И. А. Чернухина символом не только героизма советских солдат, но и символом поражения фашистской идеологии на русской земле).

Однако наиболее ярко иллюстрируют идиостиль белгородского поэта, специфику поэтического дискурса И.А. Чернухина онимы, номинирующие географические объекты, территориально расположенные в Белгородской области. Помимо территориально дифференцирующей функции данные лексические единицы несут в себе глубокую семантику и диалектную окраску. Рассмотрим на примерах поэтических текстов И.А. Чернухина, как региональный ономастикон становится одним из ключевых маркеров поэтического дискурса.

1. Белогорье. Отметим, что онимы, маркирующие региональный компонент в поэзии И. А. Чернухина, подразделяются на продуктивные, часто употребляемые в

поэтических текстах, и пассивные, употребление которых единично. Одним из продуктивных имен собственных, встречающихся в текстах белгородского поэта, является оним *Белогорье*. Примечательно, что это не официальное наименование Белгородской области, наряду с которым встречается дефиниция *Белгородчина*. Однако именно *Белогорье* занимает лидирующие позиции по частоте и продуктивности употребления в поэтических текстах автора, оказавшегося в объективе нашего исследования.

Оним *Белогорье* является эмоциональным маркером, выражающим семантику патриотизма, любви к малой родине:

*«Белохатье мое, Белогорье –
Степь, поля да вербняк на лугу...
Ничего мне не надо другого,
Ничего так любить не смогу.
И гремите, соловушки, звонко,
Вашей песне я сам подпою –
Хорошо на родимой сторонке,
В ветровом и раздольном краю»* [8, с. 144].

Интересным видится репрезентация понятия '*Белогорье*', в которой, помимо непосредственной номинации имени собственного, огромную роль играют окказиональные языковые единицы, маркирующие индивидуально-авторский стиль поэта: *Белохатье* – лингвистическая вариация онима *Белогорье*, несущая в себе семантический компонент '*приграничье*' (от '*хата*' (укр.) – «традиционный крестьянский дом в украинской, белорусской и южнорусской деревне» [9]); *вербняк* – так в некоторых регионах России, в том числе и в Белгородской области, называют вербовую рощу [10], при этом, такая номинация, как правило, характерна для южнорусских регионов, в то время как в центральной России, в северо-западных регионах данная лексема редко употребительна; *соловушки* – уменьшительно-ласкательное употребление лексемы *соловьи*, которое также маркирует

региональную принадлежность (исторически известно, что Курскую область называют соловьиным краем, а Белгородчина до 1954 года территориально являлась частью Курской области); *ветровой* – номинация чего-то, относящегося к ветру, характеристика «края ветров», а также сооружение, служащее защитой от ветра [10] (очевидно, что в приведенном тексте И. А. Чернухина данное прилагательное употребляется в значении 'край ветров').

Таким образом, оним *Белогорье* оттеняется связанными лексемами, получает полное семантическое раскрытие в дискурсивном пространстве поэзии И.А. Чернухина.

Настоящим гимном Белогорью можно назвать поэтический текст песни «Мы славим тебя, Белогорье...» (1996), в припеве которой автор прямо указывает на прославление родной земли:

*«Мы славим тебя, Белогорье,
Твои и хлеба, и жнивье,
И руды...
и Белый твой город,
И ратное поле твоё!»* [8, с. 164].

Поэтическое раскрытие онима *Белогорье* обеспечивается указанием на характерные для региона природные богатства: *хлеба, жнивье, руды*, – исторические реликвии, страницы воинских подвигов региона: *ратное поле*, – а также на регионообразующий компонент: *Белый город* (так в поэтическом тексте именуется областной центр – *Белгород*).

Таким образом, репрезентация онима *Белогорье* в поэтическом дискурсе И. А. Чернухина позволяет говорить о следующем семантическом наполнении данного имени собственного: 1) '*малая родина*'; 2) '*родимая сторона*'; 3) '*героическая земля*', – что, в свою очередь, позволяет сделать вывод о патриотическом наполнении данного онима, о его функции – показать авторское отношение к малой родине.

2. Ворскла. В числе одного из продуктивных онимов в дискурсивном пространстве белгородского поэта можно назвать гидроним *Ворскла*, номинирующий реку, протекающую по современной территории Белгородской области. Данная лексическая единица занимает особое место в творческом наследии И.А. Чернухина, поскольку напрямую связывается автором с его малой родиной – селом Томаровка [11]:

*«Со времен еще давних – петровских –
По пути на Полтаву царем
Где-то здесь, за туманною Ворск-
лой,
Срублен был незатейливый дом»* [8,
с. 143].

Кроме того, поэт показывает преемственность поколений, историю своего рода, которая берет свое начало *«со времен <...> петровских»*. Используемый И.А. Чернухиным в совокупности с гидронимом *Ворскла* (река, которая протекает по территории России и Украины и является одним из притоков Днепра [12]) оним *Полтава* репрезентирует географическое положение Белгородчины как русского приграничья, порубежья. Это положение было определено еще в XVIII веке и оставалось неизменным на протяжении нескольких столетий.

Можно с полной уверенностью сказать, что анализируемое имя собственное ассоциируется поэтом с детством, олицетворяет светлые моменты прошлого, приятные воспоминания. В качестве подтверждения приведем поэтический текст «Белохатье мое, Белогорье...» (1968):

*«Но куда мне от памяти деться? –
Я прикрою глаза – и опять
Побежит тонконогое детство
Теплый дождик на Ворскле встре-
чать»* [8, с. 144].

При этом, в поэтическом тексте И. А. Чернухина гидроним *Ворскла* прирастает новыми окказиональными переносными значениями: *Ворскла* – ‘*память*’, *Ворскла* – ‘*детство*’.

Таким образом, репрезентация онима *Ворскла* в поэтических текстах И.А. Чернухина позволяет говорить о разноплановой семантической нагрузке данного гидронима: 1) ‘*история рода*’; 2) ‘*память*’; 3) ‘*детство*’; 4) ‘*малая родина*’, – что свидетельствует о его высокой продуктивности, а также доказывает широкий прагматический потенциал данного имени собственного. Оним *Ворскла* в дискурсивном пространстве белгородского поэта наполнен глубоким историко-патриотическим содержанием, выступает в качестве важнейшего языкового маркера идиостиля И. А. Чернухина.

3. Тихая Сосна. Дискурсивное пространство поэтических текстов И.А. Чернухина демонстрирует дискурсообразующую роль гидронимов. Если в творчестве других авторов такими «столпами» могут быть имена исторических личностей или литературных героев [13], то в поэтическом дискурсе белгородского поэта онимы, номинирующие географические объекты, являются наиболее продуктивными, играют важную роль в формировании идиостилевой доминанты.

В контексте проводимого исследования интересным видится рассмотрение гидронима *Тихая Сосна* (наименование реки, протекающей по территории Воронежской и Белгородской областей и являющейся правым притоком Дона [14]), не столь широко репрезентируемого в поэтических текстах И. А. Чернухина, однако вносящего весомый вклад в формирование поэтического дискурса и индивидуально-авторского стиля поэта.

Отличительной особенностью рассматриваемого имени собственного является его абстрактность, отвлеченность от реальных исторических событий и персоналий. При этом, не зная географии Белгородской и Воронежской областей, неподготовленному читателю трудно понять, что же именуется Тихой Сосной. Практически невозможно догадаться, что это наименование реки, по контексту по-

этического текста, в котором представлена пейзажная зарисовка нетронутой цивилизацией природы:

«Над Тихой Сосной – соловьи

И сад с голубою порошей.

Здесь луг еще сочный не скошен

И горькие травы ничьи» [8, с. 131].

В пространстве поэтического текста «Над Тихой Сосной – соловьи...» (1982) оним *Тихая Сосна*, помимо традиционного значения – ‘река’ [15], прирастает важнейшей, концептуально значимой индивидуально-авторской дефиницией – ‘смена времен года’, выраженной следующими языковыми маркерами: *соловьи* (весна), *сад с голубою порошей* (зима), *сочный луг* (лето), *горькие травы* (осень).

Таким образом, гидроним *Тихая Сосна* становится олицетворением традиционных времен года, нетленной природы, единения человека и нерукотворного мира.

Семантические границы гидронима *Тихая Сосна* расширяются в поэтическом тексте «Песни Белогорья» (1980). В отличие от приведенного выше примера, в указанном стихотворении И.А. Чернухина к традиционному пониманию Тихой Сосны как реки, как неотъемлемой части природы Белгородской области добавляется значение онима, репрезентирующего историю рода поэта.

Так, традиционная семантика находит выражение следующим образом:

«Здесь, у Тихой Сосны, где берез хоровод,

Заливные луга и медовые травы,

Задушевная старая песня живет,

И тебя она славит по праву» [8, с. 156].

Исконно русская традиция репрезентируется путем обращения к фольклорным образам: *хоровод берез* (как известно, березы являются своего рода природным символом нашей страны), *задушевные песни* (дань фольклорной, обрядовой традиции языческих времен, когда существовали свадебные обрядовые песни,

плачи и т. д.). При этом, данные образы неразрывно связаны территориально с Белгородчиной гидронимом *Тихая Сосна*, позиционируют наш регион как исконно русский, древний, традиционный.

Во второй части стихотворения к традиционному значению гидронима прибавляется индивидуально-авторское, историко-культурное понимание семантики данного имени собственного:

«Твой отец не пришел с той проклятой войны.

Он убит молодым в белорусских болотах...

Ах вы лелюшки-лели...

У Тихой Сосны

Белый аист летит, окликаая кого-то» [8, с. 156].

Семантика гидронима *Тихая Сосна* в поэтическом творчестве И. А. Чернухина прирастает новыми значениями, которые раскрываются в тексте анализируемого стихотворения символически. Так, возникает поэтическая семантическая оппозиция: *Тихая Сосна* (‘малая родина’, ‘история Белгородчины’) – *белорусские болота* (‘темное пространство’, ‘угроза’, ‘смерть’), – а также символический образ *белый аист* (‘чистота’, ‘свет’, ‘безгрешность’, ‘души погибших’), неразрывно связанный с пространством *Тихой Сосны* (‘реки памяти’, ‘реки чистоты’).

Таким образом, гидроним *Тихая Сосна*, несмотря на не столь частое употребление в дискурсивном пространстве поэтического творчества И.А. Чернухина, обладает богатым прагматическим потенциалом, позволяющим данному имени собственному выражать не только прямое, традиционное значение, но также и выступать в качестве маркера идиостиля поэта, генерировать многообразные индивидуально-авторские значения и смыслы.

4. Томаровка. В поэтическом дискурсе И. А. Чернухина топоним *Томаровка* занимает особое место: это малая родина поэта, место, в котором прошло его

детство, где поэт вместе с родителями жил в непростые первые послевоенные годы, – поэтому обращение к анализу данной языковой единицы видится логичным продолжением исследования системы имен собственных в дискурсивном пространстве поэзии И. А. Чернухина.

Отличительной особенностью репрезентации онима Томаровка в творчестве белгородского поэта является органичное включение указанного имени собственного в историко-литературный контекст [16, с. 592]. Это проявляется, с одной стороны, в том, что творчество И.А. Чернухина выходит за рамки регионального уровня, органично вписывается в наследие поэтов-шестидесятников, становится его неотъемлемой частью; с другой стороны, репрезентация имен собственных в рассматриваемых поэтических текстах неразрывно связана с историей Отечества.

Так, родное село поэта Томаровка органично вписывается в историю становления русской государственности:

«Ты о чем там, сорока-воровка?

Сам я, сам расскажу про края,

Где за дымкою лет Томаровка –

Свет наш родиев, память моя» [8, с. 143].

Репрезентация топонима Томаровка неразрывно связана с традиционными фольклорными образами (*сорока-воровка* – народное, фольклорное наименование человека, который тащит все блестящее, красивое, вне зависимости от реальной ценности такого рода блеска [17, с. 8]). Она обеспечивается индивидуально-авторскими морфологическими формами (*дымкою* – вместо традиционного *‘дымкой’*, *свет родиев* – вместо традиционного *‘родной’*, при этом, *‘родиев’* в современном русском языке – относящийся к родию, что, конечно же, никак не связывается с семантикой лексемы *‘род’* [18, с. 73]). При этом, как и рассмотренный нами выше гидроним *Ворскла*, имя собственное *Томаровка* также несет в себе

семантику *‘малая родина’*, *‘отчий дом’*, *‘память’*, *‘детство’*, что позволяет говорить о нем не только как о продуктивном ониме, но и рассматривать в контексте традиционной для творчества белгородского поэта патриотической тематики.

Таким образом, оним *Томаровка* органично вписывается в ономастическое пространство поэзии И. А. Чернухина, становится ярким маркером идиостиля поэта, репрезентирующим территориальную принадлежность автора из Белгородской области, но при этом не переводящим И. А. Чернухина в ранг регионального поэта, что имеет огромное значение в оценке творческого наследия белгородского поэта.

Выводы

Ономастическое пространство поэтических текстов И. А. Чернухина представляет собой многогранную систему имен собственных, классифицируемых по самым разным параметрам. Особую роль в дискурсивном пространстве поэзии И. А. Чернухина играют имена собственные (топонимы, гидронимы), номинирующие географические объекты, расположенные на территории Белгородской области [19, с. 87]. Данные лексические единицы имеют четко определенную семантическую направленность, содержание которой сводится, как правило, к следующим значениям: 1) *‘малая родина’*; 2) *‘история рода’*; 3) *‘память’*; 4) *‘детство’*; 5) *‘героическая земля’*. Конечно, в каждом конкретном случае семантика имен собственных может расширяться, прирастать дополнительными окказиональными значениями [20]. Такие онимы не только выступают в качестве показателей принадлежности Белгородчине, но и являются маркерами индивидуально-авторского стиля поэта, обладающими огромным прагматическим потенциалом.

Список литературы

1. Пономаренко И.Н., Беданова З.К. К вопросу о семантике имени собственного // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. Вып. 4 (227). С. 76-82.
2. Васильева О.А. Ономастическая лексика как предмет изучения исследователей-лингвистов // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. №1 (10). С. 19-22.
3. Малышева М.С. Способы репрезентации лирического «Я» в художественном творчестве И.А. Чернухина // Белгородский диалог-2016. Проблемы филологии, всеобщей и отечественной истории : сборник материалов VIII Международного молодежного научного форума. Белгород, 7-9 апреля 2016 г. / отв. ред. А.И. Папков. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 451-455.
4. Чумак-Жунь И.И., Малышева М.С. Имя собственное как прецедентный феномен в творчестве регионального поэта И.А. Чернухина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2017. №21 (270). Вып. 35. С. 5-13.
5. Прохоровка. История поселка // ФГБУК Государственный военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле»: офиц. сайт. URL: <https://yagla.tv/cpOJFWw>.
6. Чернухин И.А. Стихотворения. Баллады. Поэмы. Белгород: Отчий край, 2003. 444 с.
7. Биография поэта: И.А. Чернухин // Энциклопедия земли Яковлевской. URL: <http://yakovlibr.ru/biografija-pojeta/> (дата обращения: 23.10.2024).
8. Чернухин И.А. Запах огня: книга избранных стихотворений. Белгород: КОНСТАНТА, 2014. 296 с.
9. Сайненко Ю.В. Роль украинизмов в образовании топонимов Белгородской области // Russian Linguistic Bulletin. 2023. №1 (37). С. 1-4.
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 100000 слов / под ред. Л.И. Скворцова. М.: Мир и образование, 2020. 736 с.
11. Чернухин И.А. Между прошлым и будущим...: (История одной жизни): заметки литератора в трех частях. Книга 1. Ч. 1. Ступени; Ч. 2. Затмение. Белгород: КОНСТАНТА, 2012. 524 с.
12. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. М.: Рипол классик, 2008. 1534 с.
13. Malysheva Maria S., Morsinskij Vladislav S., Proskurnina Ludmila V., Surova Maria N. Text as an object discourse analysis: interdiscourse aspect // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication – TOJDAC. March 2018. Special Edition. P. 613-624.
14. Федотова Д.М. Имена собственные и онимы в художественном тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 13 (762). С. 107-115.
15. Кузьмина М.И. Имя собственное в художественной речи // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2015. №2 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imya-sobstvennoe-v-hudozhestvennoy-rechi/viewer> (дата обращения: 23.10.2024).
16. Малышева М.С. Роль прецедентных онимов в формировании когнитивной матрицы свой – чужой в поэтическом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 591-594.
17. Гузнова А.В. Семантический аспект изучения онимов // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. №3 (15). С. 7-10.

18. Плешков Е.С. Значение имени собственного как лингвистическая проблема // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 14, №3. С. 71-75.
19. Малышева М.С. Поэтический текст как объект дискурсивного анализа // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. 2021. Т. 11, №4. С. 83-92.
20. Малышева М.С. Специфика идиостиля белгородского поэта И.А. Чернухина // Уральский научный вестник. 2021. Т. 7. №1. С. 75-78.

References

1. Ponomarenko I.N., Bedanokova Z.K. On the question of the semantics of a proper name. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie = Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History*. 2018;(4):76-82. (In Russ.)
2. Vasilyeva O.A. Onomastic vocabulary as a subject of study by linguistic researchers. *Baltiiskij gumanitarnyj zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*. 2015;(1):19-22. (In Russ.)
3. Malysheva M.S. Ways of representing the lyrical "I" in the artistic work of I.A. Chernukhin. In: *Belgorodskij dialog-2016. Problemy filologii, vseobshchej i otechestvennoj istorii = Belgorod dialogue-2016. Problems of philology, universal and national history. Collection of materials of the VIII International Youth Scientific Forum*. Belgorod; 2016. P. 451-455. (In Russ.)
4. Chumak-Zhun I.I., Malysheva M.S. Proper name as a precedent phenomenon in the work of the regional poet I.A. Chernukhin. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki = Scientific bulletin of the Belgorod State University. The Humanities series*. 2017;(21):5-13. (In Russ.)
5. Prokhorovka. History of the village. *FGBUK Gosudarstvennyj voenno-istoricheskij muzej-zapovednik «Prohorovskoe pole» = Prokhorov Field State Military Historical Museum-Reserve*. (In Russ.). Available at: <https://yagla.tv/cpOJFWw>.
6. Chernukhin I.A. Poems. Ballads. Poems. Belgorod: Fatherland; 2003. 444 p. (In Russ.)
7. Biography of the poet: I.A. Chernukhin. *Entsiklopediya zemli Yakovlevskoi = Encyclopedia of Yakovlevskaya land*. (In Russ.). Available at: <http://yakovlibr.ru/biografija-pojeta/> (accessed 23.10.2024).
8. Chernukhin I.A. The smell of fire: a book of selected poems. Belgorod: CONSTANT; 2014. 296 p. (In Russ.)
9. Sainenko Yu.V. The role of Ukrainisms in the formation of toponyms of the Belgorod region. *Russian Linguistic Bulletin*. 2023;(1):1-4. (In Russ.)
10. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language. 100,000 words; ed. by L.I. Skvortsov. Moscow: Mir i obrazovanie; 2020. 736 p. (In Russ.)
11. Chernukhin I.A. Between the past and the future...: (The story of one life): the writer's notes in three parts. Book 1. Pt. 1. The Steps; Pt. 2. The Eclipse. Belgorod: CONSTANT; 2012. 524 p. (In Russ.)
12. Kuznetsov S.A., ed. The Great explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Riol classic; 2008. 1534 p. (In Russ.)
13. Malysheva Maria S., Morsinskij Vladislav S., Proskurnina Ludmila V., Surova Magia N. Text as an object discourse analysis: interdiscourse aspect. *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication – TOJDAC*. March 2018;(Special Edition):613-624.

14. Fedotova D.M. Proper names and onyms in a literary text. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* = *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*. 2016;(13):107-115. (In Russ.)
15. Kuzmina M.I. Proper name in artistic speech. *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki* = *Topical issues of modern philology and journalism*. 2015;(2). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/imya-sobstvennoe-v-hudozhestvennoy-rechi/viewer> (accessed 23.10.2024).
16. Malysheva M.S. The role of precedent synonyms in the formation of the cognitive matrix of friend and foe in poetic discourse. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* = *Cognitive studies of language*. 2017;(XXX):591-594. (In Russ.)
17. Guznova A.V. Semantic aspect of the study of onyms. *Baltiiskij gumanitarnyj zhurnal* = *Baltic Humanitarian Journal*. 2015;(3):7-10. (In Russ.)
18. Pleshkov E.S. The meaning of a proper name as a linguistic problem. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* = *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*. 2017;14(3):71-75. (In Russ.)
19. Malysheva M.S. Poetic text as an object of discursive analysis. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwestern State University. Series Linguistics and pedagogy*. 2021;11(4):83-92. (In Russ.)
20. Malysheva M.S. Specificity of the idiostyle of the Belgorod poet I.A. Chernukhin. *Ural'skij nauchnyj vestnik* = *Ural Scientific Bulletin*. 2021;7(1):75-78. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Малышева Мария Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Российская Федерация, e-mail: mergen1616@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2958-8170

Maria S. Malysheva, Candidate of Sciences (Philological), Associated Professor of the Department of Library and Information Activities, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russian Federation, e-mail: mergen1616@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2958-8170

Оригинальная статья / Original article

УДК 81`23

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-39-54>

Репрезентация образа России в сознании молодёжной социально-демографической группы (на материале результатов психолингвистического эксперимента)

А.В. Анненкова¹✉, Е.А. Таныгина¹

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: Antonina-1984@yandex.ru

Резюме

Представленное исследование анализирует особенности формирования образа России в современном сознании молодёжной социально-демографической группы с точки зрения психолингвистики на основании результатов психолингвистического экспериментального исследования.

На современном этапе общественно-политического развития государства и общества особую значимость приобретает изучение многогранного понятия образ России. **Актуальность** выбранной темы исследования состоит также в том, что анализ образа России, сформированного в сознании молодёжи, предполагает глубокое понимание фундаментальных принципов культурного и социального развития молодёжи, а их изучение позволит глубже понять их национальную идентичность. В сфере современной гуманитарной парадигмы особое внимание уделяется пониманию сущности и механизмов, лежащих в основе формирования внутреннего и внешнего образа, стоящего за стимульным объектом. Формирование образа России в сознании индивида представляется как интерференция происходящих в его жизни событий, его фоновых знаний об исследуемом стимульном объекте и явлений окружающей действительности на основе подобия, сходства или аналогии.

Целью исследования стало изучение образа России, сформированного в сознании представителей молодёжной социально-демографической группы, и его анализ с точки зрения психолингвистики.

Основным **методом**, использованным при проведении экспериментального исследования, являлся свободный ассоциативный эксперимент. Для анализа полученных данных были применены описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный методы, комплексная имплементация которых позволила построить ассоциативные поля образа России, сформированного в сознании индивида, представляющего молодёжную социально-демографическую группу.

Материалом для исследования послужили ассоциации, полученные в ходе проведенного нами в ноябре 2021 г. свободного ассоциативного эксперимента среди студентов Юго-Западного государственного университета (г. Курск).

В результате проведённого экспериментального исследования был получен большой объём практического материала, анализ которого позволил построить лексикографическое ассоциативное поле, а также ассоциативные поля образа России с точки зрения семантического распределения ассоциатов и характера вербальных средств предсказания. Структура полученного нами ассоциативного поля образа России, сформированного в сознании молодёжи, верифицируется данными лексикографических источников.

Ключевые слова: образ; языковое сознание; ассоциативный эксперимент; Россия; ассоциативное поле; молодёжь.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Анненкова А.В., Таныгина Е.А. Репрезентация образа России в сознании молодёжной социально-демографической группы (на материале результатов психолингвистического эксперимента) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2025. Т. 15, № 1. С. 39-54. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-39-54>.

Статья поступила в редакцию 29.01.2025

Статья подписана в печать 17.02.2025

Статья опубликована 25.04.2025

© Анненкова А.В., Таныгина Е.А., 2025

The Representation of the Image of Russia in the Minds of a Youth Socio-Demographic Group (Based on the Results of a Psycholinguistic Experiment)

Antonina V. Annenkova¹✉, Elena A. Tanygina¹

¹Southwest State University

50 let Oktyabrya Str., 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: Antonina-1984@yandex.ru

Abstract

The presented study analyzes the features of the formation of the image of Russia in the modern consciousness of the youth socio-demographic group from the point of view of psycholinguistics. The study is based on the results of a psycholinguistic experiment.

At the present stage of the socio-political development of the state and society the study of the multifaceted concept of the image of Russia is of particular importance. The relevance of the chosen research topic also lies in the fact that analyzing the image of Russia formed in the minds of young people presupposes a deep understanding of the fundamental principles of cultural and social development of young people. Their study will allow for a deeper understanding of their national identity. In the field of the modern humanitarian paradigm special attention is paid to the understanding of the essence and mechanisms of the formation of the internal and external image behind the stimulus object. The formation of the image of Russia in the consciousness of an individual represents an interference of events occurring in his life, his background knowledge about the studied stimulus object and the phenomena of the surrounding reality based on similarity or analogy.

The purpose of the study is to study the image of Russia formed in the minds of representatives of the youth socio-demographic group and to analyze it from the point of view of psycholinguistics.

The main method used in conducting the experimental study was a free associative experiment. To analyze the data obtained we used descriptive-analytical and comparative methods. The complex implementation of these methods made it possible to build associative fields of the image of Russia formed in the mind of an individual representing a youth socio-demographic group.

The material for the study was the associations obtained during a free associative experiment conducted by us in November 2021 among the students of Southwest State University (Kursk).

As a result of the conducted experimental research a large amount of practical material was obtained. The analysis of the material made it possible to construct a lexicographic associative field as well as associative fields of the image of Russia in terms of the semantic distribution of associates and the nature of verbal means of predication. The structure of the associative field of the image of Russia that we have obtained is verified by the data from lexicographic sources.

Keywords: image; linguistic consciousness; associative experiment; Russia; associative field; youth.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Annenkova A.V., Tanygina E.A. The Representation of the Image of Russia in the Minds of a Youth Socio-Demographic Group (Based on the Results of a Psycholinguistic Experiment). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2025; 15(1): 39–54 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-39-54>.

Received 29.01.2025

Accepted 17.02.2025

Published 25.04.2025

Введение

Изучение образа *России*, сформировавшегося в сознании индивида, является актуальной проблемой различных отраслей гуманитарной науки: политологии,

социологии, философии, литературоведения, лингвистики и др. Среди социологических исследований можно отметить исследование образа *России* в сознании молодёжи постсоветских стран, в кото-

ром приводится опыт «социологической оценки восприятия молодёжью постсоветских стран современных российских гуманитарных проектов, её готовности включаться в предлагаемые Россией международные образовательные проекты» [1, с. 212], и работу О.В. Ярмач, А.М. Канах и В.Е. Архипенко [2], посвящённую мониторинговому исследованию формирования образа *России* в сознании молодёжи Крыма и Севастополя. Среди политических исследований с рассматриваемой темой коррелируют работа А.В. Селезневой и И.С. Палитай [3], в которой проводится анализ восприятия образа своей страны российской молодёжью с точки зрения ценностно-символического и политико-культурного аспектов, и работа Д.А. Будко и Г.В. Лукьяновой [4], посвящённая исследованию образа идеальной России в сознании студенческой молодёжи, представленного образами страны, власти и политического лидера, являющимися «своеобразной проекцией тех политических процессов и явлений, которые происходят в настоящее время в мире» [4, с. 184]. Отдельно выделяется работа О.А. Андреевой и Л.В. Левиной, рассматривающая образ *России* с лингвофилософской точки зрения [5]. Интересны также исследования образа власти [6, 7] как неотъемлемой составляющей образа любой страны. К лингвистическим исследованиям можно отнести работы О.П. Фесенко [8] по изучению образа *России* в языковом сознании представителей СНГ, О.А. Солоповой и С.Л. Кушнерук [9] по изучению образа *России* в британских СМИ, работу Н.И. Степыкина и В.И. Гуриной по моделированию ассоциативного поля концепта *Россия* на основании данных русских и англоязычных ассоциативных словарей [10], работу О.А. Андреевой и Р.В. Попадинца [11], а также исследование О.В. Дмитровой, которая в своих работах обратилась к исследованию образа *России* в медийном пространстве США [12]. Несмотря на приведённые выше примеры работ, свя-

занных с изучением образа *России*, следует отметить недостаточную исследованность образа *России* с точки зрения лингвистики в целом и психолингвистики в частности, что послужило причиной выбора образа *России* в качестве объекта исследования.

Целью исследования выступило изучение образа *России* в сознании современной молодёжи с использованием психолингвистических методов. Основной гипотезой стало положение о том, что интерпретация образа *России* в сознании индивида является интерференцией событий и явлений окружающей действительности, связанных с Россией и её образом, на основе когнитивного механизма метафоризации¹ [13]. То есть индивид проецирует свой жизненный опыт и образы, сформированные в сознании, на предъявляемый ему стимульный объект. Выбор молодёжной социально-демографической группы в качестве основной исследовательской категории обусловлен тем, что именно данная категория составляет социально активную прослойку населения, занимающую определённое устойчивое положение в обществе как представители больших социально-профессиональных групп «Студенчество» и «Профессиональные работники», которые обладают высоким уровнем социальной мобильности и активно участвуют в формировании гражданско-правовой позиции общества.

Знания, приобретаемые человеком, непосредственно перекликаются с его эмоционально-оценочным отношением к окружающей действительности и воспринимаемой информацией, поэтому одни и те же явления, понятия или события разными индивидами оцениваются и трактуются по-разному, что влияет на

¹ Анненкова А.В. Специфика функционирования образов имиджевой рекламы в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2018. 229 с.

формирование образа в сознании индивида в каждой конкретной ситуации. Формирование образа *России* в сознании опосредованно обусловлено текущими событиями и обстановкой в обществе, стране и/или в мире. Согласно В.П. Зинченко, уникальной чертой живого знания является то, что «человек узнает себя в нём, оно не выступает в качестве чуждой (отчужденной) для него реальности или силы» [14, с. 86].

Результаты и обсуждение

С целью выявления особенностей формирования образа *России* в сознании современной молодёжи было проведено экспериментальное исследование с использованием инструментария интернет-сервиса Google Forms, в котором приняли участие 606 респондентов: 390 мужчин и 216 женщин в возрасте от 17 до 35 лет. Экспериментальное исследование проводилось с использованием свободного ассоциативного эксперимента (САЭ), семантического дифференциала (СД) и метода анкетирования. Выбор указанных экспериментальных методик позволил нам всесторонне рассмотреть сформированность образа *России* в сознании индивида с позиции разных аспектуальных подходов. Уточним, что представленное экспериментальное исследование было проведено в период с ноября по декабрь 2021 г. при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31248.

В рамках данной статьи будет рассмотрена только первая часть экспериментального исследования, представленная реакциями ии. в САЭ, который является одним из наиболее эффективных методов исследования образов слов в языковом сознании индивида [15-22]. Всего в ходе эксперимента было получено 618 реакций, зафиксировано 2 отказа. Большинство ии. ограничились одной ассоциацией, однако также можно отметить наличие ряда развернутых ассоциаций, например, *водка, грязь, бедность; День-*

ги, жизнь, красота; Коррупция, нестабильность, рост цен; Лес, Медведи, Водка; Москва, Красная Площадь; Моя родина, родной дом, родная страна; Парад на 9 мая, родные поля и леса; Петергоф, Кремль, Байкал, леса. Кроме того, было получено несколько описательных реакций: «*Родина, единство людей, языка, культуры и истории*», «*Россия - это когда свои ресурсы продают своим гражданам дороже, чем за границу. Низкий уровень жизни. Прощаем долги миллиарды другим странам, а потом по телевизору собираем деньги на лечение детей*» (Прим. – эту ассоциацию мы не включили в итоговое АП), «*Строили, строили, не получилось... А и так сойдет*», «*Хорошая, большая но бессовестная*». Развёрнутые реакции такого плана характеризуют более глубокое отношение ии. к предъявляемому стимулу.

Реакции САЭ отражают корреляцию сходства, аналогии или подобия, лежащих в основе формирования и закрепления в сознании индивида языковых ассоциаций на предъявляемый стимульный объект. Отклики ии. составляют ассоциативное поле (АП) стимульного объекта [23-28], в данном случае образа *России*, сформированного в сознании ии. Для построения АП по результатам проведённого САЭ необходимо проанализировать частотность встречаемости полученных ассоциатов, а затем определить ядро, базовый слой и периферию. Реакции, полученные в результате САЭ на стимульный объект – слово *Россия*, были классифицированы и объединены в группы по семантическому критерию, анализ которых позволил выделить структурные элементы образа *России* в сознании ии. При проведении категоризации за основу нами был взят семантический критерий или категориальное грамматическое значения слова, что предполагало реализацию процесса классификации путём отнесения каждой конкретной реакции от ии. к широкой понятийной категории, характеризующейся обобщённым значени-

ем. Категоризируя ассоциаты, мы, в том числе, основывались и на результаты работы авторов, занимавшихся изучением концептов и их АП [29-34].

При построении АП нами были приняты следующие пороговые значения оценки частотности ассоциатов семантических групп для разделения их на слои: общее пороговое значение для отнесения семантической группы к ядру составило 20 % и более (самая большая по количеству входящих реакций семантическая группа), базовый слой составили группы

с процентным соотношением реакций от 10 до 20 %, к периферийному слою были отнесены все оставшиеся группы. Кроме того, следует учесть и возможность разделения периферийного слоя на ближнюю периферию (менее 10 %) и дальнюю периферию (отдельные единичные реакции, которые не отнесены ни к одной из тематических групп).

Получившееся АП образа *Россия*, сформированного в сознании индивида, представлено на рис. 1.

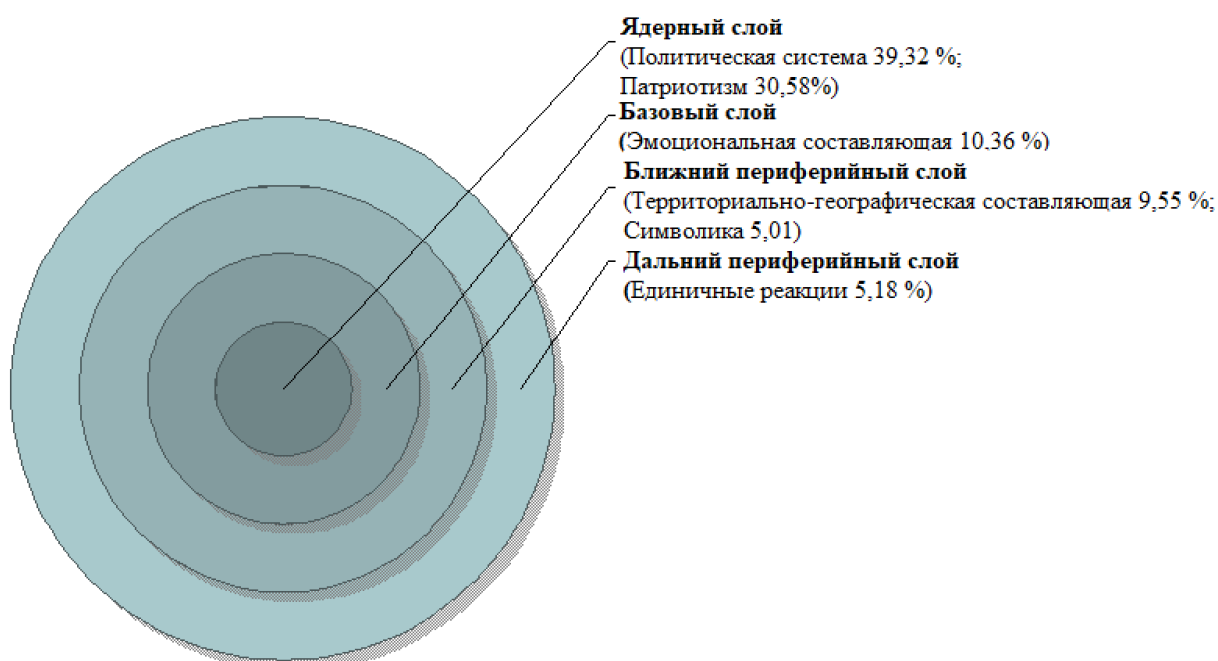

Рис. 1. Ассоциативное поле образа *Россия*, сформированного в сознании индивида

Fig. 1. The associative field of the image of *Russia* formed in the individual's mind

Если рассмотреть ассоциативное поле образа *России*, сформированного в сознании индивида (см. рис. 1), то очевидно, что ядерный слой представлен семантическими группами «Политическая система» – 39,32 % (243 реакции: *страна* 163, *Путин* 32, *государство* 12, *Россия* 7, *коррупция* 4, *империя* 3, *деньги* 2, *держава* 2, *диктатура* 2, *Расея* 2, *Русь* 2, *антиутопия*, *армия*, *застой*, *военная мощь*, *воровство*, *Россия*), *карта мира*, *федерация*, *крепостна*, *милитаризированная*

страна, *один президент*, *Советская Россия*) и «Патриотизм» – 30,58% (189 реакций: *Родина* 119, *дом* 12, *моя страна* 10, *Мать* 4, *Моя Родина* 4, *патриотизм* 4, *для русских* 3, *Матушка* 3, *священная наша держава* 3, *Моя* 2, *великая держава*, *великая история*, *великая многонациональная страна*, *где я живу*, *Родина моя*, *родной дом*, *родная страна*, *родные поля и леса*, *русская душа*, *Русские Люди*, *единая*; *единство людей*, *языка*, *культуры и истории*; *Это мой дом*, *любовь*,

любовь к Родине, Мать наша, Моя родная страна, Моя, Наша, отчизна, парад на 9 мая, патриот, Славься, страна в которой живу; русский, слава); базовый слой один и его составляет семантическая группа «Эмоциональная составляющая» – 10,36 % (64 реакции – бедность 10, гордость 4, сила 4, великая 3, Вперёд 2, грязь 2, красота 2, несправедливость 2, щедрая душа 2, The best, боль, для грустных, Россия для русских, свобода, снова воскреснет, плохие дороги, страна возможностей, Строили, строили, не получилось... А и так сойдет; тлен, терпение, топ, убожество, холод, хорошая, большая но бессовестная; щедрость, многострадальная, фигня, крутая, круто, Лучшая в мире страна!!!!!!!!!!!!!! , Надо возродить, Не великая, Не верю в нее, нестабильность, скука, дорогой бензин, хорошие дороги, быдло, нищий менталитет, нищета, низкий уровень жизни). Данные ии. ассоциаты позволили разделить периферийный слой на ближний и дальний. Ближняя периферия представлена семантическими группами «Территориально-географическая составляющая» – 9,55 % (59 реакций – Москва 16, Курск 8, большая 4, большая страна 3, леса 3, природа 3, лес 2, просторы 2, самая большая страна 2, Санкт-Петербург 2, Украина 2, территория 2, масштаб, Байкал, большая площадь, Петергоф, улицы, крупнейшая страна мира, обширная, огромная страна, от Волги до Енисея, Сибирь) и «Символика» – 5,01 % (31 реакция: флаг 8, медведь 5, водка 4, берёза 2, Кремль 2, медведи 2, дороги 2, берёзки, березы, гимн, триколор, Красная Площадь, Матрешка). Слой дальней периферии наполнен единичными реакциями – 5,18 % от всех данных откликов (32 реакции: да 10, Автоваз, будущее, в перде, Гагарин, Жигули, помойка, провинция, Рост, рост цен, Рулит, Достоевский, жизнь, запрет, зелень, история, комедии с Галустяном плохого качества, Юзгу, литература, люди, Не просила вас рожать, ок, слезы), которые достаточно

сложно отнести к какой-то одной определённой обобщённой семантической группе. Эти реакции было решено дальше более подробно не категоризировать, чтобы не перегружать АП неинформативными данными.

Анализируя АП образа **Россия** (см. рис. 1), можно сделать вывод, что для ии. образ **России** коррелирует со сложившимися у респондентов представлениями о политическом устройстве страны, её президенте, а также проблематикой патриотизма и любви к своей стране, Родине, что и отражается в доминантности этих семантических групп. Важное значение при формировании образа **России** в сознании индивида играет его положение, эмоциональное состояние и окружающая его ситуация, что может окрасить сформированный в его сознании внутренний образ **России** как негативно, так и позитивно, что нашло отражение в реакциях семантической группы «Эмоциональное состояние», полученным от ии. в ситуации «здесь-и-сейчас», что также оказало влияние на восприятие слова-стимула **Россия** и продуцируемые ассоциаты.

Периферийными реакциями АП образа **России** являются ассоциаты семантических групп «Территориально-географическая составляющая» и «Символика», что отражает незначительность данных характеристик в сформированном у молодёжи многофакторном образе **России**. Единичные реакции показывают уникальные ассоциаты, связывающие восприятие ии. со словом-стимулом **Россия**. Такие ассоциации основаны на отдалённых связях, сложно предсказуемы и анализируемы, тем не менее они дают возможность определить те фрагменты действительности, с которыми в сознании индивида соотносится слово-стимул и отражают контекстные ситуации, с которыми ии. связывает слово-стимул, например, такие ассоциаты как *Достоевский, Гагарин, Автоваз* связывают слово **Россия** с прецедентными именами, широко известными в окружении ии. и в

обществе. Можно предположить, что данные реакции эксплицируют индивидуальное знание испытуемых об исследуемом стимульном объекте [35]. Кроме того, необходимо отметить высокую эмоциональность реакций, полученных от ии., которые расположены в разных семантических группах, например, *самая большая страна, родные поля и леса, великая история, многострадальная, боль, для грустных, священная наша держава*. Большинство представленных ассоциаций являются стилистически нейтральными, однако можно также отметить ряд реакций с положительной (6,2%) и отрицательной (6,68%) окраской.

Полученное нами разнообразие реакций может быть объяснено тем, что при восприятии слова-стимула у индивида происходит идентификация лексемы стимульного слова и в его сознании формируется доминантный (наиболее релевантный) образ окружающей его действительности, характеризующий индивидуализированный момент времени и ситуацию «здесь-и-сейчас» [6, 31, 35]. При выборе ассоциаций на предъявляемые ии. стимульные слова ии. опирается на знания о нём, своё эмоционально-чувственное восприятие, ситуацию взаимодействия и взаимосвязи со стимульным словом, например, *комедии с Галустяном плохого качества, Не просила вас рождать, от Волги до Енисея*.

Сравним полученные в ходе эксперимента данные с данными предыдущих исследований [36-38]. В центре ассоциативного поля по данным ЕВРАС находятся ассоциации *страна* 149 (28,01%); *Родина* 89 (16,72%); *родина* 54 (10,15%); *великая* 21 (3,95%); *мать* 18 (3,38%); *держава* 12 (2,26%); *матушка* 11 (2,07%); *государство* 10 (1,88%). По данным русского регионального ассоциативного словаря: *страна* 111 (21,98%); *родина* 72 (14,26%); *Родина* 45 (8,91%) (всего 23,17%); *великая* 21 (4,16%); *большая* 18 (3,56%); *мать* 15 (2,97%); *держава* 14 (2,77%); *матушка* 12

(2,38%). Мы видим, что по данным представленных лексикографических источников *Россия* воспринимается не только как страна, но и как Родина, причём многие испытуемые написали это слово с заглавной буквы, тем самым подчеркивая его значение. Реакции *родина* и *страна* имеют в данных исследования практически одинаковое значение и находятся в центре представленного ассоциативного поля. Так же к центру ассоциативного поля относятся такие реакции, как *великая, мать и держава*. При сопоставлении представленных результатов с данными нашего исследования можно отметить, что ядро ассоциативного поля исследуемого концепта претерпело ряд изменений. Так, роль реакции *страна* (26,38%) немного выросла относительно реакции *родина* (19,26%). Кроме того, реакции *великая, большая и мать* сместились с центра ассоциативного поля ближе к его периферии, уступив место ассоциациям *Путин* (5,18%), *Москва* (2,59%) и *государство* (1,94%) (эти реакции были также зафиксированы в предыдущих исследованиях, однако их доля была ниже).

Рассмотрим полученные в ходе ассоциативного эксперимента реакции с точки зрения характера вербальных средств предиктирования, согласно классификации, предложенной в работах Н.И. Степыкина [10, 39, 40, 41], который выделяет в ассоциативном поле любого ассоциата четыре вида реакций:

Понятийные реакции (всего 330 реакций, 54,3%): *страна* 163, *Родина* 119, *государство* 12, *Россия* 7, *большая* 4, *патриотизм* 4, *большая страна* 3, *империя* 3, *держава* 2, *диктатура* 2, *самая большая страна* 2, *территория* 2, *большая площадь отчизна,*, *патриот, Россия), русский, страна в которой живу; федерация*.

Реакции-представления (162 реакции, 26,64%): *Путин* 32, *Москва* 16, *дом* 12, *Курск* 8, *флаг* 8, *медведь* 5, *водка* 4, *коррупция* 4, *леса* 3, *природа* 3, *берёза* 2, *грязь* 2, *деньги* 2, *дороги* 2, *Кремль* 2, *лес*

2, медведи 2, просторы 2, Расея 2, Русь 2, Санкт-Петербург 2, Украина 2, Авто-ваз, армия, Байкал, берёзки, березы, военная мощь, воровство, Гагарин, гимн, дорогой бензин, Достоевский, единство людей, языка, культуры и истории; Жигули, жизнь, зелень, история, карта мира, комедии с Галустяном плохого качества, Красная Площадь, литература, люди, масштаб, Матрешка, милитаризованная страна, обширная, огромная страна, один президент, парад на 9 мая, Петергоф, плохие дороги, провинция, Родина моя, родной дом, родная страна, родные поля и леса, рост, рост цен, Русские Люди, Сибирь, Советская Россия, терпение, триколор, улицы, холод, Юзгу.

Эмоционально-оценочные реакции (92 реакции, 15,13%): бедность 10, да 10, моя страна 10, гордость 4, Мать 4, Моя Родина 4, сила 4, великая 3, Матушка 3, красота 2, Моя 2, несправедливость 2, The best, антиутопия, боль, будущее, быдло, в перде, великая держава, великая история, великая многонациональная страна, запрет, застой, крепостна,

крупнейшая страна мира, крутая, круто, Лучшая в мире страна!!!!!!!!!!!!!! , любовь, любовь к Родине, Мать наша, многострадальная, Моя родная страна, Моя, Наша, Не великая, Не верю в нее, нестабильность, низкий уровень жизни, нищета, нищий менталитет, помойка, свобода, скука, слава, слезы, тлен, топ, убожество, фигня, хорошая, большая но бессовестная; хорошие дороги, щедрость, Это мой дом.

Операциональные ассоциаты (24 реакции, 3,95%): для русских 3, священная наша держава 3, Вперёд 2, щедрая душа 2, где я живу, для грустных, единая, Надо возродить, Не просила вас рожать, ок, от Волги до Енисея, Россия для русских, Рулит, русская душа, Славься, снова воскреснет, страна возможностей, Строили, строили, не получилось... А и так сойдет.

Структура полученного в нашем эксперименте ассоциативного поля с точки зрения характера вербальных средств предикции представлена на рис. 2.

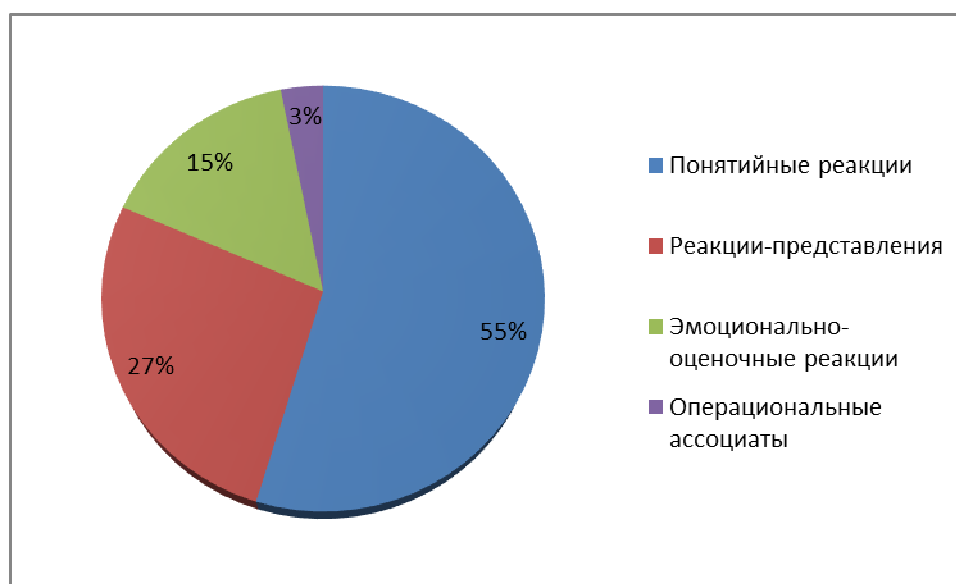

Рис. 2. Структура ассоциативного поля образа **России**

Fig. 2. The structure of the associative field of the image of **Russia**

По сравнению с данными аналогичного анализа ассоциативных словарей

русского языка, приведенного в работе Н.И. Степыкина и В.И. Гуриной [10, с.54-

56], можно отметить, что за последнее время в ассоциативном поле концепта **Россия** произошло увеличение числа понятийных ассоциаций. Так, по данным РАС и СИБАС доля понятийных ассоциаций была 40% и 41% соответственно, в нашем же эксперименте доля таких реакций составила 54,3%. В то же время уменьшилась доля эмоционально-оценочных реакций с 25% (СИБАС) и 27% (РАС) до 15,13%. По доле понятийных (26,64%) и операциональных (3,95%) реакций данные нашего эксперимента близки к данным СИБАС (30% и 4%). В РАС же зафиксировано 15% и 18%. Полученные нами данные подтверждают высказанную в работе Н.И. Степыкина мысль о нивелировании языковых ориентиров в сознании рядовых носителей русского языка. Подобная тенденция отмечалась нами ранее при изучении процесса трансформации образа цвета в сознании носителей русской культуры [42, 43].

Выводы

Данные проведённого психолингвистического эксперимента с использованием методики свободных ассоциаций и последующий их анализ с привлечением описательно-аналитического и сравнительно-сопоставительного методов позволили построить ассоциативное поле образа **России**, сформированного в сознании индивида, представляющего молодёжную социально-демографическую группу.

Так, ассоциативно-семантическое поле образа **России** доминантно представлено ассоциатами, принадлежащими семантическим группам «Политическая система» и «Патриотизм», что отражает существующую в современном российском обществе доминанту на заинтересованность внутренней общественно-политической системой страны, её международными контактами, а также подъём идей патриотизма, который занимал и занимает важное место не только в духов-

ной жизни российского общества, но и во всех основных сферах деятельности индивида – в идеологии, политике, культуре, экономике и т.п., своеобразно «переплетая» между собой реакции семантических групп «Политическая система» и «Патриотизм», которые вместе и составляют ядро ассоциативного поля образа **России** (69,9 %). Интересен тот факт, что реакции, характеризующие территориально-географическое положение страны и образы её символики, не являются ведущими при формировании образа **России** в сознании индивида, а лишь дополняют его, добавляя эмоциональный окрас.

Полученные нами реакции на слово-стимул **Россия**, составляющие образ **России** в сознании молодёжи, верифицируются и данными лексикографических источников (2008, 2014 гг.), согласно которым ядерными реакциями лексикографического ассоциативного поля **России** являются такие ассоциаты, как *Родина, страна, великая, мать, матушка, держава, государство, большая*, но в проведённом нами эксперименте ассоциаты *великая, мать, матушка держава* смещаются из центра ассоциативного поля ближе к его периферии, а в ядро добавляются ассоциаты *Путин* и *Москва*, что указывает на смещение при восприятии слова-стимула **Россия** фокуса внимания в сторону политики и связанных с ней сфер.

Если говорить об ассоциативном поле образа **Россия** с точки зрения характера вербальных средств предикции, то тут наблюдается доминирование понятийных реакций (55 %), отражающих ведущую роль когнитивных ориентиров при восприятии индивидом стимульного слова **Россия** и формировании образа **России** в его сознании.

Важно подчеркнуть, что в сознании молодого поколения прочно укоренилось положительное восприятие и сформировался положительный образ **России**. В сознании представителей молодёжной со-

циально-демографической группы сформирован образ *России* как сильного современного государства, в котором живут люди с высокоразвитыми патриотическими качествами и проявлениями, кроме того, образ *России* в сознании индивида, несмотря на нейтральную окрашен-

ность ассоциатов, характеризуется достаточно большим количеством реакций эмоциональной направленности, что свидетельствует о заинтересованности и высокой вовлечённости индивида в конструирование образа *России*.

Список литературы

1. Вилисов М.В., Батоврина Е.В., Михайлова О.В. Образ России в сознании молодёжи постсоветских стран: опыт социологической оценки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 5. С. 212-230. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-5-11>.
2. Ярмук О.В., Канах А.М., Архипенко В.Е. Образ России в сознании студенческой молодёжи Крыма и Севастополя: результаты социологического исследования // Дискурс. 2018. № 6. С. 71-79.
3. Селезнева А.В., Палитай И.С. Восприятие своей страны российской молодежью: ценностно-символический и политико-культурный аспекты // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 2. С. 123-135. <https://doi.org/10.18721/JHSS.10211>.
4. Будко Д.А., Лукьянова Г.В. Образ идеальной России в сознании студенческой молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21, № 2. С. 184-194. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-2-184-194>.
5. Андреева О.А., Левина Л.В. Детерминация образа России с древности до современности: лингвофилософский подход // Общество: философия, история, культура. 2021. № 9 (89). С. 33-38. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.9.5>.
6. Анненкова А.В., Таныгина Е.А., Попадинец Р.В. Образ современной власти в России на основе сетевых комментариев // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сборник научных статей IX Международной научно-практической конференции. Курск: ЮЗГУ, 2022. С. 19-24.
7. Романович Н.А. Образ власти в России и его базовые характеристики // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 444. С. 110-119. <https://doi.org/10.17223/15617793/444/13>.
8. Фесенко О.П. Образ России в структуре языкового сознания молодежи СНГ // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2017. № 2. С. 43-46.
9. Solopova O.A., Kushneruk S.L. War yesterday and today: The image of Russia in British media discourse // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25, no 3. P. 723-745. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-723-745>.
10. Степыкин Н.И., Гурина В.И. Моделирование ассоциативного поля Россия/Russia по данным ассоциативных словарей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 3. С. 51-60. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-3-51-60>.
11. Попадинец Р.В., Андреева О.А. Образ России в сознании современной молодежи через восприятие слов-стимулов «глобализация» и «культура» (по материалам ассоциативного эксперимента) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия:

Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, №2. С. 31-42. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-2-31-42>.

12. Дмитрова О.В. Образ России в медийном пространстве США (на примере американских комедийных сериалов) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5, № 4. С. 10-18. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-2>.

13. Зубкова О.С. Метафора в профессиональной семиотике. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2011. 334 с.

14. Зинченко В.П. Деятельность. Знание. Духовность // Высшее образование в России. 2003. №5. С. 81-91.

15. Таныгина Е.А., Нефедов Н.Г., Рубцов Н.Ю. Образ современной школы в сознании русскоязычных студентов // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сборник научных статей VIII Международной научно-практической конференции. Курск: ЮЗГУ, 2020. С. 412-416.

16. Чанышев О.Г., Пуртов А.М. Ассоциативные поля предметных областей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Системный анализ и информационные технологии. 2013. № 1. С. 177-181.

17. Касаткина Т.Ю. Ассоциативное поле как модель анализа значения слова // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14, № 4. С. 589-603. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2020-14-4-589-603>.

18. Баркова Т.П. Текстовое ассоциативное поле и моделирование структуры концепта. // Концепт. 2015. № 11 (ноябрь). С. 151-155.

19. Zagidulina A.F., Gilazetdinova G.K., Islamova E.A. Associative fields of lexemes "Homeland" and "Vatan" in Russian and Tatar linguistic consciousness // Journal of Language and Literature. 2016. Vol. 7, no 2. P. 289-292. <https://doi.org/10.7813/jll.2016/7-2/55>.

20. Shaklein V., Lonskaia A. Metaphorical images of government in Russian media texts // The European proceedings of social and behavioral science. Grozny: European Publisher, 2020. 2115-2120. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.05.278>.

21. Алексеева Е.М. Ассоциативная репрезентация психических состояний: экспериментальное исследование речевых реакций // Вопросы психолингвистики. 2017. № 33. С. 10-18.

22. Поречная В.И. Интерференция профессионального фактора на восприятие стимула с пространственным компонентом: некоторые результаты экспериментального исследования // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сборник научных статей IX Международной научно-практической конференции. Курск: ЮЗГУ, 2022. С. 143-148.

23. Архипова С.В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. №11. С. 6-9.

24. Борисова Ю.А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т.8, № 1. С. 265-275.

25. Абрамова Е.С. Ассоциативно-смысловое поле концепта // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 2.

26. Деева Н.В., Рыбникова Е.Е. Ассоциативно-смысловое поле лексемы «Россия» в репрезентации представителей китайской лингвокультуры // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 1 (92). С. 320-322. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-192-320-322>

27. Руль Н.Н., Гуц Е.Н., Куруленок А.А. Принципы моделирования ассоциативного поля: лексикографический аспект (на материале ассоциативных экспериментов с респон-

дентами, изучающими русский язык как иностранный) // Филология и культура. 2018. № 4(54). С. 74-80.

28. Попадинец Р.В. Нравственные и ценностные идеалы представителей современного поколения (опыт психолингвистического эксперимента) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2015. № 4(17). С. 59-64.

29. Пименова М.В. Политическая концептуальная система // Политическая лингвистика. 2010. № 2. С. 47-55.

30. Шагбанова Х.С. Лингвокультурная природа концепта «патриотизм» // Litera. 2023. № 4. С. 11-19. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.4.40116>.

31. Анненкова А.В. Особенности восприятия образной составляющей имиджевой рекламы (некоторые результаты ассоциативного эксперимента) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2017. Т. 7, № 3(24). С. 58-66.

32. Морель Морель Д.А. Сопоставительный анализ ассоциативных полей, отличающихся по времени фиксации, как средство выявления динамики концепта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12-2(42). С. 115-119.

33. Потапова О.Е. Вербальная репрезентация концепта. Лексико-семантическое поле как фрагмент языковой картины мира (на материале ЛСП «море»). Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда». 2020. 164 с. <https://doi.org/10.31483/a-105>.

34. Грибер Ю.А., Йонаускайте Д., Мор К. Цвета эмоций: экспериментальное исследование ассоциативных связей в современном русском языке // Litera. 2019. № 1. С. 69-86. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2019.1.28892>.

35. Анненкова А. В. К вопросу о восприятии образной составляющей поликодового текста имиджевой рекламы: гендерный фактор (экспериментальное исследование) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 2(31). С. 21-32.

36. Черкасова Г.А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. сайт. 2008. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm>

37. Русский ассоциативный словарь: сайт. URL: <http://thesaurus.ru/dict/>

38. Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС: сайт. Институт языкознания Российской академии наук. URL: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras>

39. Степыкин Н.И. Ассоциативное поле как модель ментальной репрезентации: когнитивный, эмотивный и языковой аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. 2024. 28(1). С. 88-99. <https://doi.org/10.21869/2223-1560-2024-28-1-88-99>

40. Степыкин Н.И. Опыт моделирования ассоциативных полей (по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости») // Научный диалог. 2021. №3. С. 106-120. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-106-120>

41. Степыкин Н.И. Ассоциативное поле: продукт ассоциативного эксперимента и инструмент анализа значения слова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. 2016. № 3 (20). С. 110-114.

42. Таныгина Е.А. Внутренний образ цветообозначения красный в сознании носителя русской культуры // Вопросы психолингвистики. 2011. № 1 (13). С. 166-173.

43. Таныгина Е.А. Образ цвета в сознании носителя русской культуры (на примере цветообозначения розовый) // Вестник ИГЛУ. 2011. № 4. С. 69-75.

References

1. Vilisov M.V., Batovrina E.V., Mihajlova O.V. The Image of Russia in the Minds of the Student Youth of the Crimea and Sevastopol: the Results of a Sociological Survey. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo = Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2021;14(5):212-230. (In Russ.). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-5-11>.
2. Yarmak O.V., Kanakh A.M., Arkhipenko V.E. The image of russia in the minds of the student youth of the crimea and sebastopol: the results of a sociological survey. *Diskurs = Discourse*. 2018;4(6):71-79. (In Russ.). <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2018-4-6-71-79>
3. Selezneva A.V., Palitaj I.S. Perception of their own country of russian youth: value-symbolic and political and cultural aspects. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 2019;10(2):123-135. (In Russ.). <https://doi.org/10.18721/JHSS.10211>.
4. Budko D.A., Luk'yanova G.V. Image of an ideal Russia in the consciousness of student youth. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya = RUDN Journal of Political Science*. 2019;21(2):184-194. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-2-184-194>.
5. Andreeva O. A., Levina L. V. Determination of the image of Russia from ancient to modern time: linguo-philosophical approach. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*. 2021;(9):33–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.9.5>.
6. Annenkova A.V., Tanygina E.A., Popadinec R.V. The image of modern authorities in russia on the basis of network comments. In: *Yazyk dlya spetsial'nykh tselei: sistema, funktsii, sreda: sbornik nauchnykh statei IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Language or specific purposes: system, function, environment. Collection of scientific articles of the VIII international scientific and practical conference*. Kursk: SWSU; 2022. P. 19-24 (In Russ.).
7. Romanovich N.A. The Image of Power in Russia and Its Basic Characteristics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. = Tomsk State University Journal*. 2019;(444):110-119. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/444/13>.
8. Fesenko O.P. Image of russia in the structure of the language consciousness of the cis youth. *Omskij nauchnyj vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2017;(2):43-46. (In Russ.).
9. Solopova O.A., Kushneruk S.L. War yesterday and today: The image of Russia in British media discourse. *Russian Journal of Linguistics*. 2021;25(3):723-745. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-723-745>.
10. Stepykin N.I., Gurina V.I. Modeling of the Associative Field Россия/Russia According to Associative Dictionaries. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy*. 2023;13(3):51-60. (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-3-51-60>.
11. Popadinets R.V., Andreeva O.A. The image of Russia in the Minds of Modern Youth Through the Perception of the Stimulus Words "Globalization", "Culture" (Based on the Materials of an Associative Experiment). *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy*. 2023;13(2):31-42. (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-2-31-42>.

12. Dmitrova O.V. The image of Russia in the US media (on the example of American TV comedies). *Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki = Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2019;5(4):10-18. (In Russ.). <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-2>.
13. Zubkova O.S. Metaphor in professional semiotics. Kursk: Izd-vo Kursk.gos.un-ta; 2011. 334 p. (In Russ.)
14. Zinchenko V.P. Activity. Knowledge. Spirituality. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2003;(5):81-91. (In Russ.)
15. Tanygina E.A., Nefedov N.G., Rubtcov N.Yu. The image of modern school in language consciousness of Russian students. In: *Yazyk dlya spetsial'nykh tselei: sistema, funktsii, sreda: sbornik nauchnykh statei VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Language or specific purposes: system, function, environment. Collection of scientific articles of the VIII international scientific and practical conference*. Kursk: SWSU; 2020. P. 412-416 (In Russ.).
16. Chanyshhev O.G., Purtov A.M. Associative field of subject areas. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sistemnyi analiz i informatsionnye tekhnologii = Proceedings of Voronezh State University. Series: Systems Analysis and Information Technologies*. 2013;(1):177-181 (In Russ.).
17. Kasatkina T.Yu. Associative field as a model for word meaning analysis. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii = Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2020;14(4):589-603. (In Russ.). <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2020-14-4-589-603>.
18. Barkova T.P. An associative text field and the concept's framework modelling. *Kontsept = Konzept*. 2015;(11):151-155 (In Russ.).
19. Zagidulina A.F., Gilazetdinova G.K., Islamova E.A. Associative fields of lexemes "Homeland" and "Vatan" in Russian and Tatar linguistic consciousness. *Journal of Language and Literature*. 2016;7(2): 289-292. <https://doi.org/10.7813/jll.2016/7-2/55>.
20. Shaklein V., Lonskaia A. Metaphorical images of government in Russian media texts. In: *The European proceedings of social and behavioral science*. Grozny: European Publisher; 2020. P. 2115-2120. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.05.278>.
21. Alekseeva E.M. Associative representation of mental states: experimental study of speech reactions. *Voprosy psiholingvistiki = Questions of Psycholinguistics*. 2017;(33):10-18. (In Russ.).
22. Porechnaya V.I. Interference of the professional factor on the perception of a stimulus with a spatial component: some results of an experimental study. In: *Yazyk dlya spetsial'nykh tselei: sistema, funktsii, sreda. Sbornik nauchnykh statei VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Language or specific purposes: system, function, environment. Collection of scientific articles of the IX international scientific and practical conference*. Kursk: SWSU; 2022. P. 143-148 (In Russ.).
23. Arkhipova S.V. Associative experiment in psycholinguistics. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Buryat State University*. 2011;(11):6-9 (In Russ.).
24. Borisova Yu.A. Associative experiment in modern psycholinguistic research. *Psihologiya. Istorikokriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya = Psychology. Historical and Critical Reviews and Contemporary Research*. 2019;8(1):265-275 (In Russ.).
25. Abramova E.S. Associative and semantic field of the concept. *APRIORI. Seriya: Gumanitarnye nauki = APRIORI. Series: Humanities*. 2014;(1):2. (In Russ.).

26. Deeva N.V., Rybnikova E.E. Associative-sense field of the lexema "Russia" in representation by members of the Chinese linguoculture. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The world of science, culture and education*. 2022;(1):320-322. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-192-320-322>
27. Ruhl N., Guts E.N., Kurulenok A.A. Modeling principles of associative fields: a lexicographic aspect (based on a series of associative experiments with the russian language learners). *Filologija i kul'tura = Philology and Culture*. 2018;(4):74-80. (In Russ.)
28. Popadinec R.V. Moral and value ideals of the representatives of current generation (experience of psycholinguistic experiment). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2015;(4):59-64 (In Russ.).
29. Pimenova M.V. Political conceptual system. *Politicheskaja lingvistika = Political Linguistics*. 2010;(2):47-55. (In Russ.).
30. Shagbanova H.S. The linguistic and cultural nature of the concept of "Patriotism". *Litera*. 2023;(4):11-19. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.4.40116>.
31. Annenkova A.V. Perception peculiarities of figurative component of image advertising (some results of association experiment). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy*. 2017;(3):58-66. (In Russ.)
32. Morel' Morel' D.A. Comparative analysis of associative fields differing in fixation cycle as a means for identifying dynamics of a concept. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*. 2014;(12-2):115-119. (In Russ.)
33. Potapova O.E. Verbal representation of a concept. The lexico-semantic field as a fragment of the linguistic picture of the world (based on the material of the LSP "the sea"). Cheboksary; 2020. P. 164. (In Russ.). <https://doi.org/10.31483/a-105>.
34. Griber Yu.A., Jonauskajte D., Mor K. The colors of emotions: experimental research of associative relations in modern Russian. *Litera*. 2019;(1):69-86. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2019.1.28892>.
35. Annenkova A.V. To the question of perception peculiarities of figurative component of polycode image advertising: gender factor (experimental research). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy*. 2019;9,(2):21-32. (In Russ.).
36. Cherkasova G.A. Russian comparative associative dictionary: site. 2008. (In Russ.). Available at: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm>.
37. Russian comparative associative dictionary: site. 2008. (In Russ.). Available at: <http://thesaurus.ru/dict/>
38. Cherkasova G.A., Ufimtceva N.V. Russian regional associative dictionary-thesaurus EVRAS: site. (In Russ.). Available at: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras>
39. Stepykin N.I. Associative Field as a Model of Mental Representation: Cognitive, Emotive and Linguistic Aspects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy*. 2024;28(1):88-99. (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-1560-2024-28-1-88-99>
40. Stepykin N.I. Experience in Modeling Associative Fields (Project "Multilingual Associative Thesaurus of Politeness"). *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*. 2021;(3):106-120. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-106-120>.

41. Stepykin N.I. Associative field: the product of an associative experiment and a tool for analyzing the meaning of a word. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2016;(3):110-114 (In Russ.).

42. Tanygina E.A. The Inner Image of the Color term Red in the Consciousness of the bearer of Russian Culture. *Voprosy psiholingvistiki = Questions of Psycholinguistics*. 2011;(1):166-173 (In Russ.).

43. Tanygina E.A. The image of color in the mind of the bearer of Russian culture (on the example of the color term pink). *Vestnik IGLU = Bulletin of the ISLU*. 2011;(4):69-75 (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the Authors

Анненкова Антонина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: Antonina-1984@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-6870-8126

Antonina V. Annenkova, Candidate of Sciences (Philological), Associate Professor, Assistant Professor of Foreign Languages Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: Antonina-1984@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-6870-8126

Таныгина Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: eabel@yandex.ru,
Researcher ID: 0000-0002-5488-4185

Elena A. Tanygina, Candidate of Sciences (Philological), Associate Professor, Assistant Professor of Foreign Languages Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: eabel@yandex.ru,
Researcher ID: 0000-0002-5488-4185

Оригинальная статья / Original article

УДК 81`23

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-55-65>

Характеристика несобственно-прямой речи в классической англоязычной литературе

В.В. Звягинцева¹✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: viktorina.zviagintseva@yandex.ru

Резюме

Целью данной статьи явилось научное исследование такого языкового феномена, как несобственно-прямая речь, в результате которого предполагалось уточнить основные принципы позиционирования данного вида речи в тексте, выявить стилистические особенности и грамматическую структуру последней. В рамках работы использовались описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный и семантико-стилистический методы исследования языка. Результаты анализа грамматических справочников, а также британской и американской художественной литературы классического периода позволили определить несобственно-прямую речь как часто употребляемый художественно-стилистический прием, обладающий характерными особенностями прямой и косвенной речи, но при этом отличающийся от них семантической, эмоциональной составляющей и синтаксическим оформлением. Более того, рассмотрены и проанализированы случаи перехода прямой и косвенной речи в несобственно-прямую, выявлены основные причины и принципы данного явления. Особое внимание уделено семантической составляющей в выражении синтаксических отношений. Выдвинутые гипотезы были подтверждены на примерах письменных текстов классического периода британской и американской литературы (произведения Дж. Голсуорси, Т. Драйзера, Г. Уэллса, Дж. К. Джерома), в которых удалось проследить закономерности передачи устной речи действующих лиц и диалогов несобственно-прямой речью, преднамеренное изменение взаимного расположения главных и второстепенных членов предложения с целью придания повествованию более живого и красочного характера.

Исследование носит прикладной характер, но его результаты позволят расширить понимание употребления несобственно-прямой речи в англоязычной литературе, использовать накопленные знания в процессе переводческой деятельности и, возможно, побудят лингвистов к дальнейшему изучению этого явления в современном литературном и разговорном языках.

Ключевые слова: несобственно-прямая речь; прямая речь; косвенная речь; стилистический анализ; диалог.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Звягинцева В.В. Характеристика несобственно-прямой речи в классической англоязычной литературе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2025. Т. 15, № 1. С. 55-65. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-55-65>.

Статья поступила в редакцию 29.01.2025 Статья подписана в печать 11.02.2025

Статья опубликована 25.04.2025

Characteristics of Free Indirect Speech in English Literature

Victoria V. Zvyagintseva¹✉

¹Southwest State University
50 let Oktyabrya Str., 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: t.kruzhilina@yandex.ru

Abstract

This article deals with such a linguistic phenomenon as free indirect speech. The main goal is to clarify the basic principles of positioning of this type of speech in the text, to identify its stylistic features and grammatical structure. Within the framework of the work, descriptive, comparative-historical, comparative and semantic-stylistic methods of language research were used. The results of the analysis of grammatical reference books, as well as British and American fiction made it possible to define free indirect speech as a frequently used stylistic device with characteristic features of direct and indirect speech, but at the same time unique in semantic, syntactic and emotional component. Moreover, the cases of the transition of direct and indirect speech into non-direct speech are considered and analyzed, the main causes and principles of this phenomenon are identified. Special attention is paid to the semantic component in the expression of syntactic relations. The hypotheses were confirmed by the examples of written texts from the classical period of British and American literature (Galsworthy, Dreiser, G. Wells, J. K. Jerome). The research will expand the comprehension of free indirect speech in English literature and, perhaps, encourage linguists to study this phenomenon in modern spoken language.

Keywords: free indirect speech; direct speech; indirect speech; stylistic analysis; dialogue.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Zvyagintseva M.M. Characteristics of Free Indirect Speech in English Literature. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2025; 15(1): 55–65 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-55-65>.

Received 29.01.2025

Accepted 11.02.2025

Published 25.04.2025

Введение

Для воспроизведения речи авторов и героев литературных произведений английского языка существуют различные средства: прямая речь, дословно передающая чужие слова, косвенная речь, передающая содержание высказывания или мыслей и допускающая сокращения, и несобственно-прямая речь. Прямая и косвенная речь достаточно хорошо исследованы: многочисленны труды по грамматике, относящиеся к этим способам воспроизведения (Леонтьев А.А., Абрамов Б.А., Адмони В.Г., Бархударов Л.С., Буренина Н.В., Вержбицкая А.С. и др.). Что касается несобственно - прямой речи, в по-

следние годы интерес к ней значительно вырос, а базой исследования служат работы таких ученых, как Гальперин И.Р., Молдавская Н.Д., Майер Е., Паскаль Р. и др. Более того, актуальность данного исследования подкрепляется и тем, что несобственно-прямая речь широко употребляется в классической и современной литературе.

Ниже приведен отрывок из романа Дж.Голсуорси «Братство», иллюстрирующий несобственно-прямую речь.

She was frowning as though: resentful of a piece of work which had the power to kill her other pictures. What force had moved her to paint like that? What had she

felt while the girl was standing before her, still as some pale flower placed in a cup of water? Not love - there was no love in the presentment of that twilight figure; not-hate - there was no hate in the painting of her dim appeal [1, с.127]. Героиня романа, Бьянка, хмуря лоб, смотрит на картину, нарисованную ею самой, и у неё возникает ряд мыслей: она пытается решить проблему, почему она нарисовала эту девушку так, что новое произведение затмевает теперь все её другие картины. Какое чувство руководило ею - любовь, ненависть? Ни то, ни другое, однако в картине есть что-то, что поражает воображение. Как же эти мысли, эти рассуждения переданы автором? Не прямой речью и не косвенной, а третьим способом воспроизведения чужой речи или мыслей – несобственно-прямой речью. Ее стилистическая задача состоит в некоем «вплетении» в полотно повествования субъективного размышления, передающего мысли, надежды, опасения и другие чувства действующего лица в виде вопросов, восклицаний или рассуждений. Эта речь или мысль действующего лица зачастую не оформлена как синтаксический объект, но, исходя от автора, в то же время выделяется из объективного авторского контекста своими стилистическими и грамматическими особенностями, которые рассмотрены в настоящей статье. Явление несобственно-прямой речи часто встречается в современной английской литературе, однако некоторые грамматические особенности английского языка при анализе способов воспроизведения чужих мыслей и переживаний относят её к косвенной речи. Такой подход к рассмотрению несобственной прямой речи представляется несколько неоправданным, так как семантика этих речевых явлений различна [2, с.198]. В то время как косвенная речь является передачей слов или мыслей действующего лица словами автора, не выделяется из авторского контекста и составляет одно целое с повествованием, несобственно-прямая речь прерывает ав-

торский контекст, резко выделяясь не только своей конструкцией, но и интонациями и лексикой; если косвенную речь воспроизводит автор, то в несобственно-прямой речи два участника: говорит автор и действующее лицо одновременно. Несобственно - прямая речь является средством художественной выразительности, придающим повествованию более живой, эмоциональный, красочный характер; она позволяет полнее раскрыть душевное состояние и переживания действующего лица.

В литературе существуют различные термины для обозначения анализируемого явления: «free indirect discourse» [3, с. 102] (Maier E, Gunn D.P.), «erlebte rede» [4, с. 262]. (I. Braak, G. Wilpert), «пережитая речь», «свободная косвенная речь», «монолог» (французские и испанские грамматисты), «изображающая речь» [5, с. 324] (О. Есперсен), «внутренняя речь» (Артюшков И.В.), «несобственно-авторская речь» [6, с. 12]. (Соколова Л.А.) и «несобственно - прямая речь» [4, с. 261] (Цапникова В.М., Блинова О.А., Ковтунова И.И. и др.) [7]. В данной работе используется термин «несобственно-прямая речь», который, хотя и не отображает полностью содержания этого явления, однако позволяет говорить о последнем с точки зрения семантики как о более близком к прямой, нежели к косвенной речи.

Результаты и обсуждение

Как упоминалось ранее, через несобственно-прямую речь могут быть переданы различные чувства, волнующие действующее лицо. Стилистически этой цели могут служить восклицания и восклицательные предложения. Например: *The silence was broken by a faint creaking through the wall, he was going to bed at last. Ah! Joy and pleasant dreams! If she threw the door open wide he would not go in now!* [8, с.56]. Восклицания выражают чувства досады и гнева Сомса после того,

как героиня Ирэн закрыла перед ним дверь своей комнаты.

The first thing she saw outside the rest-house was her father's car. He! What had he come for? Why did people pester her? [9, с. 246]. В этом примере восклицание «He!» в соединении с последующими вопросами выражает удивление, досаду Флёр при виде того, что отец последовал за ней. *It was a full hour before they could, make up their minds to tell Timothy. If only it could be kept from him! If only it could be broken to him by degrees!* [8, с. 187]. Два восклицательных предложения, начинающиеся с *If*, выражают невыполнимые желания сестёр Тимоти, не знающих, как сообщить брату об уходе Ирэн от мужа.

Эмоции действующего лица могут быть переданы повторением слова или предложения. Например: *But she must see him at once, at once! She got out of the car* [9, с. 134]. *Her mind got back to the Fadden Bali. She meant to go, she meant to go, she meant to go. Nothing would stop her and she was prepared, to face the consequences. Suppose her father turned her out of doors? She did not care, she meant to go* [10, с. 13].

В несобственно-прямой речи иногда встречаются неоконченные предложения, указывающие на то, что ход мыслей действующего лица по какой-то причине прерывается. Например, *Instantly her mind became full of suspicions. Had Pauline lied to her as she had lied to Pauline? Was her part in the plot of Mr. Jetsam discovered? No, impossible. And yet . Then she recollected having heard... the distant ringing* [11, с. 102]. Роза, не найдя Сёстры в её комнате, недоумевает, не догадалась ли сестра об их заговоре. Она не может допустить этой мысли, боясь закончить ее. *He... threw open the door of Fleur's room. She was lying on her bed asleep, but fully dressed! Fully dressed! Was it -? Had she -!* [9, с. 37]. В этом отрывке дважды повторяются слова *fully dressed*, выражающие удивление Сомса при виде спящей Флёр; две неоконченные фразы свидетельствуют о том, что герой боялся закончить

свою мысль. В следующем отрывке ярко выражены чувства Сомса, в первый раз попавшего на скачки в Дерби. Это передано автором серией коротких, неоконченных предложений, отображающих взволнованное состояние героя и транслирующих ряд беспорядочных мыслей. Их так много, что он не успевает додумать одну мысль, как уже другая вытесняет её. *His hand shook a little and he dropped his glasses. Here they came - a regular ding-dong! Dash it - he wasn't - England wasn't! - Yes, by George! No! Yes* [9, с. 81]! Языковые особенности несобственно-прямой речи по большей части совпадают с таковыми разговорной речи, зачастую с включением абсолютно разговорных выражений, что роднит данный вид речи с прямой и объясняется, очевидно, тем, что несобственно-прямая речь представляет собой мысли действующего героя, хотя они и переданы в третьем лице. Кроме того, употребление разговорного языка делает несобственно-прямую речь более яркой и резче выделяет её из авторского контекста [12, с. 56]. Так, можно встретить разговорные клятвы, которые, несомненно, не могут фигурировать в повествовании или в косвенной речи. Например: *Sippens smiled ecstatically as he left the office... Now he had a real fighter behind him - a man like himself. Now, by George, the fur would begin to fly* [13, с. 52]. *He walked towards the Egeyware Road, between rows of little houses, all suggesting to him... shady histories of some sort or kind. Society, forsooth, the chattering hags and Jackanapes had set themselves up to pass judgment of his flesh and blood!* [8, с. 201]. Иногда это разговорный сравнительный оборот или слово порицательной, презрительной коннотации, относящееся к знакомому человеку, о котором данный персонаж сейчас думает или которого он вспоминает. Например, *And he was not a man to suffer tamely... It was monstrous that a fellow like this Bellew, a loose fish, a drunkard, a man who had nearly run over him, should have it in his power*

to trouble the serenity of Worsted Skeynes [14, с.102]. В несобственно-прямой речи часто встречаются разговорные выражения, такие как *of course, to be sure, and then what* и другие. Например: "*Poverty, ostracism*", *she thought. And should she marry rich? Of course; if she could* [13, с. 75]. *She flung aside every plan she had in life, every discretion. Of course. Why not? She would be honest anyhow! (He placed a large handkerchief over his bald head, and... sat down in the armchair... What an 'ush alter London, to be sure, so quiet you could hear yourself think* [9, с.98]! В последнем примере представлена речевая характеристика мистера Градмана (клерка Сомса) - слово *hush* произносится без *h*. Как видно из приведённых примеров, в несобственно-прямой речи применяются выразительные средства, которые смогут употребляться и в прямой речи. По форме и построению несобственно-прямая речь имеет много общего с прямой, но в семантическом аспекте она значительно отличается: несобственно-прямая речь является не простым воспроизведением мыслей и эмоций действующего лица (как в прямой речи), а воспроизведением его мыслей и эмоций посредством автора, или, вернее, от имени автора [15, с.25]. Кроме того, несобственно-прямая речь функционирует в том виде, в каком ни прямая, ни косвенная речь не может быть употреблена: вклинивается в повествование, перемежается со словами автора, придавая тем самым тексту более живой, эмоциональный характер. Например, *He knew it to be nonsense, or it would have frightened him. What was the world coming to? Suddenly recalling the story of young Jolyon, however, he felt a little comforted for what could you expect with a father. like that! This turned his thoughts into a channel still less pleasant. What was all this talk about Soames and Irene* [8, с. 56]?

Какова грамматическая структура несобственно-прямой речи? Несобственно-прямая речь передаётся от третьего лица личным местоимением, выражаю-

щем действующее лицо. Например: *Feeling her whole slender body shaken by sobs, he was terribly alarmed. She must have Blank tomorrow. He would insist upon it. He could not have her like this* [8, с. 56]. В этом отрывке переданы мысли старого Джолиона, возникающие у него при виде плачущей Джун. Местоимение *he* указывает на то, что это говорит автор; однако весь стиль и интонация отрывка указывают на старого Джолиона. В этом состоит основная особенность несобственно-прямой речи: переплетение голосов автора и героя составляет единство высказывания. Временные категории несобственно-прямой речи подчинены законам согласования времен английской грамматики. Для выражения одновременного действия употребляется Past Indefinite, для выражения предшествующего действия - Past Perfect, а для выражения будущего действия - Future in the Past. Например, *At once Clyde straightened up, as though dashed with cold water. His uncle's! His residence! Then that was one of his automobiles standing before 1 the garage at the rear there* [16, с. 56]. *In her heart she was busy kicking this man to death. He had followed her* [10, с. 98]? *He lighted his cigarette. After all, Irene had not made a scene! She would come round, that was the best of her; she was cold but not sulky* [8, с. 354].

Модальные глаголы, имеющие особую форму прошедшего времени, употребляются в прошедшем времени. Имея только форму настоящего времени, эти глаголы употребляются в несобственно-прямой речи в этой же форме, которая выражает в таких случаях не настоящее время, а одновременность в прошлом. Например, *She tried to think how people get work. Ought she to walk into some of these places and tell them what she could do* [10, с. 264]? *One Sunday, coming from confession unconfessed, she had faced herself. It was wicked; She would have to kill this feeling - must fly from this boy, who moved her so!* [17, с. 119].

Следует отметить отсутствие в несобственно-прямой речи глагола главного предложения (в отличие от косвенной), который подчиняет себе всё дальнейшее развитие сложноподчинённого предложения, при этом весь контекст, вся ситуация прошлых действий накладывает свой отпечаток (прошлого) на несобственно-прямую речь. По существу нельзя говорить о соблюдении последовательности времён, но употребление только прошедших времён (за исключением некоторых модальных глаголов), несомненно, связано с явлением последовательности времён в косвенной речи. Для говорящего на английском языке является нормой употребление простого прошедшего и длительного прошедшего времени для выражения одновременного действия в прошлом и прошедшего перфектного для выражения предшествующего действия. Поэтому естественно употребление прошедших времён и в несобственно-прямой речи. Прошедшие времена здесь выражают категорию времени не абсолютно, а относительно; в этом смысле можно сравнить значение прошедших времён со значением простых и перфектных неличных форм глагола (*He is said to be here* – одновременность; *he is said to have been here* – предшествующее действие). Такое же относительное значение имеют в русском языке настоящее и прошедшее время в косвенной и несобственно-прямой речи: настоящее время выражает одновременность в прошлом, а прошедшее время – действие, предшествующее другому прошлому действию (*он сказал, что учится в университете* – одновременность; *он сказал, что учился в университете* – предшествующее действие). Для русского языка такое употребление времён является нормой, обусловленной правилом последовательности времен. Например: *Подарок! он себе и расхохотался громким смехом. Подарок! А у него двести рублей в кармане! Если деньги и приилют, так к рождеству* [18, с.185]. В предложении А

у него двести рублей в кармане! одновременность выражена нулевой формой глагола существования (*есть*) в настоящем времени. *Лена только выпятила губу. Тронемся! Экспресс какой, подумаешь. Что она на ходу не выскочит, что ли* [19, с. 208]! Предложение в несобственно-прямой речи является синтаксически независимым: нет главного предложения, которому оно бы подчинялось как в случае с косвенной речью; нет глагола, указывающего на то, что за ним следует несобственно-прямая речь (как это имеет место в косвенной и часто в прямой речи). Однако иногда в повествовании есть слово или предложение, которое отчасти указывает на следующую за ним несобственно-прямую речь. Например, *He knew what she was thinking. If Irene had no money, she would not be so foolish as to do anything wrong; for tor they said - they said - she had been asking for a separate room* [8, с.18]. Здесь предложение *she was thinking* выполняет функцию предупреждения. Однако обычно несобственно-прямая речь начинается неожиданно, без всякого предупреждения со стороны автора. Например, *She took the vase of roses and left the room. Was it for this that he had signed that contract? Was it for this that he was going to spend some ten thousand pounds* [8, с.415]?

Иногда внутри несобственно-прямой речи встречается вводное предложение. Например: *“He is mine”, she kept sobbing. Why (she asked herself) should she care at all for gossip, for the, sacrifice of her own pride, for all the tangle that was to follow* [20, с.431]? Изредка несобственная прямая речь встречается внутри предложения, например: *She caught his hand - Heavens! How supple she was! - and murmured* [17, с.141]. Здесь сообщение о чувствах Леннана, вызванных прикосновением руки Нелл, включено внутрь предложения, повествующего о действиях Нелл. И прикосновение руки Нелл и вызванные этим прикосновением чувства и мысли Леннана имели место в одно

время, и для того, чтобы это выразить, автор использует несобственно-прямую речь. В пределах данного языкового явления могут функционировать различные типы предложений: повествовательные, вопросительные и восклицательные. Например, *The family awaited developments; there was nothing else to do. But how far - how far had those two gone? How far were they going to go? Could they really be going at all? Nothing, could surely come of it, for neither of them had any money. At the most a flirtation, ending, as all attachments should, at the proper time* [8, с. 254]. Особенно часты вопросительные предложения; порядок слов при этом обратный, так как в речи отсутствует синтаксическое подчинение. Изредка в несобственно-прямой речи встречается собственное имя героя, мысли или чувства которого передаются в качестве приложения к личному местоимению третьего лица. Например, *She went to bed early. If only she could sleep till it was time to start! Admit - oh! freely - that she, Fleur Mont, was undisciplined; still, she hadn't worn her heart upon her sleeve* [9, с. 145].

Таким образом, особенностью несобственно-прямой речи является употребление в ней исключительно прошедших времён, которое объясняется тем, что на фоне ряда прошлых действий несобственно-прямая речь, относящаяся к тому же периоду прошлого, оформляется соответствующим образом. Употребление прошедших времён в несобственно-прямой речи сближает её с косвенной. Однако если употребление прошедших времён в косвенной речи объясняется влиянием главного глагола, то такое же употребление времён в несобственно-прямой речи объясняется влиянием всей ситуации. Зачастую внутри структуры встречается вводное предложение. Изредка употребляется приложение к личному. Синтаксис предложения несобственно-прямой речи сближает её с прямой речью. Это закономерно, поскольку в том и другом случае нет главного предложения,

которому бы они подчинились, и предложение в обоих случаях независимо.

Анализ практического материала доказывает широкое употребление несобственно-прямой речи в литературе; она является привычным стилистическим средством для многих писателей, в частности, англоязычных. Встречаются случаи, когда, начав передавать чужую речь или мысль при помощи прямой речи, автор переходит на несобственно-прямую речь. Например, *"So!" he thought, "Fleur's seen that boy!" The whole thing would begin again! He had known it* [9, с. 297]! Автор начинает передавать мысли Сомса прямой речью, затем переходит на несобственно-прямую речь. *He asked: "Why don't you get Irene?" No! June did not want to ask Irene; she would only go if - if her grandfather wouldn't mind just for a once - for a little time* [8, с. 67]! На вопрос старого Джолиона, переданный в прямой речи, ответ Джун воспроизводится несобственно-прямой речью. Возможно, автор, передавая слова действующего лица несобственно-прямой речью, хочет выразить и своё отношение к ней, придав свою модальную окраску всему высказыванию. Иногда слова действующего лица передаются прямой речью, а сопутствующие им мысли – несобственно-прямой. Например, разговор Сомса с девушкой: *"Nice evening!" he said. "Yes, sir". Very respectful* (мысль Сомса). *"River's still high"* (слова Сомса). *"Yes, sir". Rather a pretty girl!* (мысль Сомса) [9, с. 56].

Случаи перехода прямой речи в несобственно-прямую встречаются сравнительно редко. Гораздо чаще налицо переход косвенной речи в несобственно-прямую. Например, *One of the first thoughts that came to him now was where her husband was. Why wasn't he here? What had become of him* [21, с. 134]? Такой же переход косвенной речи в несобственно-прямую можно видеть в случаях, когда вопрос присоединяется к косвенной речи при помощи союза *and*. Например, *Ann Veronica went on to ask a string of*

questions about acting, and whether her sister would act, and was she beautiful enough for it, and who would make her dresses [10, с. 112]. Иногда встречаются переходы косвенной речи в несобственную прямую в пределах прямой речи. *Over a hasty breakfast they consulted to whom should they go* [21, с.56]. В данном предложении обратный порядок слов в косвенном вопросе обязан, очевидно, влиянию несобственно-прямой речи. Можно предположить, что переход косвенной речи в несобственно-прямую можно объяснить тем, что косвенная речь, более абстрактная, менее живая, не позволяет ярко выразить эмоции действующих лиц. Несложно передать в форме косвенной речи одно-два предложения, но затяжной внутренний монолог в таком случае создаст впечатление чего-то искусственного и тяжёлого из-за повторения главного глагола либо подчиняющего союза. Несобственно-прямая речь, сменяющая косвенную, делает монолог живым, эмоциональным и красочным.

Если чувства, впечатления, размышления действующих лиц часто передаются автором в форме несобственно-прямой речи, то сравнительно редко она используется для воспроизведения чужих слов и разговоров. Например, *He... did not reach the hut till nearly two o'clock. Yes, the party had made the ascent that morning - they had been seen, been heard jodelling on the top. Gewiss! Gewiss! But they would not come down the same way! Oh, no! They would be going home down to the West and over the other pass. They would be back in house before the young Herr himself* [17, с. 19]. Несобственно-прямая речь начинается неожиданно и представляет собой воспроизведение ответов хозяина горной хижины на вопросы Леннана относительно четы, но вопросы в тексте не даны, о них можно только догадаться по ответам. Интересно отметить употребление нескольких немецких слов для речевой характеристики. Также неожиданно появляется несобственно-прямая речь: это ответ на во-

прос, которого нет в тексте, но который можно восстановить в следующем отрывке: *At the little block of flats... he told the cabman to wait, and went up to the first floor. Yes, Mrs. Heron was at home* [22, с. 122]! Вопросы Сомса: «Дома ли миссис Херон?» нет в тексте, но мы понимаем, что предложение «Да, миссис Херон дома» сказано в ответ. Ответ передан несобственно-прямой речью, что подчеркивается формой *was* и восклицательным знаком, передающим эмоциональное напряжение Сомса. Иногда перед несобственно-прямой речью мы встречаем предложение с глаголом высказывания, как и перед прямой речью. *He asked. What did she mean? There was something behind all this - had she been seeing Bosinney* [8, с.403]? Ответ на этот вопрос передаётся прямой речью.

Несобственно-прямая речь может встречаться в выступлениях оратора. Ниже приведен отрывок, в котором несобственно-прямая речь употреблена для воспроизведения тоста на пирушке: *After that - I forget in what - we drank the health of Lady 'Ortensia. Persons there were - Jarmen would not attempt to disguise the fact - who complained that the Lady 'Ortensia was too distant, "too standoffish". With such complaint he himself had no sympathy; but tastes differed. If the Lady 'Ortensia were inclined to be exclusive, who should blame her. Everybody knew their own business best* [23, с. 506]. В данном отрывке переход от авторского текста к несобственно-прямой речи, воспроизводящей тост Джармана, становится неожиданно для читателя.

Несобственно-прямая речь может передавать диалог. «What business was it of theirs? As he was going to buy a house in the country would he not - to please her - buy that splendid house of Soames' at Robin Hill?.. They would be all so happy there». Wasn't the "Man of Property" going to live, in his new house then?.. "No", June said - he was not! How did she know [8, с. 357]? Джун уговаривает своего деда купить у

Сомса новый дом; её слова, так же, как и вопросы старого Джюлиона, переданы несобственно-прямой речью. Слова Джун два раза заключены в кавычки, как будто бы это прямая речь, но местоимение третьего лица и глаголы в прошедшем времени указывают на то, что это несобственно-прямая речь. Размышления мысли действующего лица и произнесенные за ними его же слова также могут быть переданы несобственно-прямой речью. Например, *And he who had the times in his hand, tried not to notice her. Was there nothing he could do to divert her attention? What about his pictures?* (мысли Сомса). Which - he asked - was her favourite? The Constable, the Stevens, the Corot, or the Daumier? (реплика Сомса) [9, с. 245].

Выводы

Результаты исследования несобственно-прямой речи в английском литературном языке позволяют сделать следующие выводы.

Несобственно-прямая речь, будучи широко распространённой в англо-американской литературе, является особым способом воспроизведения чужой речи, мыслей, чувств, переживаний, в которой

одновременно слышатся голоса автора и героя. В этом ее двойственность и основное отличие от прямой речи (где слышен только голос действующего лица) и от косвенной (где, наоборот, слышен присутствует лишь голос автора). Несобственно-прямая речь, прерывая повествование (часто неожиданно), вносит в него новые эмоциональные и интонационные элементы и служит художественно-стилистическим приёмом. Несобственно-прямая речь имеет некоторые черты, сходные с прямой речью (специальные выразительные средства, разговорные обороты, синтаксис предложения) и с косвенной (местоимения в третьем лице, правила согласования времён), но в то же время отличается от них по своей семантической составляющей.

Таким образом, несобственно-прямая речь – отдельное явление, отличный от остальных способ воспроизведения чужой речи, и ее дальнейший анализ следует проводить, объединив накопленную лингвистами базу исследования прямой и косвенной речи, при этом используя обособленный инструментарий для выявления новых граней языка в данной области.

Список литературы

1. Galsworthy J. Fraternity. Moscow: T8 Rugram, 2018. 332 p.
2. Кружилина Т. В. Текст как психолингвистический феномен // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2012. № 2. С. 192-199.
3. Maier E. Quotation and Unquotation in free indirect discourse *Mind and Language* V. 30 No 3. NY, 2015. 411 p.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Книжный дом «Либроком», 2020. 576 с.
5. Есперсен Е. Философия грамматики. М.: Изд. группа Editorial URSS, 2020. 408 с.
6. Соколова Л.А. Несобственно-авторская речь как стилистическая категория. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1968. 281с.
7. Цапникова В.М. Несобственно-прямая речь в ранних произведениях Толстого // Толстовский сборник: тезисы докладов и сообщений. Тула, 1964. С. 171-182.
8. Galsworthy J. The Forsyte Saga. The Man of Property. Moscow: T8 Rugram, 2018. 436 p.
9. Galsworthy J. Swan Song. UK, London: Headline Publishing Group, 2007. 352 p.
10. Wells H. G. Ann Veronica. Moscow: T8 Rugram, 2017. 308 p.
11. Bennett A. The City of Pleasure: A Fantasia on Modern Themes. NY, 2021. 165 p.

12. Звягинцева В. В. К вопросу об исследовании семейного дискурса в рамках деятельностно-прагматического подхода // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. № 2. С. 55-60.
13. Dreiser T. The Titan: Trilogy of Desire. USA, Imclaim Books LLC, 2021. 461 p.
14. Galsworthy J. The Country House. Moscow: T8 Rugram, 2018. 316 p.
15. Звягинцева В.В. Термины родства как обращения в русском и английском семейных дискурсах // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2011. № 1(9). С. 23-27.
16. Dreiser T. An American Tragedy. Moscow: T8 Rugram, 2018. 225 p.
17. Galsworthy J. The Dark Flower. Moscow: T8 Rugram, 2018. 304 p.
18. Гончаров И.А. Обломов. М.: Учпедгиз, 1959. 438 с.
19. Панова В.С. Спутники. М.: Русская классика, 2019. 288 с.
20. Bromfield L. A Good Woman. N-Y, Frederick Stocks Company, 1927. 566 p.
21. Galsworthy J. Maid in Waiting. NY, Enrico Conti, 2015. 333 p.
22. Galsworthy J. Forsyte Saga: In Chancery. UK, London, Headline Publishing Group, 2012. 340 p.
23. Jerome K. J. Paul Kever. Moscow: T8 Rugram, 2018. 506 p.

References

1. Galsworthy J. Fraternity. Moscow: T8 Rugram; 2018. 332 p.
2. Kruzhilina, T. V. Text as a psycholinguistic phenomenon. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya = Bulletin of Tver State University. Series: Philology.* 2012;(2):192-199. (In Russ.).
3. Maier E. Quotation and Unquotation in free indirect discourse *Mind and Language* V.30 No 3, NY; 2015. 411 p.
4. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. Moscow: Knizhnyi dom «Librokom»; 2020. 576 p. (In Russ.).
5. Espersen E. Philosophy of grammar. Moscow: izd. gruppa Editorial URSS, 2020. 408 p. (In Russ.).
6. Sokolova L. A. Improper author's speech as a stylistic category. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1968. 281 p. (In Russ.).
7. Tsapnikova V. M. Indirect Speech in Tolstoy's Early Works. In: *Tolstovskii sbornik: tezisy dokladov i soobshchenii = Tolstoy Collection: Abstracts of Reports and Messages.* Tula; 1964. P. 171-182. (In Russ.).
8. Galsworthy J. The Forsyte Saga. The Man of Property. Moscow: T8 Rugram; 2018. 436 p.
9. Galsworthy J. Swan Song. UK, London: Headline Publishing Group; 2007. 352 p.
10. Wells H. G. Ann Veronica. Moscow: T8 Rugram; 2017. 308 p.
11. Bennett A. The City of Pleasure: A Fantasia on Modern Themes. NY; 2021. 165 p.
12. Zvyagintseva V.V. On the issue of studying family discourse within the framework of the activity-pragmatic approach. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2013;(2):55-60. (In Russ.).
13. Dreiser T. The Titan: Trilogy of Desire. USA, Imclaim Books LLC; 2021. 461 p.
14. Galsworthy J. The Country House. Moscow: T8 Rugram; 2018. 316 p.
15. Zvyagintseva V.V. Kinship terms as addresses in Russian and English family discourses. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Theory of language and intercultural communication.* 2011;1(9):23-27. (In Russ.).
16. Dreiser T. An American Tragedy. Moscow: T8 Rugram; 2018. 225 p.

17. Galsworthy J. The Dark Flower. Moscow: T8 Rugram; 2018. 304 p.
18. Goncharov I.A. Oblomov. Moscow: Uchpedgiz; 1959. 438 p. (In Russ.).
19. Panova V. S. Companions. Moscow: Russkaya klassika; 2019. 288 p. (In Russ.).
20. Bromfield L. A Good Woman. N-Y: Frederick Stocks Company; 1927. 566 p.
21. Galsworthy J. Maid in Waiting. NY: Enrico Conti; 2015. 333 p.
22. Galsworthy J. Forsyte Saga: In Chancery. UK, London, Headline Publishing Group; 2012. 340 p.
23. Jerome K. J. Paul Kever. Moscow: T8 Rugram; 2018. 506 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Звягинцева Виктория Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: viktorija.zviagintseva@yandex.ru

Victoria V. Zvyagintseva, Candidate of Sciences (Philological), Associate Professor, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: viktorija.zviagintseva@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 81-44

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-66-79>

«Литературный» мем как феномен интернет-коммуникации (на материале мемов по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»)

Г.В. Попова¹✉, А.А. Беседина¹, Д.С. Жевлаков¹¹Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gal.popova0817@mail.ru

Резюме

Данная работа посвящена рассмотрению особенностей функционирования «литературных» мемов в интернет-коммуникации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения способности интернет-мемов обрабатывать и презентовать наиболее актуальные для лингвокультуры смысловые аспекты. Возможность проследить трансформацию смыслов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» для массового формата представляется в этой связи особенно интересным.

Целью работы является анализ специфики формирования, репрезентации и функционирования в медиапространстве мемов, «литературной базой» которых является роман «Преступление и наказание».

Методы. Для реализации цели исследования использовались общенаучные методы: аналитико-синтетическая обработка информации, дескриптивный метод; лингвистические методы: метод компонентного анализа, методы формализации языковых фактов.

Результаты исследования показали, что меметические единицы, сформированные по мотивам названного произведения, обладают рядом отличительных черт, в числе которых наиболее значимыми являются прецедентность, полидискурсивность, интертекстуальность. Рассмотрены их структура, модели семантического взаимодействия, содержательные свойства. Анализ содержательных характеристик мемов позволил выявить две противоборствующие тенденции: с одной стороны, мемы репрезентируют наиболее стереотипные представления о романе; с другой – мемы изображают героев, ситуации, известные только «специалистам». Выделено, что меметические единицы представляют сюжетную схему произведения в максимально обобщенном виде, причем семантика сформированного единства противоположна смыслам, заложенным в произведении.

Заключение. Проведенное исследование показало, что базовая контрастность мема дает возможность соединять в своей структуре разноплановые элементы, формируя новые нюансы смыслов. Выявлено, что прецедентные феномены становятся семантическими доминантами, на которых строятся меметические единицы. Отмечено, что юмористическая направленность большинства рассмотренных единиц свидетельствует о их полимодальной природе.

Ключевые слова: интернет-коммуникация; мем; интертекстуальность; прецедентность; полидискурсивность.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Попова Г.В., Беседина А.А., Жевлаков Д.С. «Литературный» мем как феномен интернет-коммуникации (на материале мемов по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2025. Т. 15, № 1. С. 66-79. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-66-79>.

Статья поступила в редакцию 17.01.2025

Статья подписана в печать 28.02.2025

Статья опубликована 25.04.2025

© Попова Г.В., Беседина А.А., Жевлаков Д.С., 2025

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика / Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. 2025;15(1):66-79

The “Literary” Meme as a Phenomenon of Internet Communication (Based on Memes Based on F.M. Dostoevsky's Novel «Crime and Punishment»)

Galina V. Popova¹✉, Anna A. Besedina¹, Daniil S. Zhevlakov¹

¹Southwest State University
50 let Oktyabrya Str., 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gal.popova0817@mail.ru

Abstract

This work is dedicated to examining the peculiarities of the functioning of "literary" memes in Internet communication. The relevance of the research is due to the necessity to study the ability of Internet memes to process and present the most relevant semantic aspects for linguoculture. The opportunity to trace the transformation of the meanings of F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" for a mass format is particularly interesting in this regard.

The purpose of the work is to analyze the specifics of the formation, representation and functioning of memes in the media space, the "literary base" of which is the novel "Crime and Punishment".

Methods. To achieve the purpose of the study, general scientific methods were used: analytical and synthetic information processing, descriptive method; linguistic methods: the method of component analysis, methods of formalization of linguistic facts.

The results of the study indicate that the memetic units formed based on the named work have a number of distinctive features, among which the most significant are precedent, polydiscursivity, intertextuality. Their structure, models of semantic interaction, and meaningful properties are considered. The analysis of the content characteristics of memes revealed two opposing trends: on the one hand, memes represent the most stereotypical ideas about the novel; on the other, memes depict characters, situations known only to "specialists". It is emphasized that memetic units represent the plot scheme of the work in the most generalized form, and the semantics of the formed unity oppose the meaning embedded in the original work.

Conclusion. The conducted research has shown that the basic contrast of the meme makes it possible to combine diverse elements in its structure, forming new nuances of meanings. It is revealed that precedent phenomena become semantic dominants on which meme units are built. It is noted that the humorous orientation of most of the considered units indicates their polymodal nature.

Keywords: Internet communication; meme; intertextuality; precedent; polydiscursivity.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Popova G.V., Besedina A.A., Zhevlakov D.S. The “Literary” Meme as a Phenomenon of Internet Communication (Based on Memes Based on F.M. Dostoevsky's Novel «Crime and Punishment»). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2025; 15(1): 66–79 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-66-79>.

Received 17.01.2025

Accepted 28.02.2025

Published 25.04.2025

Введение

Мем как феномен интернет-коммуникации является предметом многочисленных исследований, отправной точкой которых стало понимание термина

британским биологом Р. Докинсом. В его концепции мем представляет собой своеобразный репликатор культурной информации, благодаря которому носители одной культуры (или субкультуры) копируют стиль и одежду друг друга, слуша-

ют одну музыку, высказывают одинаковые суждения, используют в речи одни и те же выражения, возводят однотипные дома и арки и даже развивают единые научные взгляды [1, с. 192].

Корпус лингвистических исследований, посвященных интернет-мемам, достаточно широк, о чем свидетельствует перечень работ, рассматривающих аспекты их функционирования, структуры и типологии [2; 3; 4; 5; 6; 7].

Будучи сложным моно- или поликодовым образованием, мем в качестве единицы исследования включается в уже существующую научную парадигму и рассматривается как вариант креолизованного текста [8; 9], медиатекста [10, с. 87–88]; предстает единицей виртуального/ сетевого дискурса [11; 12; 13; 14] и т.д.

В качестве одного из наиболее общих определений интернет-мема выделим дефиницию О.С. Иссерс, которая представляет его как «коммуникационный феномен, в основе которого лежат процессы репликации и генерации новых смыслов посредством вербального и визуального кодов» [15, с. 29].

К характерным чертам мема относят: 1) вирусность, заключающуюся в способности быстро тиражироваться; 2) серийность, то есть способность создавать серии однотипных единиц; 3) реплицируемость, или способность воспроизводиться; 4) эмоциональность; 5) медийность, то есть функционирование в медиaprостранстве [12, с. 75].

Кроме того, способность рассматриваемого феномена быть средством коммуникации в поликультурном информационном пространстве порождает такие его свойства, как полидискурсивность [11, с. 314; 16], креативность [16], прецедентность («прецедентная сущность») [6], сериальность [5], юмористическую направленность, а также включенность в актуальную общественно-политическую, социокультурную повестку [17; 18; 19]. М.А. Кронгауз особо выделяет креатив-

ность мемов, которые «не стремятся к точному воспроизведению, а скорее, к искажению или по крайней мере к новым контекстам» [3, с. 128].

Интернет-коммуникация, базовые свойства которой связаны с возможностью мгновенного распространения информации для неограниченного количества пользователей, отсутствием ранжирования и регламентации передаваемого контента, предоставляет мемам площадку для эффективного функционирования. Мем в такой среде становится самостоятельной семиотической единицей, содержательно аккумулирующей и отражающей наиболее актуальные фрагменты действительности в визуально-вербальном единстве, образуя «сложно построенный смысл» [8, с. 12].

Русская классическая литература составляет мощный пласт социокультурной информации, которая «обрабатывается» в мемах, погружая героев, события художественного произведения в качественно иной контекст. Такая корреляция порождает множество смысловых нюансов: психологических, культурологических, ценностных, юмористических и т.д. Исследование мемов по мотивам романа «Преступление и наказание» представляется особенно интересным, поскольку дает возможность проследить трансформацию многообразия смыслов многослойного полифоничного произведения Ф.М. Достоевского для массового формата в интернет-коммуникации.

Материалы и методы

Материалом исследования являются мемы (около 800 единиц), в которых один из компонентов (текстовый или изобразительный) связан с романом Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Обозначенные материалы работы требуют применения таких общенаучных методов, как методы сбора и обработки информации (аналитико-синтетическая обработка), дескриптивный метод; лингвистические методы: метод компонентного

анализа, методы формализации языковых фактов.

Результаты и обсуждение

Анализ обозначенных единиц позволил выделить несколько базовых характеристик «литературных» мемов, которые во многом определяются их происхождением, но не отменяют типовых свойств мемов, описанных выше.

В первую очередь отметим яркую *прецедентность* («прецедентную сущность») данных мемов, обусловленную «источником» их конструирования. Роман Ф.М. Достоевского буквально «разбирается» на прецедентные феномены в процессе формирования мемов, когда «материалом» становятся герои (Родион Раскольников, Сонечка, Разумихин, старуха-процентщица и т.д.), события (убийство, каторга и т.д.), элементы оформления произведения (желтый цвет, значимые локации в Петербурге и т.д.).

Полидискурсивность, которая определяется соединением в «нерасторжимое семиотическое единство» нескольких дискурсивных потоков. Визуальный компо-

нент рассматриваемых мемов чаще всего представляет собой кадр из советских и российских фильмов, снятых по «Преступлению и наказанию», что требует от реципиента специфической погруженности в контекст.

Интертекстуальность «литературных» мемов обусловлена, в свою очередь, их сущностной прецедентностью и полидискурсивностью и состоит в диалогическом воспроизведении в новом формате «старых цитат» (по Р. Барту) как визуальных, так и текстовых.

Представим анализ собранных единиц более подробно. Отметим, что подавляющее большинство мемов указанной тематики являются по структуре бинарными или поликодовыми, что обусловлено спецификой контента.

К наиболее продуктивным моделям семантического взаимодействия представленных кодов (по Т.В. Марченко) в структуре мемов можно отнести следующие:

1. Конфликт, когда взаимодействие строится на противоречии между знаками разных семиотических систем (рис. 1, 2).

Рис. 1. Мем «Наполеон и Раскольников»

Fig. 1. The meme "Napoleon and Raskolnikov"

Как видим, в приведенных примерах взаимодействие строится на антитезе. На рис. 1 представлен контраст между масштабом личности Наполеона и Раскольникова, маленького, неуклюжего, который стремится ему подражать. На рис. 2.

Рис. 2. Мем «Качок Дог и Чимс»

Fig. 2. The meme "Jock Dog and Chimes"

Раскольников (жалкий и беспомощный Чимс) сравнивается с Разумихиным (уверенным, сильным Дог). Описание героев позволяет усилить ироничное противопоставление.

2. Наличие «интерпретативного ключа» [20, с. 214], когда линию семантического взаимодействия определяет некий

легко узнаваемый элемент (визуальный или текстовый), который составляет ключ к пониманию сути мема (рис. 3,4).

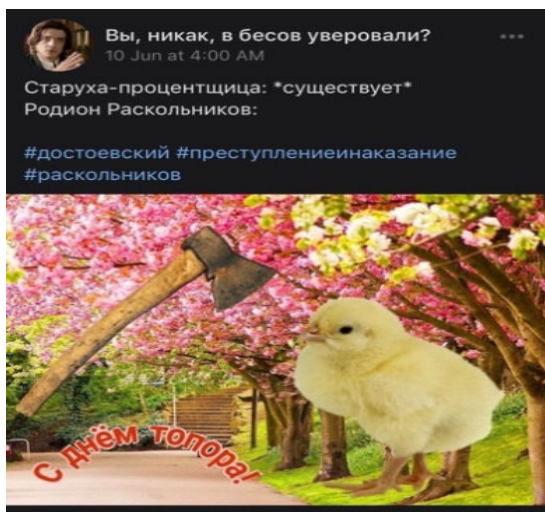

Рис. 3. Мем «С днем топора!»

Fig. 3. Meme "Happy Axe Day!"

Как видим из примеров, мемы данной модели представляют собой конструктор, системообразующим элементом которого является фраза «С днем!...». Мемы на рис. 3,4 – это саркастичная пародия на многочисленные поздравления с разнообразными «праздниками».

Приведенные модели семантического взаимодействия являются взаимосвязанными и взаимозависимыми, поскольку меметические единицы контрастны по

Рис. 4. Мем «С днем имеющих право»

Fig. 4. The meme "Happy Entitlement Day"

своей сути и обладают способностью к репликации. Так, на рис. 5 приведен мем, где визуальный компонент представлен очень известным кадром из фильма «Крестный отец», ставшим основой для множества единиц (рис. 6), а текстовая часть трансформирует прецедентное высказывание Дона Корлионе из фильма «Крестный отец» и выражает противоречие.

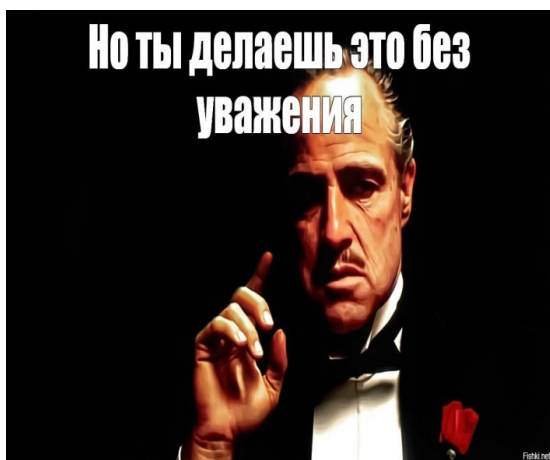

Рис. 5. Мем «Но ты делаешь это без уважения»

Fig. 5. The meme "But you're doing it without respect"

Рис. 6. Мем «Дон Корлионе о девушке»

Fig. 6. The meme "Don Corleone about a girl"

Исследование содержательных свойств мемов позволяет выявить сопряжение двух противоположных тенденций. С одной стороны, в меметических единицах репрезентируются наиболее стереотипные представления о романе, с другой – фиксируются обращения к героям и фактам, не имеющим массовой узнаваемости, известным только внимательным читателям или зрителям. Рассмотрим несколько примеров «массовых» мемов, в которых отражаются наиболее известные персонажи и детали романа: главный герой (Родион Раскольников), старуха-процентщица, топор. Такие мемы, как правило, представляют собой трансфор-

мацию прецедентных феноменов. Переработка может затрагивать и ситуацию, и вербальный компонент, которые контрастируют с изображением, погружая компоненты произведения в качественно иной контекст.

Так, в меме «Они не знают... Это я убил бабу» (рис. 7) ситуация из романа, когда Раскольников пытается скрыть убийство и не выдать себя, пока герои ни о чем не подозревают, актуализируется в новых обстоятельствах: герой-интроверт в разгаре вечеринки стоит в углу, ощущая собственную отстраненность от остальных.

Рис. 7. Мем «Они не знают... Это я убил бабу»

Fig. 7. The meme "They don't know... I killed my grandmother"

Значительная часть мемов этой группы основана на преобразовании его вербального компонента (посредством языковой игры, каламбура и т.д.). Наиболее частотны изменения прецедентных высказываний из романа. Так, фразы «Нормис я дрожащий или шиз, право имеющий» (рис. 8) и «Тварь я мурчащая или право имею?» (рис. 9) – трансформируют известную цитату Р. Раскольникова «Тварь ли я дрожащая или право имею?». В первом случае переработка осуществляется с помощью сленга: «тварь» стано-

вится «нормисом», т.е. обыкновенным, ничем не выделяющимся человеком, а тот, кто «право имеет» теперь «шиз» – неадекватный человек, пугающий окружающих своим поведением. В другом примере Раскольников заменяется котом (мем в данном случае следует схеме формирования единиц с котиками), что ведет за собой и изменение цитаты: тварь «дрожащая» становится «мурчащей», а Раскольников – «Раскотниковым». Топор, лежащий рядом с котом, завершает образ нового героя.

Рис. 8. Мем «Нормис я дрожащий или шиз, право имеющий»

Fig. 8. Meme "Normis, I'm trembling or crazy, I have the right"

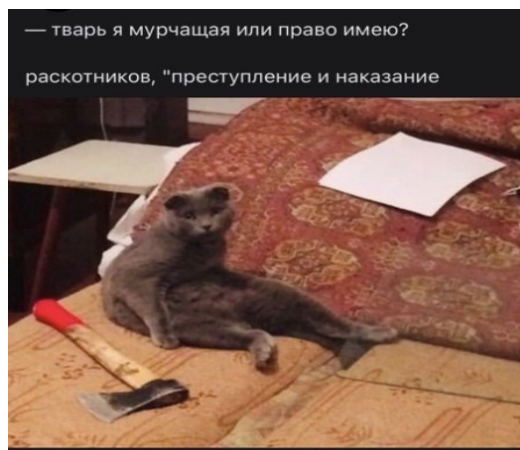

Рис. 9. Мем «Тварь я мурчащая или право имею?»

Fig. 9. The meme "Am I a purring creature or do I have the right?"

Высказывание «Рублю бабки» (рис. 10) означает «разживаться деньгами», однако в сочетании с изобразительным

компонентом реализуется буквально — «рубить (топором) старух».

Рис. 10. Мем «Рублю бабки»

Fig. 10. The meme "I'm cutting money"

Базисная интертекстуальность «литературных» мемов позволяет сопрягать «элементы» романа с другими художественными произведениями (фильмами, сериалами, мультфильмами и т.д.).

Мем "The same energy" («Та же энергия») (рис. 11), построенный по принципу конструктора, сопоставляет героев, похожих по энергетике и настроению: персонаж мультсериала «Смешарики» Копатыч преобразуется в Психопатыча, взявшего в лапы топор, и соотносится с Раскольниковым.

Мем по мультфильму «Головоломка» (рис. 12) представляет деяние Раскольникова буквально: визуальный компонент (кадр из сериала) встраивается в афишу названного мультфильма. В меме на рис. 13 преступление героя саркастично обыгрывается за счет совмещения резко контрастирующих элементов, а в примере на рис. 14 гиперболизирована одна из важнейших изобразительных деталей романа — желтый цвет, показывающий болезненность, состояние уныния героев.

Рис. 11. Мем "The same energy"

Fig. 11. The meme "The same energy"

Рис. 12. Мем по мультфильму «Головоломка»

Fig. 12. Meme based on the cartoon "Puzzle"

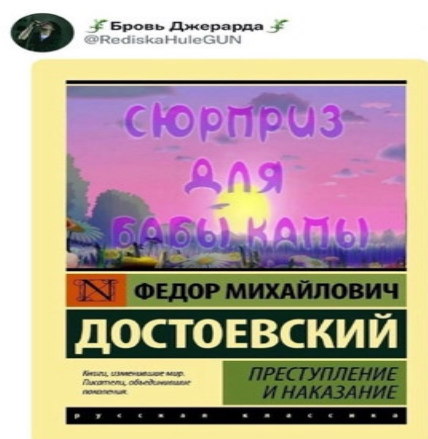

Рис. 13. Мем «Сюрприз для Бабы Капы»

Fig. 13. Meme "Surprise for Baba Kapa"

Рис. 14. Мем «Типичная комната в романе»

Fig. 14. The meme "A typical room in a novel"

Анализ показывает, что среди «массовых» мемов наиболее высокой степенью обобщения обладают монокодовые визуальные единства. В таких мемах наиболее стереотипные представления о романе не только актуализируются в качественно ином контексте, но и в результате семиотического и семантического взаимодействия образуется единица, представляющая смыслы, противоположные

ложные заложенным в произведении. Примером такого сопряжения служит мем «Запрет на убийство старушек» (рис. 15), в котором сюжетная схема произведения коррелируется с системой дорожных знаков. В меме «Мышь с топором и кот» (рис. 16) орудие убийства отдано потенциальной жертве, что составляет сущностную контрастность семиотической единицы.

Рис. 15. Мем «Запрет на убийство старушек»

Fig. 15. The "Ban on killing old ladies" meme

Уровень обобщения может быть настолько высок, что мем превращается в «перевертыш», когда связь визуального и текстового элементов устанавливается ассоциативно. На рис. 17 представлен

Рис. 16. Мем «Мышь с топором и кот»

Fig. 16. The meme "Mouse with an axe and a cat"

альтернативный вариант развития событий, когда угрожающий вид приобретает как раз старушка, идущая по дороге с топором.

Рис. 17. Мем «Альтернативная версия»

Fig. 17. The "Alternative version" meme

Как видим, погружение персонажей, ситуаций из романа Ф.М. Достоевского в другой контекст позволяет не только актуализировать наиболее «считываемые» смыслы произведения, но и устанавливать новые корреляции. Новая «единица смысла», будучи вторичной по сути, становится вполне самостоятельной, органично встраивается в социокультурное поле и обретает собственную семантику.

Обратимся к анализу мемов «специальной» группы, в которых находят от-

ражение второстепенные герои, сюжетные ходы и детали романа, узнаваемость которых значительно ниже. Такими феноменами становятся товарищ Раскольников по университету Разумихин, дворянин «не без связей» Свидригайлов, сватающийся к сестре Раскольникова Лужин и т.д.

Наиболее частотными в этой группе являются мемы о Разумихине, в которых актуализируются такие характеристики героя, как оптимизм, стремление помочь,

порядочность, доброта. Так, в серийном мем-конструкторе «Никто не идеален» (рис. 18) Разумихин представляется как раз идеальным человеком, которого, по мнению других, не может существовать.

В серии мемов “be like” («быть как») (рис. 19), как правило, явления, предметы

или лица, указанные в вербальной части, противопоставляются изобразительному элементу. Здесь сравнение строится на контрасте: Разумихин и Раскольников соотносятся с активным, бодрым котенком и лежащей без воды рыбой «в депрессии» соответственно.

КТО-ТО: НИКТО НЕ ИДЕАЛЕН

Рис. 18. Мем «Никто не идеален»

Fig. 18. The meme "No one is perfect"

Мемы, в которых фигурирует Свидригайлов, антонимичны общему настроению романа и характеризуются нарочито расслабленной атмосферой. Так, разговор Сонечки и Раскольникова (рис. 20), в котором он признается в убийстве, кон-

Раскольников и Соня: *болтают по душам, обсуждают 4-ое Евангелие и читают воскрешение Лазаря*

Свидригайлов за дверью:

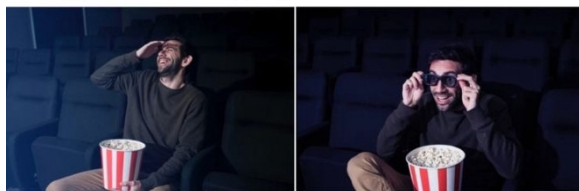

Рис. 20. Мем «Свидригайлов подслушивает разговор Сони и Раскольникова»

Fig. 20. The meme "Svidrigailov overhears the conversation between Sonya and Raskolnikov"

Как видим, для полноценного восприятия таких единиц необходимы го-

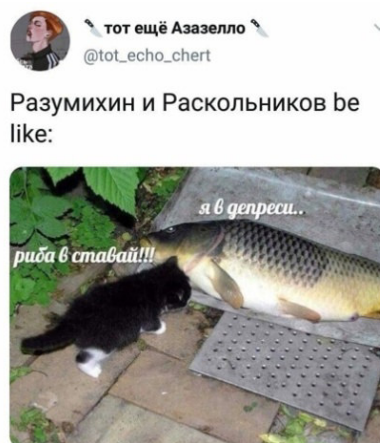

Рис. 19. Мем Разумихин и Раскольников be like"

Fig. 19. The Razumikhin and Raskolnikov be like meme"

трастирует с поведением героя, сидящего в кинотеатре. Мем с Лужиным (рис. 21), напротив, подчеркивает подлость персонажа, отражая ситуацию из романа и представляя ее в юмористическом ключе.

Лужин: *даёт Соне 110Р*

Так же Лужин:

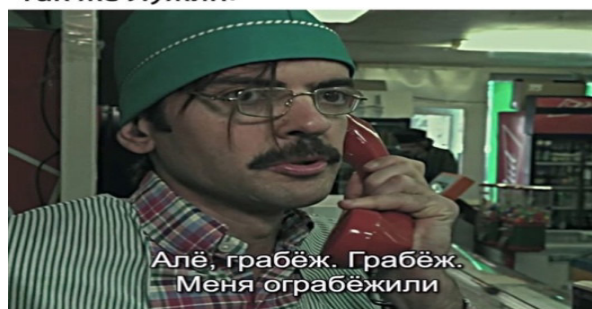

Рис. 21. Мем «Лужин даёт Соне 110 р.»

Fig. 21. The meme "Luzhin gives Sonya 110 rubles."

раздо более глубокие знания об идейно-тематическом, содержательном и струк-

турном своеобразии произведения. Формирование «специальной» группы мемов, с одной стороны, противоречит массовости и медийности мема как единицы интернет-коммуникации, с другой – свидетельствует о высокой значимости романа для русской лингвокультуры.

Итак, мем как единица интернет-коммуникации контрастен по своей сути, поскольку в большинстве случаев соединение визуального и текстового элементов происходит по принципу противоречия, что способствует формированию и актуализации смыслов. Исключительное разнообразие и разнонаправленность современной интернет-коммуникации дает возможность корреляции в литературных мемах нескольких дискурсивных потоков, что не только создает новую семиотическую и сематическую единицу, но и порождает широкое поле ассоциаций.

Выводы

Мемы по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» выносят в медийное пространство как наиболее известные прецедентные феномены (ситуации, имена, фразы и т.д.), так и менее значимые, креативно их перерабатывая. Именно прецедентные феномены становятся своеобразными семантическими доминантами, на основе которых строятся рассматриваемые единицы.

Обозначим несколько таких блоков: **ситуация** (*Раскольников убил старуху; Раскольников скрывает преступление, Разумихин помогает Раскольникову, Лужин дает Соне деньги; Свидригайлов подслушивает*); **имя** (*Ф.М. Достоевский, Раскольников, Сонечка, Разумихин, Лужин, Свидригайлов, Наполеон*), **высказывание** (*преступление и наказание, тварь я дрожащая или право имею*); **характеристика** (*Раскольников депрессивный, Разумихин добрый, умный, идеальный, Лужин подлый*) и т.д.

Как видим, идейно-тематическое своеобразие романа неизбежно упрощается, сжимаясь до массового формата. Именно поэтому особенно креативны единицы высокого уровня обобщения, где схематично обозначается **ситуация**, отражающая событийную канву произведения. В таких мемах именно **ситуация** (преступление) лишь подразумевается, представляется как нечто безусловно известное, которое может быть творчески переосмыслено.

Практически все рассмотренные единицы имеют юмористическую направленность, что соответствует их полимодальной природе и свидетельствует о включенности в общую развлекательную тенденцию сетевого дискурса.

Список литературы

1. Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. Фоминой. М.: АСТ: Corpus, 2013. 512 с.
2. Hofstadter D. R., 1996. Metamagical Themas: Questing for the Essence of Mind and Pattern. N. Y.: Trade Paperback, 1996. 824 p.
3. Кронгауз М.А. Мемы в интернете: опыт деконструкции // Наука и жизнь. 2012. № 11. С. 127–132.
4. Олешкова А.М. Интернет-мем как способ воспроизводства культуры // Общество: философия, история, культура. 2017. Вып. 8. С. 164–166.
5. Кэмп-Фигура Д. (Интернет-)мем как новый медиажанр. Постановка вопроса // Медиалингвистика. 2019. № 6 (1). С. 103–121.
6. Щурина Ю.В. Интернет-мемы в современной коммуникации: адаптация и прагматический потенциал // Коммуникативные исследования. 2023. Т. 10, № 3. С. 558–576. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2023.10\(3\).558-576](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2023.10(3).558-576).

7. Щурина Ю.В., Харохорина М.Б. Интернет-мем как жанр и «нюсмейкер» в современном медиапространстве // Медиалингвистика. 2020. № 7 (2). С. 263–275. URL: <https://medialing.ru/internet-mem-kak-zhanr-i-nyusmejker-v-sovremennom-mediaprostranstve/>
8. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. 122 с.
9. Креолизованный текст: Смысловое восприятие / отв. ред. И.В. Вашунина; ред. колл.: Е.Ф. Тарасов, А.А. Нистратов, М.О. Матвеев. М.: Институт языкознания РАН, 2020. 206 с.
10. Щурина Ю.В. Интернет-мемы: проблема типологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 6. С. 85-89.
11. Канашина С.В. Когнитивные основания полидискурсивности в интернет-мемах // Филологические науки. 2018. № 12 (90). С. 313-317.
12. Канашина С.В. Семантические особенности интернет-мема как полимодального дискурса // Вестник МГЛУ. 2018. № 16 (811). С. 74-80.
13. Карасик В.И. Сетевой дискурс: жанровые характеристики // Язык. Текст. Дискурс. 2018. Вып. 16. С. 152-166.
14. Никифоров О.Ю. Виртуальный дискурс: интеграция и дифференциация // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 11. URL: <https://human.snauka.ru/2012/11/1930>.
15. Иссерс О. С. Потенциал трансформаций поликодового интернет-мема в событийном контексте 2020 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2021. Т. 20, № 2. С. 26-41. <https://doi.org/https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.3>
16. Полонский А.В., Шаталова Ю.Н., Крюкова С.В., Ушакова С.В. Полидискурсивность интернет-мема как реализация его лингвокреативного потенциала // Медиалингвистика. 2023. № 10 (2). С. 209–222. URL: <https://medialing.ru/polidiskursivnost-internet-mema-kak-realizaciya-ego-lingvokreativnogo-potenciala/> (дата обращения: 21.11.2024)
17. Гусейнова И.А., Косиченко Е.Ф. Грани смешного и юмор без границ: семиотика комических текстов разных жанров. Казань: Бук, 2024. 210 с.
18. Попова Г.В., Косиченко Е.Ф. Антиномии юмористического дискурса (на материале программы «Клуб веселых и находчивых») // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 8. С. 188-209.
19. Попова Г.В., Жевлаков Д.С., Гориводская Д.Е. Генерализующие характеристики юмористических интернет-мемов // Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований: сборник VI Международной научной конференции. Курск, 2024. С. 127-136.
20. Марченко Т.В. Интернет-мем как феномен медиакоммуникации: типологические характеристики и потенциал прецедентности // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: сборник научных трудов. Вып. 16. Орел, 2019. С. 209-220.

References

1. Dokinz R. The Selfish gene. Translated from English by N. Fomina. Moscow: ACT: Corpus; 2013. 512 p. (In Russ.)
2. Hofstadter D. R., 1996. Metamagical Themas: Questing for the Essence of Mind and Pattern. N. Y.: Trade Paperback; 1996. 824 p.

3. Krongauz M.A. Memes on the Internet: the experience of deconstruction. *Nauka i zhizn' = Science and Life*. 2012;(11):127–132. (In Russ.)
4. Oleshkova A.M. The Internet meme as a way of reproducing culture. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, history, culture*. 2017;(8):164–166. (In Russ.)
5. Kempa-Figura D. (The (Internet)meme as a new media genre. Question statement. *Medialingvistika = Media Linguistics*. 2019;(6):103–121. (In Russ.)
6. Shchurina Yu.V. Internet memes in modern communication: Adaptation and pragmatic potential. *Kommunikativnye issledovaniya = Communicative Research*. 2023;10(3):558–576. (In Russ.). [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2023.10\(3\).558-576](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2023.10(3).558-576).
7. Shchurina Yu.V., Kharokhorina M.B. The Internet meme as a genre and a "newsmaker" in the modern media space. *Medialingvistika = Media Linguistics*. 2020;(7):263–275. (In Russ.). Available at: <https://medialing.ru/internet-mem-kak-zhanr-i-nyusmejker-v-sovremennom-media-prostranstve/>
8. Anisimova E.E. Text linguistics and intercultural communication (based on the material of creolized texts). Moscow: Akademiya; 2003. 122 p. (In Russ.)
9. Vashunina I.V. Creolized text: Semantic perception. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN; 2020. 206 p. (In Russ.)
10. Shchurina Yu.V. Internet memes: the problem of typology. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Cherepovets State University*. 2014;(6):85–89. (In Russ.)
11. Kanashina S.V. Cognitive foundations of polydiscursivity in Internet memes. *Filologicheskie nauki = Philological sciences*. 2018;(12):313–317. (In Russ.)
12. Kanashina S.V. Semantic features of the Internet meme as a polymodal discourse. *Vestnik MGLU = Bulletin of the Moscow State University*. 2018;(16):74–80. (In Russ.)
13. Karasik V.I. Network discourse: genre characteristics. *Yazyk. Tekst. Diskurs = Language. Text. The discourse*. 2018;(16):152–166. (In Russ.)
14. Nikiforov O.Yu. Virtual Discourse: Integration and differentiation. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya = Humanitarian Scientific Research*. 2012;(11). (In Russ.). Available at: <https://human.snauka.ru/2012/11/1930>.
15. Issers O.S. The potential of transformations of the polycode Internet meme in the event context of 2020. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie = Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*. 2021;20(2):26–41. (In Russ.). <https://doi.org/https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.3>
16. Polonskii A.V., Shatalova Yu.N., Kryukova S.V., Ushakova S.V. The polydiscursivity of an Internet meme as the realization of its linguistic and creative potential. *Media-lingvistika = Media Linguistics*. 2023;(10):209–222. (In Russ.). Available at: <https://medialing.ru/polidiskursivnost-internet-mema-kak-realizaciya-ego-lingvokreativnogo-potenciala/> (accessed 21.11.2024)
17. Guseinova I.A., Kosichenko E.F. Facets of the funny and humor without borders: semi-otics of comic texts of different genres. Kazan': Buk; 2024. 210 p. (In Russ.)
18. Popova G.V., Kosichenko E.F. Antinomies of humorous discourse (based on the material of the program "Club of the cheerful and resourceful"). *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*. 2024;13(8):188–209. (In Russ.)
19. Popova G.V., Zhevlakov D.S., Gorivodskaya D.E. Generalizing characteristics of humorous Internet memes. In: *Yazyk, kul'tura, mental'nost': problemy i perspektivy filologicheskikh issledovaniy. Sbornik VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii = Language, culture, mentality:*

problems and prospects of philological research. Collection of the VI International Scientific Conference. Kursk; 2024. P. 127-136. (In Russ.)

20. Marchenko T.V Internet memes as a phenomenon of media communication: typological characteristics and the potential of precedent. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediinom diskurse. Sbornik nauchnykh trudov = Genres and types of text in scientific and media discourse. Collection of scientific papers. Is. 16. Orel; 2019. P. 209-220. (In Russ.)*

Информация об авторах / Information about the Authors

Попова Галина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: gal.popova0817@mail.ru

Беседина Анна Андреевна, студент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: anutka_2003@bk.ru

Жевлаков Даниил Сергеевич, студент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: ggg.vitalexgus2002@gmail.com

Galina V. Popova, Candidate of Sciences (Pedagogical), Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: gal.popova0817@mail.ru

Anna A. Besedina, Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: anutka_2003@bk.ru

Daniil S. Zhevlakov, Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: ggg.vitalexgus2002@gmail.com

Оригинальная статья / Original article

УДК 800;811.133.1

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-80-91>

Проблема выбора имени концепта (на материале французского языка)

В.Т. Дзахова¹✉, И.И. Скрипай¹

¹ Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова
ул. Ватутина, д. 44-46, г. Владикавказ 362025, Российская Федерация

✉ e-mail: tambi69@mail.ru

Резюме

Цель исследования. Данная статья посвящена проблеме выбора имени концепта в рамках иноязычной лингвокультуры. На первый взгляд, эта стадия научного анализа не подразумевает каких-либо сложностей в подборе эквивалентного концепта одного из исследуемых языков. В процессе работы исследователь, конечно, может использовать имеющиеся знания в иностранном языке, а также обратиться к лексикографическим источникам. Но, углубившись в материал, достаточно сложно остановить свой выбор на каком-то определенном варианте, поскольку выделение приоритетной лексемы может иметь отенок субъективного восприятия. Поднимаемый в статье вопрос достаточно актуален в связи с тем, что на начальном этапе работы с концептами возникает сложность именно в передаче словесного облика лексемы, которым именуется концепт, если речь идет о межъязыковом, сравнительном векторе изыскания. Перед исследователем априори поставлена задача максимально четко перенести всю содержащуюся семантику концепта, заложенную в родном языке на язык иностранный, чтобы не ввести в заблуждение целевую аудиторию. В качестве исследовательской задачи авторами осуществлена попытка выявления французских лексических эквивалентов для русских концептов «свой», «чужой» в соответствии со специально разработанным алгоритмом.

Методы. В рамках предложенной последовательности действий используются методы лексикографического анализа, компонентного анализа, а также анализа частотности. Внедрение последнего обусловлено выбором цифрового вектора исследования. Современные возможности, в том числе корпуса текстов, позволяют обрабатывать большой объем информации, что не может не отразиться на качестве и точности результатов.

Результаты. С помощью проведенного комплексного анализа удалось определить наиболее частотные лексемы. С целью перепроверки полученных данных было решено обратиться к фонду фразеологических единиц французского языка и таким образом оценить уровень погрешности или же убедиться, что данный коэффициент ничтожно мал. Резюмирующий этап анализа подтвердил корректность полученных результатов.

Заключение. По итогам исследования установлено, что ключевым словам для русских концептов «свой», «чужой» во французском языке соответствуют лексемы «*son*» и «*étranger*».

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; архетипические концепты; «свой/чужой»; французский язык.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Дзахова В.Т., Скрипай И.И. Проблема выбора имени концепта (на материале французского языка) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2025. Т. 15, № 1. С. 80-91. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-80-91>.

Статья поступила в редакцию 20.12.2024

Статья подписана в печать 29.01.2025

Статья опубликована 25.04.2025

© Дзахова В.Т., Скрипай И.И., 2025

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика / Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. 2025;15(1):80-91

The problem of choosing the concept's name (the French language)

Veronika T. Dzakhova¹✉, Inna I. Skripay¹

¹North Ossetian State University named after Kost Levanovich Khetagurov
44-46 Vatutin Str., Vladikavkaz 362025, Russian Federation

✉ e-mail: tambi69@mail.ru

Abstract

Purpose of research. This article is devoted to the problem of choosing a name for a concept within a foreign linguoculture. At first glance, this stage of scientific analysis doesn't imply any difficulties in selecting an equivalent concept for one of the languages under study. In the process of work, the researcher, of course, can use existing knowledge in a foreign language, as well as turn to lexicographic sources. But, having delved into the material, it is quite difficult to choose a particular option, since the selection of a priority lexeme may have a shade of subjective perception. The question raised in the article is quite relevant, as at the initial stage of working, it's difficult to convey the lexeme's verbal image referred to the concept, if it deals with a cross-language, comparative vector of research. The researcher is a priori responsible for transferring as clearly as possible all the contained semantics of the concept embedded in the native language into a foreign language, so as not to mislead the target audience. As a research task, the authors attempted to identify French lexical equivalents for the Russian concepts "one's own" and "alien" in accordance with a specially developed algorithm.

Methods. Within the proposed sequence of actions, methods of lexicographic analysis, component analysis, and frequency analysis are used. The introduction of the latter is based on the choice of digital research vector. Modern capabilities, including text corpus, make it possible to work with a large amount of information, that affect the quality and accuracy of the results.

Results. Thus, with the help of a comprehensive analysis, it was possible to determine the most frequent lexemes. In order to verify the data obtained, it was decided to refer to the fund of phraseological units of the French language and thereby estimate the level of error or make sure that the coefficient is negligible. The final stage of analysis confirmed the correctness of the results obtained.

Conclusion. Based on the results of the study, it was established that the key words for the Russian concepts "one's own" and "alien" in the French language correspond to the lexemes "son" and "étranger".

Keywords: intercultural communication; archetypal concepts; "one's own/ alien"; French language.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Zvyagintseva M.M. Characteristics of Free Indirect Speech in English Literature. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2025; 15(1): 80–91 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-80-91>.

Received 20.12.2024

Accepted 29.01.2025

Published 25.04.2025

Введение

Исследование концепта – не прихоть современных лингвистов, а насущная необходимость в международном диалоге, с помощью которого можно прийти к пониманию между представителями разных национальностей и вероисповеданий, а также нивелировать конфликты,

основанные на различиях взглядов на окружающую действительность.

Как показывает практика, порой недостаточно знания языка, чтобы понять представителей другой национальности и самому быть понятым ими. Гораздо важнее оказывается бэкграунд партнера по коммуникации. Под бэкграундом понимается при этом тот опыт, который сформировал характер человека, наложил

отпечаток на его привычки, мировоззрение. Иными словами, для успешного акта коммуникации между отправителем и получателем информации должен быть однозначно понимаемый обеими сторонами код. Традиционно в теории коммуникации под кодом понимается совокупность знаковых средств, которые используются для передачи сообщения и являются общими для коммуникантов.

Однако ошибочно полагать, что код – это владение одним и тем же языком. Это еще, что гораздо важнее, владение, или знания, одними и теми же концептами. Так, например, пожелание трех пирогов в доме мало будет понятно людям, не знакомым с осетинской культурой, хотя с языковой точки зрения входящие в это словосочетание слова не представляют никакой трудности для владеющих русским языком.

И здесь мы переходим ко второму важному аспекту: лингвокультурный концепт является отражением наиболее важных и существенных сторон в предметах и явлениях окружающей действительности, выражение ментальности народа. Так, упомянутые выше три пирога – это пожелание мира, благополучия, счастья, в отличие от двух пирогов, которые пекутся только на траурных мероприятиях. Есть разные трактовки символики количества трех и двух пирогов, не будем подробно на этом останавливаться, поскольку это отдельная, довольно объемная тема (есть мнения, что три пирога символизируют трехуровневую структуру мироздания: солнце, богов и землю. Есть и другая трактовка: вчера, сегодня, завтра. В случае, когда в доме случается горе, пирогов бывает уже два, так как для умершего не светит уже солнца и не наступит завтра). Отметим только, что «три пирога» – это важный концепт для осетинского народа, для понимания которого надо быть знакомым, хотя бы поверхностно, с осетинской культурой.

Таким образом, вслед за С.Г. Воркачевым, мы считаем, что концепт – едини-

ца коллективного знания, имеющая отсылку к высшим духовным ценностям, имеющая выражение в языке и отмеченная этнокультурной спецификой [1, с.70.]

Учитывая вышеизложенное, целью данного исследования является не только обнаружение французских лексических эквивалентов для русских концептов «свой», «чужой», но и выявление языковых единиц, максимально соответствующих лексическому значению номинантов концепта на иностранном языке. Речь идет, конечно же, не только об экспоненте знака, но и о его содержании, особенно с учетом культурной значимости.

Методология

Культурный концепт – явление сложное и многогранное, что обуславливает множество подходов и методов его изучения. Следуя традиционной практике исследования концептов, представленной разными лингвокультурными школами, анализ, представленный в данной статье, относится к нижнему уровню, т.е. к описанию форм воплощения концепта в составе лексикографических описаний, в установлении встречаемости слов, их дистрибуции. В частности, в ходе исследования методологической базой послужили научные работы З.Д. Поповой и И.А. Стернина [2], В.И. Карасика [3, 4], Ю.С. Степанова [5], С.Г. Воркачева [1, 6], А. Вежбицкой [7].

Вслед за С.Г. Воркачевым мы признаем, что мыслительный концепт становится лингвокультурным концептом только тогда, когда получает свое имя в языке [1, с. 142]. Под именем концепта понимается языковой знак (слово или словосочетание), наиболее полно и адекватно передающий лингвокультурную сущность концепта.

Поскольку имя концепта связано с доминантой соответствующего синонимического ряда, то на данном этапе необходимо было максимально полно выявить такие синонимические ряды для концептов «свой/чужой» и описать их

семантику. Конкретные методики анализа и результаты представлены ниже в статье.

Исследование

Темой исследования, промежуточные результаты которого представлены в данной статье, являются бинарные концепты «свой/чужой» в русском и французском языках. Эти концепты относятся к архетипическим. Термин «архетипический концепт» введен в научный обиход В.И. Карасиком для обозначения «активно транслируемых, закрытых для модификации, переводимых в иные формы выражения и не допускающие критического восприятия концептов» [3, с.43]. Научный интерес представляет в данном случае вербализация противопоставления «свой/чужой», а не «свой/другой» или «я/другой», существенно отличающиеся друг от друга. «Свой» во всех культурах понимается как знакомый, близкий по духу, принятый в данном культурном обществе. Разница между «чужим» и «другим» заключается в том, что «чужое» предполагает неизвестное, непонятное и исходя из этого опасное, в то время как «другой» – это отличающийся от «своего», но не опасный, а вызывающий интерес и требующий изучения. Интерес к бинарным концептам «свой/чужой» обусловлен тем, что взгляд на окружающий мир через призму этих концептов формирует интолерантные, экстремистские настроения в обществе. В основе такого мировосприятия лежит врожденная потребность человека к принадлежности к какой-либо социальной группе [8, 9, 10]. Именно этнос, выступая в роли такой социальной группы, влияет на развитие у человека определенных культурных, нравственных и духовных ценностей. Этническое самосознание индивида выступает в роли маркера, определяющего все, что соответствует своей культуре, как эталонное, а все, что не соответствует ей – как опасное, чуждое. Индивид, ставящий свои ценности и нормы выше других, по словам М. Ахмедова, «обрекает себя на конфликты с представителями другой

культуры» [11, с.8]. Чтобы «чужой» из опасного противника стал неопасным «другим», необходимо глубоко изучить ценности представителей «чужой» культуры, выявить причины непохожести, т.е. трансформировать чувства отчуждения и агрессии в интерес, понимание, симпатию. Однако это уже следующий шаг, сначала все-таки необходимо выяснить, что же является «чужим», непохожим, непривычным, пугающим для представителей той или иной культуры, в нашем случае, русской и французской.

Первый шаг, необходимый для исследования вербализации концепта в лингвокультуре – выбор имени концепта как языковой единицы, наиболее точно и полно передающей его содержание. Неправильный выбор имени концепта может увести исследователя в сторону, помешать достижению поставленной цели. В русском научном дискурсе концепты «свой/чужой» довольно часто выступают в роли объекта и предмета исследования на разных уровнях языковой системы, а также в сопоставительном аспекте с привлечением других языков. Однако, как показывает анализ существующих научных работ, в русском и французском языках обнаруживается некоторое несоответствие в значении понятий, вовлекаемых в анализ. Так, как отмечает М.Л. Петрова, в русской лингвокультуре противопоставление «свой/чужой» является довольно жестким и предполагает априорное интегрированность отдельной личности в одну из двух групп (родовое различие). Для межличностного уровня в русском научном дискурсе используется противопоставление «Я/Другой». Во французской лингвокультуре, напротив, отношения «Moi / l'Autre» («moi» – «я», «autre» – «другой», «иной», «отличный») и «Soi (-même) / Autrui» («soi» – «себя», «soi-même» – «сам», «autrui» – «другой», «ближний») предполагают отсутствие жесткой границы и более персонифицированный характер, о чем свидетельствует вербализация первого компонента личным местоимением. Иными словами,

во французском языке данное противопоставление предполагает отношение отдельной личности к окружающим¹.

Именно этим и обусловлена трудность выбора ключевого имени интересующего нас концепта. В работах, посвященных исследованию концептов «свой/чужой» во французской лингвокультуре [12, 13, 14], можно встретить лексемы *moi*, *soi* для «свой», и *l'autre*, *autrui*, *étranger* для «чужой». Как видно из перечня представленных французских лексем, некоторые из них представляют не концепты «свой/чужой», а «я/другой», что, как было отмечено выше, более характерно для французской культуры. Нас, однако, интересует концептуализация первого противопоставления, поэтому на первом этапе необходимо выявить наиболее подходящие французские имена для концептов «свой/чужой», для чего необходимо обратиться к лексикографическим источникам [15].

Результаты и обсуждение

Анализ лексикографических источников [16-27] позволил выявить 6 французских лексем, эквивалентных лексеме «свой» (*son*, *certain*, *particulier*, (*le*) *sien*, *intrinsèque*, *ami*) и 4 французские лексемы, эквивалентные лексеме «чужой» (*étranger*, *intrus*, *d'autrui*, *faux*). Для определения когнитивной организации концепта применялась дефиниционная методика и компонентный анализ, позволяющий выделить ядерные семы в структуре ключевых лексем.

Необходимость установления ядерных сем позволяет определить наиболее

значимые с точки зрения французской лингвокультурологии компоненты анализируемого концепта.

Результаты анализа можно представить в следующем виде:

SON

1. Indique la possession ou l'intérêt.

CERTAIN

1. Tenu pour assuré, inévitable.

2. Evident, exact, dont on ne peut douter.

PARTICULIER

1. Qui appartient, est affecté en propre à quelqu'un, à quelque chose.

2. Qui concerne spécialement quelqu'un.

3. Qui distingue quelqu'un ou quelque chose; spécifique.

4. Qui se distingue par quelque chose d'anormal, dont le caractère spécial est considéré péjorativement.

1. Qui est porté à un degré élevé.

2. Qui est défini, précis, limité (par opposition à général).

3. Qui se rencontre spécialement chez quelqu'un, dans quelque chose.

4. Qui porte sur un bien déterminé.

(LE) SIEN (*sien*, *sienne*)

adjectif possessif

1. *Vieux*. Épithète avant le nom dans quelques expressions, correspond à *de lui*, *d'elle*.

2. *Sien*, *sienne* pronom possessif de la 3e personne.

Ce qui appartient à lui, à elle.

INTRINSÈQUE

1. Qui est inhérent à quelqu'un, à quelque chose, qui lui appartient en propre.

AMI(E) Adj

1. Qui est lié d'amitié avec quelqu'un.

2. Qui appartient à un ami et témoigne de dispositions bienveillantes.

3. Se dit d'une collectivité qui entretient des relations d'amitié avec une autre.

4. Littéraire. Qui est accueillant, favorable, propice.

ÉTRANGER

1. Qui n'appartient pas à la nation où on vit ou par rapport à laquelle on se place.

2. Qui a trait aux relations avec les autres pays; extérieur.

¹ Петрова М.Л. Концепт «СВОЙ/ЧУЖОЙ» в журналистике и литературе России и Франции на рубеже XX-XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. С. 12; Хасанов Т.Д. Выпускная квалификационная работа по направлению подготовки 45.05.01 Перевод и переводоведение очной формы обучения, группы 04001218 Особенности французского политического дискурса на примере президентской кампании 2016-2017 гг. С. 39-42.

3. Qui n'est pas de la nature propre de quelque chose, qui est un élément rapporté.

4. Qui n'est pas impliqué dans une action, qui est à l'écart.

5. Qui n'est pas accessible à un sentiment, qui ne se sent aucunement concerné par quelque chose; insensible

6. Qui est inconnu à quelqu'un ou peu familier.

7. Qui ne touche pas, ne concerne pas quelqu'un; en quoi il ne se reconnaît pas du tout ; à quoi il est indifférent.

INTRUS

1. Qui s'est introduit dans un groupe, chez quelqu'un, sans avoir qualité pour y être admis, sans y être invité.

D'AUTRUI

1. Toute personne autre que soi-même, surtout considérée sur le plan moral; ensemble des personnes autres que soi-même.

FAUX

1. Qui est contraire à ce qui est vrai, qui comporte une erreur, qui manque de justesse, de logique, ou qui n'est pas justifié par les faits.

2. Qui n'a pas de raison d'être, qui est sans fondement; injustifié.

3. Qui n'est qu'une imitation, qui n'est pas original, naturel ou authentique (avec ou sans intention frauduleuse).

4. Se dit d'un objet qui en simule un autre.

5. Qui est équivoque, ambigu.

6. Se dit d'un sentiment qui n'est pas réellement éprouvé, qui est feint, simulé.

7. Qui dissimule ses sentiments réels, qui cherche à tromper.

8. Qui n'a que l'apparence de l'objet dont il porte le nom, qui n'en a ni le rôle ni l'utilité.

9. Qui se fait passer pour ce qu'il n'est pas, qui n'est pas conforme au nom qu'on lui donne ou qu'il porte.

10. Se dit d'un instrument de musique qui n'est pas conforme aux règles de l'harmonie; se dit d'une voix, d'une interprétation qui ne sont pas dans le ton juste.

11. Se dit d'un instrument de mesure qui n'est pas exact.

Данные, представленные в табл. 1, позволяют выявить лексемы, наиболее соответствующие русским лексемам «свой/чужой».

Таблица 1. Французские лексемы, эквивалентные русским лексемам «свой», «чужой»

Table 1. French lexemes equivalent to Russian lexemes "one's own", "alien"

Définitions <i>Definitions</i>	Son <i>One's own</i>	Certain <i>Certain</i>	Particulier <i>Particular</i>	(Le) sien <i>His</i>	Intrinsèque <i>Proper</i>	Ami(e) <i>Friend</i>
Indique la possession ou l'intérêt <i>Indicates ownership or interest</i>	+			+		
Qui appartient, est affecté en propre à quelqu'un, à quelque chose <i>Which belongs, is assigned to someone, to something</i>	+			+		
Qui concerne spécialement quelqu'un <i>Which especially concerns someone</i>						

Продолжение табл. 1

Définitions <i>Definitions</i>	Son <i>One's own</i>	Certain <i>Certain</i>	Particulier <i>Particular</i>	(Le) sien <i>His</i>	Intrinsèque <i>Proper</i>	Ami(e) <i>Friend</i>
Qui distingue quelqu'un ou quelque chose; spécifique: Signe particulier: <i>Who distinguishes someone or something; specific: Special sign:</i>		+	+		+	
Qui se rencontre spécialement chez quelqu'un, dans quelque chose: <i>Which is found especially in someone, in something:</i>	+		+		+	
Ce qui appartient à lui, à elle <i>What belongs to him, to her</i>	+			+		
Qui est inhérent à quelqu'un, à quelque chose, qui lui appartient en propre <i>Which is inherent in someone, in something, which belongs to them in their own right</i>	+			+	+	
Qui est lié d'amitié avec quelqu'un <i>Who is befriended by someone</i>						+
Définitions <i>Definitions</i>			Étranger <i>Stranger</i>	Intrus <i>Intruder</i>	D'autrui <i>Others'</i>	Faux <i>False</i>
Qui n'appartient pas à la nation où on vit ou par rapport à laquelle on se place <i>Who does not belong to the nation where he lives or in relation to which he places himself</i>			+	+		
Qui a trait aux relations avec les autres pays; extérieur <i>Concerning the relations with other countries; external</i>			+			
Qui n'est pas de la nature propre de quelque chose, qui est un élément rapporté <i>Which is not of the proper nature of something, which is a related element</i>			+			+
Qui n'est pas impliqué dans une action, qui est à l'écart <i>Who is not involved in an action, who is detached</i>			+		+	

Окончание табл. 1

Définitions <i>Definitions</i>	Étranger <i>Stranger</i>	Intrus <i>Intruder</i>	D'autrui <i>Others'</i>	Faux <i>False</i>
Qui est inconnu à quelqu'un ou peu familier <i>Who is unknown to someone or unfamiliar</i>	+	+		
Qui s'est introduit dans un groupe, chez quelqu'un, sans avoir qualité pour y être admis, sans y être invité <i>Who entered a group, someone's home, without having the right to be admitted, without being invited</i>	+	+		
Toute personne autre que soi-même, surtout considérée sur le plan moral <i>Anyone, not himself, especially from a moral point of view</i>			+	

Для подтверждения или опровержения полученных в результате дефиниционного и компонентного анализа данных был проведен анализ частотности интересующих нас французских лексем в корпусе французских текстов. В частности, была использована комплексная база корпуса французского языка VISL Corpuseye [26]. Анализ частотности употребления лексемы является, по справедливому замечанию А. Вежбицкой, одним из ключевых показателей специфических черт той или иной культуры. Если какое-то слово очень редко используется в языке, это может быть свидетельством отсутствия его культурной значимости [7, с. 31].

В ходе анализа корпуса французских текстов были выявлены следующие статистические данные:

Son - 40361 случай обнаружения;
certain - 7714 случаев обнаружения;
particulier - 1881 случай обнаружения;
(le) sien - 123 случая обнаружения;
intrinsèque - 78 случаев обнаружения;
Ami - 890 случаев обнаружения.

Étranger - 813 случаев обнаружения;
Intrus - 10 случаев обнаружения;
D'autrui - 124 случая обнаружения;
Faux - 801 случай обнаружения.

Таким образом, анализ корпуса французских текстов позволяет сделать вывод о том, что лексемы “son” и “étranger” являются наиболее частотными

среди соответствующих групп синонимов. Конечно, частотность – это не единственный ключ к пониманию культурной значимости той или иной языковой единицы, ее можно употреблять только наряду с другими источниками информации. Очевидно – игнорировать частотность употребления в языке анализируемой лексемы нельзя.

На последнем этапе выбора имен концептов было решено обратиться к фонду фразеологических единиц французского языка. Как известно, анализ ФЕ позволяет выявить заключенные в сжатой форме когнитивные стереотипы, собственные национальной концептосфере и раскрывает содержание интерпретационного поля концепта. Однако нас интересовало, прежде всего, какие из синонимов наиболее часто встречаются в составе ФЕ. Методом сплошной выборки из фразеологического словаря французского языка [23] была отобрана 291 ФЕ с интересующей нас семантикой. В данном случае важно отметить, что нас интересовала прежде всего семантика, а не наличие в составе ФЕ определенных слов. Анализ фразеологического материала выявил, что:

лексема “**son**” встречается в 73 случаях из 291;

лексема “**certain**” не встречается;

лексема “**particulier**” встречается в 2 случаях из 291;

лексема “(le) sien” не встречается;
лексема “*intrinsèque*” не встречается;
лексема “*ami*” встречается в 8 случаях из 291.

Лексема “*étranger*” встречается в 13 случаях из 291;

лексема “*intrus*” не встречается;
лексема “*d'autrui*” встречается в 5 случаях из 291;
лексема “*faux*” встречается в 2 случаях из 291.

Выводы

Анализ любого лингвокультурного концепта должен начинаться с установления его имени, т.к. именно посредством имени концепт как мыслительная категория становится лингвокультурной сущностью, кроме того, корректно проведенная процедура позволяет продолжать исследование в верном направлении.

На основе определения спектра релевантных французских ключевых слов посредством работы с лексикографическими источниками представилось возможным выявить ядро из 6 французских лексем, эквивалентных лексеме «свой» (*son, certain, particulier, (le) sien, intrinsèque, ami*) и 4 французские лексемы, эквивалентные лексеме «чужой» (*étranger, intrus, d'autrui, faux*).

Данный «компрессионный» этап несомненно важен для дальнейших изысканий, так как в результате этой процедуры «расширяется» зона интересов и возможных ответвлений научного поиска.

На практике это означает возможность использовать круг установленных ядерных элементов для целевого анализа релевантных источников в качестве ключевых слов в составе более сложных единиц в материалах исследования различной направленности и тематики: от сугубо лингвистической, литературной, политической и т.д. (вероятно для обзорных пассажей или параграфов в теоретической части изыскания), так как позволяет

смоделировать максимально точное поле исследуемых концептов.

Использование корпусов текстов с конкретно заданными в поиске ядерными номинантами значительно расширяют зону научного поиска.

Также этап выявления ядерных сем позволит перестроить траекторию исследовательской мысли для достижения более достоверных результатов.

Анализ дефиниций лексем, содержащихся в толковых словарях французского языка, подтверждает полученные результаты, а именно корректное определение лидирующих эквивалентов посредством обнаружения наибольшего количества случаев лексико-семантических пересечений (принимается во внимание факт многозначности: не все значения слов в русском и французском языках могут совпадать).

Важно, что комбинированный подход (анализ дефиниций в сочетании с компонентным анализом) выявляет только те толкования, которые относятся к непосредственно релевантным (то есть к семам «свой» и «чужой»).

Количественные подсчеты лексико-семантических пересечений, обнаруженных благодаря составленной таблице, которая содержит выявленные компоненты значений всех лексем, позволили определить лидирующие эквиваленты, а именно, для концепта «свой» – лексема *son*, для концепта «чужой» – лексема *étranger*.

Двухэтапная процедура верификации, включающая анализ количественных данных в корпусе французских текстов, а также анализ эмпирической базы фразеологизмов позволяет исследователю получить достоверную информацию, которая позволит проводить дальнейшую работу в корректном направлении.

Пошаговое следование рекомендуемой процедуре делает возможным определение тех имен, которые наиболее точно и адекватно отражают сущность не только данных концептов во французской лингвокультуре, но и любых других концептов вне зависимости от языка.

Список литературы

1. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004. 236 с.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: Восток-Запад; АСТ, 2007. 320 с.
3. Карасик В.И. Архетипические концепты в общении // Прямая и непрякая коммуникация. Саратов, 2003. С. 39-52.
4. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. I. С. 13–15.
5. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 400 с.
6. Воркачев С.Г. Алгебра смысла: имя концепта // Вестник ИГЛУ. 2012. Т.1, № 17. С. 141-149.
7. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
8. Маслоу А. Мотивация и Личность. СПб.: Питер, 2007. 352 с.
9. Фромм Э. Здоровое общество. М.: Аст, 2022. 528 с.
10. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта; МПСИ; Прогресс, 2006. 352с.
11. Ахмедов М.Н. Проблема самоидентификации «свой-чужой-другой» при формировании толерантности в молодежной среде // Ученые записки. 2018. № 4. С. 8-10.
12. Пильгун Е.В. Оппозиция «свой»-«чужой» как коммуникативная тактика идеологизации массового сознания в кризисном дискурсе // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования: материалы II международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 1. Пятигорск: ПГУ, 2018. 417 с.
13. Сейдикенова А.С. Концепт «Свой-чужой» в казахской и французской культуре // Язык и культура (Новосибирск). 2012. №1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-svoy-chuzhoj-v-kazahskoy-i-frantsuzskoy-kulture>
14. Борисова И.З. Концепт «Чужой» в языковой картине мира // Вестник ИрГТУ. 2014. №8 (91).
15. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
16. Benoit C. Quand “je” est un autre. à propos d’une belle matinée de marguerite yourcenar. relief 2 (2), 2008. P. 145-160.
17. Vinsonneau G. Le développement des notions de culture et d'identité : un itinéraire ambigu // Carrefours de l'Education. 2002. n° 14 (pages 2 à 20). URL: http://C:/Users/Student/Downloads/CDLE_014_0002.pdf c.14
18. ReversoDictionnaire. URL: <https://dictionnaire.reverso.net/>
19. Dictionnaire du français moderne. M.Rémy, Paris : Hatier, 1969. 832 p.
20. Encyclopédie Universelle. URL: https://encyclopedia_universelle.fr-academic.com/
21. Larousse.fr: encyclopédie et dictionnaires gratuits en ligne. URL: <https://www.larousse.fr/>
22. Большой русско-французский словарь / Л.В. Щерба, М.И. Матусевич, С.А. Никитина [и др.]. М.: Русский язык, 2000. 561с.
23. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь / В.Г. Гак, Л.А. Мурадова [и др.]; под ред. В.Г. Гака. М.: Русский язык. Медиа, 2005. 1628 с.
24. Полный русско-французский словарь Мультитран / MultiTran Russian-French dictionary (Rus-Fra). URL: <https://multitran.com>

25. Русско-французский словарь / Л.В. Щерба, М.И. Матусевич, М.Ф. Даусс. М.: Юн-вес Лист, 1996. 788 с.
26. Французский язык. Корпус French @ VISL Corpuseye. URL: <https://corp.hum.sdu.dk/cqr.fr.html>
27. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. М.: Тетра Системс, 2004. 256 с.

References

1. Vorkachev S.G. Happiness as a linguistic and cultural concept. Moscow; 2004. 236 p. (In Russ.)
2. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive Linguistics. Moscow: Vostok-Zapad; AST; 2007. 320 p. (In Russ.)
3. Karasik V.I. Archetypal concepts in communication. In: *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya = Direct and indirect communication*. Saratov; 2003. P. 39-52. (In Russ.)
4. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Basic characteristics of linguistic and cultural concepts. In: *Antologiya konceptov = Anthology of concepts*. Volgograd: Paradigma; 2005; I: 13–15 (In Russ.)
5. Stepanov Yu. S. Concepts. The thin film of civilization. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2007. 400 p. (In Russ.)
6. Vorkachev S.G. Algebra of meaning: the name of the concept. *Vestnik IGLU = IGLU Bulletin*. 2012;1(17):141-149. (In Russ.)
7. Vezhbitskaya A. Understanding cultures through keywords. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury; 2001. 288 p. (In Russ.)
8. Maslou A. «Motivatsiya i Lichnost'». St. Petersburg: Piter; 2007. 352 p. (In Russ.)
9. Fromm E. A healthy society. Moscow: Ast; 2022. 528 p. (In Russ.)
10. Erikson E. Identity: youth and crisis. Moscow: Flinta; MPSI; Progress; 2006. 352 p. (In Russ.)
11. Ahmedov M.N. The problem of self-identification "friend-foe-other" in the formation of tolerance among young people. *Uchenye zapiski = Scientific notes*. 2018;(4):8-10. (In Russ.)
12. Pil'gun E.V. The "friend"- "foe" opposition as a communicative tactic of ideologizing mass knowledge in crisis discourse. In: *Yazyk i kul'tura v epokhu integratsii nauchnogo znanii i professionalizatsii obrazovani: materialy II mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Language and culture in the era of integration of scientific knowledge and professionalization of education: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference*. Pyatigorsk: PGU; 2018. Pt. 1. 417 p. (In Russ.)
13. Seydikenova A.S. The concept of "Friend or foe" in Kazakh and French culture. In: *Yazyk i kul'tura (Novosibirsk) = Language and Culture (Novosibirsk)*. 2012;(1-2). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-svoy-chuzhoy-v-kazahskoy-i-frantsuzskoy-kulture>
14. Borisova I.Z. The concept of "Alien" in the linguistic picture of the world. *Vestnik IrGTU = Bulletin of the IrSTU*. 2014;(8). (In Russ.)
15. Krasnyh V.V. "Our own" among "strangers": myth or reality? Moscow: ITDGK «Gnozis»; 2003. 375 p. (In Russ.)
16. Benoit C. Quand "Je" est un autre. à propos d'une belle matinée de marguerite yourcenar. *relief 2* (2), 2008. P. 145-160.
17. Vinsonneau G. Le Développement des notions de culture et d'identité : un itinéraire ambigu. *Carrefours de l'Education*. 2002;(14). Available at: http://C:/Users/Student/Downloads/cdle_014_0002.pdf c.14
18. ReversoDictionnaire. Available at: <https://dictionnaire.reverso.net/>
19. Dictionnaire du français modern. M. Rémy, Paris: Hatier; 1969. 832 p.
20. Encyclopédie Universelle. Available at: https://encyclopedia_universelle.fr-academic.com/

21. Larousse.fr: encyclopédie et dictionnaires gratuits en ligne. Available at: <https://www.larousse.fr/>
22. Shcherba L.V., Matusevich M.I., Nikitina S.A. at. al. Large Russian-French dictionary. Moscow: Russkiy yazyk; 2000. 561 p. (In Russ.)
23. Gak V.G., Muradova L.A. at. al. A new Large French-Russian phraseological dictionary. Moscow: Russkiy yazyk. Media; 2005. 1628 p. (In Russ.)
24. Full Russian-French Multitran Dictionary. MultiTran Russian-French dictionary (Rus-Fra). (In Russ.). Available at: <https://multitran.com>
25. Shcherba L.V., Matusevich M.I., at al. Russian-French dictionary. Moscow; 1996. 788 p. (In Russ.)
26. French @ VISL Corpuseye. (In Russ.). Available at: <https://corp.hum.sdu.dk/cqp.fr.html>
27. Maslova V.A. Kognitivnaya lingvistika. Moscow: Tetra Sistems; 2004. 256 p. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Дзахова Вероника Тамбиевна, доктор филологический наук, доцент, профессор, Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова, г. Владикавказ, Российская Федерация, e-mail: tambi69@mail.ru

Скрипай Инна Игоревна, старший преподаватель, аспирантка, Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова, г. Владикавказ, Российская Федерация, e-mail: ii.scripay@yandex.ru

Veronika T. Dzakhova, Doctor of Sciences (Philological), Associate Professor, Professor, North Ossetian State University named after Kost Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz, Russian Federation, e-mail: tambi69@mail.ru

Inna I. Skripay, Assistant Professor (Postgraduate Student), North Ossetian State University named after Kost Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz, Russian Federation, e-mail: ii.scripay@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 378.016:811.161

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-92-102>

Опыт осуществления контроля речевых навыков по английскому языку в группах взрослых обучающихся

Н.В. Михайленко¹, Ю.О. Жаркова¹✉

¹Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
Академгородок, д. 50, г. Красноярск 660036, Российская Федерация

✉ e-mail: crystal@akadem.ru

Резюме

Данная статья посвящена опыту проведения итоговой аттестации по программам повышения квалификации по английскому языку для научных сотрудников во внеаудиторном формате. Актуальность работы обусловлена поиском оптимального формата осуществления контроля речевых навыков у взрослых обучающихся и необходимостью повышения качества образовательного процесса в сфере обучения взрослых.

Цель настоящей работы – проанализировать опыт осуществления итогового контроля сформированной иноязычной коммуникативной компетенции у взрослых обучающихся в рамках внеаудиторного мероприятия на открытом воздухе “Going to a picnic” и обозначить преимущества вышеуказанного формата итоговой аттестации и возможные трудности.

В результате исследования установлено, что внеаудиторный формат контроля позволяет преподавателям адекватно оценить способность взрослых обучающихся к иноязычной коммуникации и дает возможность слушателям программ обучения успешно продемонстрировать свои достижения. Рассматриваемое мероприятие создает реальную ситуацию свободного иноязычного общения, решает проблему неприятия контроля и устраняет языковую тревожность, что повышает самооценку и стимулирует творческие качества и интерес к дальнейшему изучению иностранного языка.

Ключевые слова: беседа; итоговая аттестация; контроль; английский язык; программы повышения квалификации; обучение взрослых.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Михайленко Н.В., Жаркова Ю.О. Опыт осуществления контроля речевых навыков по английскому языку в группах взрослых обучающихся // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2025. Т. 15, № 1. С. 92-102. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-92-102>.

Статья поступила в редакцию 02.11.2024

Статья подписана в печать 15.01.2025

Статья опубликована 25.04.2025

Experience in final assessment of English language skills in adult learners

Natalia V. Mikhailenko¹, Yulia O. Zharkova¹✉

¹Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
50, Akademgorodok, Krasnoyarsk 660036, Russian Federation,

✉ e-mail: crystal@akadem.ru

Abstract

The present study considers the experience in final assessment of English language skills in adult learners (scientific researchers) which is performed within the staff training programs. The significance of this study is due to a necessity to find an optimum format to assess speaking skills in adult learners and to improve the quality of adult education.

The aim of the present work is to analyze the existing experience of final assessment of communicative competency formed in adult learners, shown on the example of an open air event "Going to a picnic" and to emphasize the advantages of the abovementioned format and possible challenges.

The results show that the open air format of control allows teachers to correctly assess the learners' ability to communicate in English, and the learners, in turn, are able to successfully demonstrate their achievements.

The present event recreates a real situation of communication in English, which solves the problem of language anxiety in adult learners and their non-acceptance of the situations which are connected with control, with all this increasing the learners' self-esteem and stimulating creativity and interest to the English language.

Keyword: talk; final assessment; control; English language; staff training programs; adult education

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Mikhailenko N.V., Zharkova Y.O. Experience in final assessment of English language skills in adult learners. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2025; 15(1): 92–102 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-92-102>.

Received 02.11.2024

Accepted 15.01.2025

Published 25.04.2025

Введение

В современной конъюнктуре мирового и экономического пространства востребованы специалисты разных сфер деятельности, обладающие широким спектром знаний и навыков, в том числе в области английского языка. На фоне расширения и углубления международных научно-технических контактов и реализации крупномасштабных научно-промышленных проектов особое значение для научного сотрудника имеют не только навыки письменной академической речи для публикации своих научных работ в

международных исследовательских журналах, но и устойчивые навыки уверенного устного иноязычного общения. В процессе обучения иностранному языку одной из важных и сложных составляющих, несомненно, является контроль речевых умений обучающихся. Контроль – это сопоставление достигнутых результатов с запланированными целями и задачами обучения [1, с. 7]. Адекватная организация контроля позволяет эффективно управлять процессом обучения и, как известно, дает возможность преподавателю не только правильно оценить уровень усвоения обучающимися изучаемого ма-

териала, но и увидеть свои собственные успехи и промахи. По мнению Е.И. Пасова, контроль выполняет следующие основные функции: контролирующую, обучающую, диагностическую, управленческую, мотивирующую, оценочную, воспитывающую и развивающую [2]. В целом, можно выделить два основных вида контроля: текущий и итоговый. При этом, итоговый контроль направлен на проверку конкретных результатов обучения, выявление степени овладения обучающимися системой знаний, умений и навыков, полученных в процессе изучения отдельного предмета. Вопросы совершенствования контроля в обучении английскому языку и сегодня не утратили своей актуальности, что подтверждают постоянные дискуссии среди педагогов и исследователей на страницах научных журналов.

Контроль в обучении иностранному языку – это выявление уровня развития речевых навыков и умений, диагностика трудностей обучающихся, и проверка эффективности используемых методов обучения. Как отмечает в своей работе Е. Н. Пелеванюк, «контроль на уроках английского языка может преследовать разные цели: он позволяет совершенствовать процесс обучения, заменять малоэффективные приемы и способы обучения на более эффективные, создавать более благоприятные условия для улучшения практического владения языком» [3, с. 44]. Основным объектом контроля сегодня является коммуникативная компетенция, а именно способность обучаемых к речевой деятельности.

В педагогической практике имеется большой опыт осуществления итогового контроля иноязычной коммуникативной компетенции в форме тестирования, который подробно рассмотрен в работах Т.И. Иваненко, О.А. Сеничкиной и др. [4, 5], а также много внимания уделяется различным видам контроля в электронном формате, учитывая современные реалии дистанционного формата обучения, что подтверждается работами Л.В. Нови-

ковой и др. [6]. С точки зрения форм контроля, О.Х. Мирошникова предлагает презентацию доклада на конференции [7], К.А. Бурмистрова с соавторами рассматривают организацию круглого стола [8], Е.А. Николашина предлагает защиту проекта [9], тогда как Н.В. Левандровская проводит анализ деловой игры [10]. Однако беседа, как форма контроля, в научной литературе рассматривается либо как часть опроса при осуществлении промежуточного контроля, либо кратко описывается в качестве одной из составляющих устной части итоговой аттестации обучающихся.

В словаре по общей и социальной педагогике беседа определяется как «разговор, обмен мнениями; эмпирический метод получения сведений (информации) о человеке в общении с ним, в результате его ответов на целенаправленные вопросы» [11]. В лингводидактике беседа является диалогическим методом обучения и относится к наиболее старым методам дидактической работы. В программах повышения квалификации по английскому языку для научных сотрудников, подробно рассмотренных в работе Н.В. Михайленко и Ю.О. Жарковой [12], реализуемых на факультете подготовки кадров Федерального исследовательского центра «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (ФИЦ КНЦ СО РАН) в рамках концепции непрерывного обучения научных и научно-педагогических кадров иностранному языку¹, беседа выступает в роли диалогического метода контроля при проведении итоговой аттестации.

Вышеупомянутая программа обучения английскому языку предназначена для взрослых обучающихся, а отличительной чертой взрослого обучающегося, как известно, является добровольность в обучении, в том числе взрослый обучаю-

¹ URL: <https://career.krasn.ru/upload/media/library/a46/8nhac8vrdry56gxqvytzh8350uwazr.pdf>

щийся обладает таким преимуществом, как право выбора принимать участие в итоговой аттестации или нет. Стоит также отметить, что осуществление контроля среди взрослых обучающихся, в нашем случае – научных сотрудников, имеет свои особенности и сложности. Отличительной особенностью взрослых является нежелание подвергаться оценке и неоднозначное отношение к контролю вплоть до полного его неприятия. Многолетний опыт работы с научными сотрудниками показывает, что в качестве обучающихся, они всегда готовы узнавать новое и с удовольствием приобретают новые знания и навыки, но не испытывают особого желания проходить аттестацию этих знаний и умений и подвергаться какому-либо контролю.

В отличие от школы, где важную роль играют внешние мотиваторы (оценки, поощрения, обязанности и пр.), у взрослого слушателя образовательной программы на первом месте стоит внутренняя мотивация, основанная на понимании значимости и необходимости изучаемого материала¹. В работе с данной категорией слушателей преподаватель сталкивается с необходимостью обосновывать важность обучения и необходимость осуществления контроля и, соответственно, итоговой аттестации, учитывая, как правило, нежелание взрослых подвергаться оценке. Опыт обучения научных сотрудников показывает, что даже присутствие других преподавателей на занятии вызывает у них сильное недоумение. Примером может служить высказывание одного из обучающихся: «Это Вас (преподавателя) контролируют или нас?». Кроме того, педагоги отмечают повышенную стеснительность и нервозность взрослых в тех ситуациях, где может проявляться их необразованность

или ошибки [13, с. 56], а также неуверенность и осторожность при необходимости дать быстрый ответ.

Наблюдения показывают, что при упоминании необходимости прохождения итоговой аттестации по программе обучения, научные сотрудники высказывают следующие мнения:

«Тест – это даже интересно, но я не понимаю зачем нужна экзаменационная беседа, мы каждый раз разговариваем на занятии, мы уже были в школе и в институте и снова экзамены, а что будет, если я не смогу прийти?»

«Я пришел сюда за знаниями, а сертификат мне не особо нужен»

«А может мы лучше устроим вечер на английском языке? Главное – уметь говорить, а оценка нам не нужна»

«Мне комфортно на занятиях, а перед комиссией я все забуду, все слова и правила»

«Я могу разнервничаться, боюсь плохо себя показать и перед своими студентами будет неудобно».

Таким образом, обучающиеся демонстрируют общее нежелание подвергаться контролю и оцениванию при общем понимании необходимости итоговой аттестации.

Наряду с необходимостью выбора адекватной формы контроля для взрослых на разных этапах обучения встает вопрос языковой тревожности, которая мешает обучающимся полноценно показать свои достижения и не позволяет преподавателю оценить результаты обучения. Э. Хорвитц с соавторами одними из первых исследовали вопрос языковой тревожности (Foreign language classroom anxiety), выделив три источника: страх перед коммуникацией (невозможность выразить мысль на иностранном языке на том же уровне, что и на родном языке, что приводит к дискомфорту), страх негативной оценки (связан со страхом коммуникации, поскольку обучающиеся боятся показаться менее компетентными и образованными, что особенно неприем-

¹ Кулюткин Ю. Н. Эвристические методы в мыслительной деятельности и в обучении взрослых: автореф. ... д-р психол. наук. Л., 1971. С. 36.

лемо для взрослых) и страх тестовых ситуаций (который возникает ввиду переживаний за свои результаты) [14, с. 127]. Подробный обзор многочисленных исследований языковой тревожности представлен в работах З.Г. Санаковой [15] и В.А. Каяво, которые отмечают «многоаспектность и сложность проблемы, которая не ограничена только лишь психологическим, социальным или же лингвистическим контекстом» [16, с. 41]. S.B. Castañeda в своем исследовании обучающихся, возраст которых варьируется от 43 до 62 лет, отмечает, что они испытывают много сложностей особенно будучи окруженными более молодыми слушателями, имеющими больше опыта в иностранных языках, испытывая опасения показаться смешными на их фоне [17, с.134]. Автор подчеркивает, что взрослым требуется больше времени для адаптации к ситуации обучения, и тем более оценивания, при этом разнородность в возрасте в группе обучающихся и различные, так называемые, самоустановленные барьеры, характерные для взрослых, каждый из которых имеет свой жизненный опыт, также приводят к определенным трудностям.

Таким образом, выбор внеаудиторного формата проведения итогового контроля в рамках мероприятия на открытом воздухе “Going to a picnic” был обусловлен стремлением создать благоприятные условия для оценки уровня владения иностранным языком у взрослых обучающихся по программам повышения квалификации, которые позволят избежать фактора неприятия контроля, устранить языковую тревожность и помогут обучающимся преодолеть психологические барьеры, что даст возможность преподавателям адекватно оценить достигнутый уровень развития иноязычной коммуникативной компетенции.

Следовательно, актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью:

- поиска оптимального формата осуществления итогового контроля для адекватной оценки уровня владения иностранным языком у взрослых обучающихся на разных этапах овладения языком, в частности у научных сотрудников;
- повышения качества образовательного процесса в сфере обучения взрослых;
- совершенствования педагогического мастерства.

Цель настоящей работы – проанализировать опыт осуществления итогового контроля сформированной иноязычной коммуникативной компетенции у взрослых обучающихся в рамках внеаудиторного мероприятия на открытом воздухе “Going to a picnic” и обозначить преимущества вышеуказанного формата итоговой аттестации и возможные трудности.

Результаты и обсуждение

Внеаудиторное мероприятие “Going to a picnic” было изначально задумано как дополнительная тренировка навыков устной речи и, начиная с 1970-х годов, регулярно проводилось в течение многих лет для научных сотрудников, обучающихся английскому языку на кафедре иностранных языков ФИЦ КНЦ СО РАН, с целью повышения эффективности процесса обучения. В связи с переходом к обучению научно-педагогических кадров по программам повышения квалификации в области английского языка, предполагающим итоговую аттестацию, по результатам которой выдается удостоверение о повышении квалификации государственного образца, было принято решение использовать данное мероприятие в качестве одного из форматов итогового контроля.

При подготовке к мероприятию преподаватель заранее планирует его этапы, оценивает необходимые составляющие, такие как место проведения и условия, в том числе погодные, а также возможности слушателей, например, с учетом возраста или состава группы аттестуемых.

Обязательным условием для реализации данного формата является согласие подавляющего большинства участников (не менее 90%), в случае отсутствия которого применяется традиционная аудиторная форма контроля (итоговая беседа с преподавателем/комиссией в рамках изученных тем). Необходимо отметить, что для мероприятия «Going to a picnic», как правило, привлекается не менее двух преподавателей и ассистент, который может выступить, например, в роли специалиста, ведущего летопись мероприятий или книгу воспоминаний, и, соответственно, делает фотографии и ведет видеосъемку, с использованием которой преподаватель, в дальнейшем, имеет возможность подробно проанализировать и оценить ход мероприятия и умения слушателей. Важный момент состоит в том, что в рамках мероприятия допускается говорить *только* на английском языке.

В мероприятии выделяется три основных этапа: *подготовительно-организационный, основная часть и заключительный*. Первый этап включает организационные моменты (подготовку, сбор участников аттестации, выбор места пикника и др.), основная часть мероприятия – это сам пикник на природе во время которого ведется непринужденная беседа на английском языке, модератором которой выступает преподаватель. Вопросы для беседы должны быть тщательно продуманы, от правильности их постановки зависит успех выполнения поставленной задачи (оценка сформированных компетенций у участников). Вопросы должны быть содержательными и четкими. Не следует формулировать альтернативные вопросы, требующие однозначных ответов типа "да" или "нет". Напротив, формулировка должна побуждать участника беседы дать развернутый ответ, высказать свое мнение или отношение, вызывать желание полноценно раскрыть свою мысль. Естественно, тематика вопросов обусловлена программой обучения: межличностное общение и различные аспек-

ты научной деятельности, а их сложность определяется соответствующим уровнем владения языком. Заключительная часть предполагает завершение мероприятия, обсуждение и анализ результатов, комментарии и предложения участников.

Контрольное мероприятие «Going to a picnic», как правило, выглядит следующим образом.

Участники встречаются перед началом похода и обсуждают оставшиеся организационные вопросы и предстоящее событие на английском языке. Высказывания отличаются, в зависимости от уровня обучения, например, “Tanya, where are you?”, “Have you taken all the necessary things?” (начальный уровень владения языком), “We have been waiting for you!” (продвинутый уровень).

Во время движения группы к месту пикника, у участников возникает спонтанное желание поддерживать разговор без стимулирования со стороны преподавателя. Чаще всего диалог начинается между двумя собеседниками, к которым присоединяются их коллеги, например, “This flower is so beautiful. Do you know its name?” (начальный уровень). “These trees were planted to protect the slope from erosion” (продвинутый уровень). Разговор может касаться многих популярных тем (Do you like hiking? How often do you go hiking? What places have you visited? Do you enjoy hiking in mountains?).

Во время основного этапа, когда участники располагаются на пикнике, проводится контрольная беседа, как таковая. Преподаватель задает подготовленные вопросы, обращаясь сначала ко всем участникам, а затем переводит внимание к одному из них, давая возможность высказаться. Вопросы обычно связаны как с научной деятельностью (What papers have you recently published? Have you managed to process all the obtained data? Did you finish your experiment yesterday? Have you ever applied for a grant? What measurements do usually you take?), так и с ситуациями повседневного общения (What are

your children studying? What are they planning to do in the future? What is your opinion on the measures taken to save green areas in the city?).

По окончании пикника участники имеют возможность оценить результаты мероприятия, высказать свои эмоции и мнение о приобретенном опыте (Wow, it is so interesting and not so difficult to speak English! It's not the same as in the class, more relaxing and nice. When shall we meet again like that?), а также преподаватель имеет возможность в дружеской обстановке проанализировать недочеты в иноязычной речи участников.

Анализ результатов многолетней работы показывает, что такой внеаудиторный формат итогового контроля дает возможность слушателям программы продемонстрировать способность к межличностному взаимодействию на английском языке (понимать на слух сообщения и высказывания в ситуациях межличностного общения, строить свое речевое поведение в соответствии с ситуацией, использовать языковые клише в коммуникации, уметь объяснить идею, рассказать о своем опыте в том числе своей научной деятельности, выразить отношение к чему-либо и др.) не только при общении с преподавателем (искусственная ситуация), но и с другими участниками группы – своими коллегами, с которыми они могут поделиться последними результатами своей научной работы или даже обсудить возникающие сложности (естественная ситуация межличностного общения).

В такой реальной ситуации общения, где наблюдается широкое использование различного лексического и грамматического материала, преподаватель имеет возможность адекватно оценить, как навык монологической, так и диалогической речи. Естественно, основными критериями оценки здесь выступают последовательность, правильность и качество речи. Однако в данном случае, имеет смысл уделять внимание не столько сто-

процентной правильности использования лексики и грамматики, а скорее, умению правильно реагировать (выразить согласие, несогласие и пр.) и способности поддерживать диалог (умение переспросить, уточнить, выразить удивление, понимание ситуации), что и является самым важным в межличностном общении. В данном случае, на первый план выходят развивающая, мотивирующая и обучающая функции контроля. Происходит закрепление и совершенствование приобретенных знаний и применение их в реальной, а не моделируемой ситуации. Наши наблюдения, например, показывают, что взрослым гораздо сложнее смоделировать на занятии воображаемый диалог в магазине или случайную встречу с друзьями. При межличностном общении самих обучающихся наблюдается непосредственная реализация самоконтроля и самостоятельность слушателей, которые сами оценивают знание пройденного материала и могут понять свои собственные недоработки и трудности. К тому же, об эффективности такого формата контроля свидетельствуют проявления самостоятельной творческой деятельности обучаемых (в ходе неформальной беседы на английском языке участники часто делятся своими идеями и предложениями касательно проведения внеаудиторных мероприятий на английском языке, сами предлагают игры на знание лексики, или обсуждение научных идей), при этом нередко наблюдается установление новых научных связей среди обучающихся научных сотрудников.

В связи с этим хотелось бы отметить, что реальная ситуация общения и отсутствие нервозности, как на экзамене, улыбки, моральная поддержка со стороны участников позволяют слушателям показать себя с лучшей стороны. Как отмечает T.S. Myhrea, положительные эмоции на природе, доверительное отношение к неформальной обстановке повышают уверенность и внутреннюю мотивацию для развития навыков разговорной

речи [18, с. 201]. Для взрослых обучающихся, по мнению I. Koutska, необходимо, прежде всего создание дружественной атмосферы и партнерство, а также внимание к их потребностям и желаниям [19, с. 492]. Несомненно, что успешный результат и моральное удовлетворение являются важными не только для преподавателя, но и для обучающегося, так как позволяют поверить в свои силы и снять языковой барьер.

Однако предлагаемый формат итогового контроля имеет и свои недостатки. К ним можно отнести затратность по времени, элемент риска (например, возникновение конфликтной ситуации) и большую нагрузку на преподавателя. Но, исходя из многолетнего опыта организации внеаудиторных мероприятий, мы приходим к выводу, что стимул, который получают обучающиеся от неформального общения на английском языке, является бесценным и неоспоримым.

Выводы

Таким образом, в связи со сложным отношением и неприятием взрослыми

обучающимися традиционных аудиторных форм контроля и оценки, а также наличием языковой тревожности и нервозности в ситуациях, связанных с контролем, в настоящей работе анализируется нетрадиционный формат проведения итоговой аттестации в рамках внеаудиторного мероприятия “Going to a picnic” для программ повышения квалификации по английскому языку, реализуемых на кафедре иностранных языков факультета подготовки кадров ФИЦ КНЦ СО РАН. Продемонстрировано, что данный формат контроля уровня сформированной иноязычной коммуникативной компетенции не только позволяет адекватно и успешно оценить уровень владения монологической и диалогической речью в реальных ситуациях межличностной коммуникации в повседневной жизни и в профессиональной сфере научной деятельности, но также помогает устранить языковую тревожность, способствует развитию самоконтроля и творческих качеств взрослых слушателей и стимулирует интерес к иностранному языку.

Список литературы

1. Жебровская О.Н. Контроль как деятельность и форма управляемого обучения студентов // Евразийский союз ученых. 2017. № 12-3(45). С. 7-9. EDN YLDLQL.
2. Пассов Е. И., Царькова В. Б. Концепция коммуникативного обучения. М.: Просвещение, 1993. 127 с.
3. Пелеванюк Е.Н. Контроль на уроках английского языка как способ дифференцированного обучения // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2015. № 3. С. 44-48. EDN UHSLZN.
4. Иваненко Т.И. Тестовый контроль знаний студентов при обучении иностранному языку (на примере анализа тестовой системы оценки знаний Marlins English language Test) // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2013. № 26. С. 96-103. EDN RUZTHL.
5. Сеничкина О. А. Особенности тестирования языковых навыков и речевых умений студентов-психологов при обучении профессионально-ориентированному английскому языку // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 7, № 3. С. 186-194. EDN UHKTZX.
6. Новикова Л.В., Черкашина К.С. Методы и формы контроля знаний в обучении иностранному языку с применением дистанционных образовательных технологий // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10, № 4. EDN VZGHXN.

7. Мирошникова О.Х. Студенческая научная конференция как форма мониторинга качества иноязычной подготовки в магистратуре по естественнонаучным специальностям // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. № 4(176). С. 97-100. EDN QLIPUT.
8. Бурмистрова К.А., Ступникова Л.В. Круглый стол как способ итогового контроля уровня сформированности профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции у студентов юридического профиля // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 1(17). С. 94-101. EDN TVRQIX.
9. Николашина Е.А. Роль защиты проектов как формы проведения итогового экзамена в высшей школе в формировании профессиональных компетенций будущих учителей иностранного языка // Научно-методический электронный журнал "Концепт". 2023. № 3. С. 1-14. <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2023-11012>. EDN DZYTGR.
10. Левандровская, Н. В. Деловая игра как средство контроля и обучения профессионально-ориентированному иностранному языку (на материале дисциплины авиационный английский язык) // Инновационная наука. 2016. № 12-3. С. 75-79. EDN XETUFX.
11. Воронин А.С. Словарь терминов по общей и социальной педагогике. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2006. 135 с. URL: <http://lomonpansion.com/files/ustu280.pdf>
12. Михайленко Н.В., Жаркова Ю.О. Преемственность в формировании профессиональной иноязычной компетенции научных сотрудников на курсах повышения квалификации // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8, № 9. С. 926-935. <https://doi.org/10.30853/ped20230136>. EDN CMHNJM.
13. Обучение в вечерней школе / под ред. Е.П. Тонконогой. М.: Педагогика. 1976. 286 с.
14. Horwitz E.K., Horwitz M.B., Cope J. Foreign language classroom anxiety // The Modern language journal. 1986. № 70 (2).
15. Санакоева З.Г. Обзор понятия "языковая тревожность": определение, классификация, влияние, оказываемое на изучающих иностранный язык // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 1(92). С. 108-110. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-192-108-110>. EDN ABFTKZ.
16. Каяво В.А. Языковая тревожность как проблема в обучении иностранному языку и факторы ее возникновения: анализ теоретических и эмпирических исследований // Педагогическое образование в России. 2021. № 4. С. 41-50. https://doi.org/10.26170/2079-8717_2021_04_05. EDN NBIJTU.
17. Bernal Castañeda, S., & Walla, P. (2017). Lifelong learning and limiting factors in second language acquisition for adult students in post-obligatory education // Cogent Psychology. 2017;4(1). <https://doi.org/10.1080/23311908.2017.1404699>
18. Myhrea T.S., Fiskum T.A. Norwegian teenagers' experiences of developing second language fluency in an outdoor context // Journal of Adventure Education and Outdoor Learning. 2021. Vol. 21(3). P. 201-216. <https://doi.org/10.1080/14729679.2020.1769695>
19. Koutska I. Teaching English as a foreign language to older adult learners: a qualitative exploration of four perspectives // Educational Gerontology. 2024. № 50(6). P. 492–508. <https://doi.org/10.1080/03601277.2024.2312043>

References

1. Zhebrovskaya O.N. Control as an activity and a form of guided learning. *Evrasijskij so-yuz uchenyh = Urasian Union of Scientists*. 2017;(12-3):7-9. (In Russ.)

2. Passov E.I., Car'kova V.B. Conception of communicative learning. Moscow; 1993. (In Russ.)
3. Pelevanyuk E.N. Control at a foreign language lesson as a way of differential learning. *Municipal'noe obrazovanie: innovacii i eksperiment = Municipal education: innovations and experiment*. 2015;(3):44-48. (In Russ.)
4. Ivanenko T.I. Test control of students' knowledge when learning a foreign language (on the example of the test system analysis of knowledge assessment - Marlins English Language Test. *Vestnik Kamchatskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of Kamchatka State Technical University*. 2013;(26):96-103. (In Russ.)
5. Senichkina O.A. Features of testing language skills and speaking abilities of students taking esp course at the faculty of psychology. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*. 2011;7(3):186-194. (In Russ.)
6. Novikova L.V. Methods and forms of knowledge control in a foreign language teaching using distance learning technologies. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya = World of Science. Pedagogy and psychology*. 2022;10(4):1-10. (In Russ.)
7. Miroshnikova O.Kh. Student Scientific Conference as a Form of Monitoring of the Quality of Foreign Language Training in the Magistracy of Natural Sciences. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki. = Bulletin of High Education Institutes. North Caucasus Region. Social Sciences*. 2013;(4):97-100. (In Russ.)
8. Burmistrova K.A. Round Table Talk as Final Control over the Level of Law Students' Development of Professional Intercultural Communication Skills. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie = MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2015;(1):94-101. (In Russ.)
9. Nikolashina E.A. Development of foreign language teachers' professional competences: project presentation as a form of a foreign language examination in a university. *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal "Koncept" = Scientific-methodological electronic journal "Koncept"*. 2023;(3):1-14. (In Russ.)
10. Levandrovskaya N.V. Business Game as a Means of Control and Teaching of Profession-oriented English (based on Aviation English material). *Innovacionnaya nauka = Innovation Science*. 2016;(12-3):75-79. (In Russ.)
11. Voronin A.S. Dictionary of terms on general and social pedagogy. Yekaterinburg: GOU VPO UGTU UPI; 2006, 135p. (In Russ.). Available at: <http://lomonpansion.com/files/ustu280.pdf>
12. Mikhailenko N.V. Continuity in the Formation of Professional Foreign Language Competence of Researchers at Advanced Training Courses. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory and Practice*. 2023;8(9):926-935. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/ped20230136>. EDN CMHJNM.
13. Tonkonogaya E.P., ed. Learning in a Night School. Moscow; 1976. (In Russ.)
14. Horwitz E.K., Horwitz M.B., Cope J. Foreign language classroom anxiety. *The Modern language journal*. 1986;70(2).
15. Sanakoeva Z.G. Language Anxiety Phenomenon Overview: Defenition, Classification, Effect on Foreign Language Students. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of Science, Language, Education*. 2022;(1):108-110. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-192-108-110>. EDN ABFTKZ.
16. Kayavo V.A. Language anxiety as a problem in teaching a foreign language and the factors of its occurrence: analysis of theoretical and empirical studies. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*. 2021;(4):41-50(In Russ.). https://doi.org/10.26170/2079-8717_2021_04_05. EDN NBIJTU.

17. Bernal Castañeda S., & Walla P. (2017). Lifelong learning and limiting factors in second language acquisition for adult students in post-obligatory education. *Cogent Psychology*. 2017;4(1). <https://doi.org/10.1080/23311908.2017.1404699>
18. Myhrea T.S., Fiskum T.A. Norwegian teenagers' experiences of developing second language fluency in an outdoor context. *Journal of Adventure Education and Outdoor Learning*. 2021;21(3):201-216. <https://doi.org/10.1080/14729679.2020.1769695>
19. Koutska I. Teaching English as a foreign language to older adult learners: a qualitative exploration of four perspectives. *Educational Gerontology*. 2024;50(6):492–508. <https://doi.org/10.1080/03601277.2024.2312043>

Информация об авторах / Information about the Authors

Михайленко Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета подготовки кадров, Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, г. Красноярск, Российская Федерация,
e-mail: minat75@gmail.com,
ORCID: 0009-0005-8971-6682

Жаркова Юлия Олеговна, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета подготовки кадров, Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, г. Красноярск, Российская Федерация,
e-mail: crystal@akadem.ru,
ORCID: 0009-0005-8221-3505

Natalia V. Mikhailenko, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Krasnoyarsk, Russian Federation,
e-mail: minat75@gmail.com,
ORCID: 0009-0005-8971-6682

Yulia O. Zharkova, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of Personnel Training, Federal Research Center "Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences", Krasnoyarsk, Russian Federation,
e-mail: crystal@akadem.ru,
ORCID: 0009-0005-8221-3505

Оригинальная статья / Original article

УДК 377.1

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-103-112>

Структурирование учебного гуманитарного материала в профессиональном образовании

Н.М. Королева¹✉, Г.Е. Богданова²

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

²Курский институт кооперации (филиал) БУКЭП
ул. Радищева, д. 16, г. Курск 305004, Российская Федерация

✉ e-mail: korolev37-31-72@mail.ru

Резюме

В исследовании предложен подход к формированию универсальных компетенций, предполагающих способность выпускника осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, умение применять системный подход для решения поставленных задач, который предусматривает системное структурирование учебного материала и перевода его в графические представления в форме фреймов как конструкций, многократно информационно перезагружающихся и представляющих собой сжатое отражение действительности. При данной организации образовательного процесса, с одной стороны, не нарушаются задачи и специфика изучения гуманитарных дисциплин в вузе, а с другой - создаются условия для достижения будущими специалистами целостного опыта решения профессиональных задач.

Целью исследования является разработка способа системного структурирования учебного материала (на материале гуманитарных дисциплин) и представления его во фреймовых схемах с целью формирования универсальных компетенций обучающихся.

Методы: теоретические (теоретический анализ и синтез; абстрагирование и конкретизация; теоретическое моделирование); эмпирические (изучение опыта преподавания гуманитарных дисциплин; нормативной и учебно-программной методической литературы, учебных пособий по дисциплинам цикла), экспериментальные.

Результаты: аргументирована актуальность системного структурирования учебного гуманитарного материала посредством применения фреймовых схем, в результате чего происходит формирование у обучающихся профессиональных компетенций.

Заключение: системное структурирование учебного гуманитарного материала в виде фреймов значительно экономит время и усилия на его актуализацию, способствует применению рациональных приемов работы с информацией, формированию практических умений и компетенций в процессе обучения.

Ключевые слова: профессиональное образование; философия; системное структурирование; фреймовые схемы; смысловые опоры; актуализация учебного материала.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Королева Н.М., Богданова Г.Е. Структурирование учебного гуманитарного материала в профессиональном образовании // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2025. Т. 15, № 1. С. 103-112. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-103-112>.

Статья поступила в редакцию 20.12.2024

Статья подписана в печать 11.02.2025

Статья опубликована 25.04.2025

Structuring of educational humanitarian material in vocational education

Natalia M. Koroleva¹✉, Galina E. Bogdanova²

¹Southwest State University
50 let Oktyabrya Str., 94, Kursk 305040, Russian Federation

²Kursk Institute of Cooperation (branch) BUKEP
16 Radishchev Str., 305004 Kursk, Russian Federation

✉ e-mail: korolev37-31-72@mail.ru

Abstract

The study proposes an approach to the formation of universal competencies, assuming the graduate's ability to search, critically analyze and synthesize information, apply a systematic approach to solving tasks, which provides for the systematic structuring of educational material and its translation into graphical representations in the form of frames as structures that repeatedly reload information and represent a compressed reflection of reality. With this organization of the educational process, on the one hand, the tasks and specifics of studying humanities at the university are not violated, and on the other hand, conditions are created for specialists to achieve a holistic experience in solving professional tasks.

Purpose of research is to develop a method for systematically structuring educational material and translating it into graphical representations in the form of frames using the example of disciplines of the humanities cycle in order to form practical skills and competencies of students.

Methods: theoretical (theoretical analysis and synthesis; abstraction and concretization; theoretical modeling); empirical (study of the experience of teaching humanities; normative and educational-program methodological literature, textbooks on disciplines of the cycle), experimental.

Results: the relevance of the systematic structuring of educational humanitarian material, the use of frame schemes in the activities of students, the formation of practical skills and competencies of students in vocational education from the first year of study.

Conclusion: the systematic structuring of educational humanitarian material in the form of frames significantly saves time and effort on its updating, which contributes to the use of rational methods of working with information in general, the formation of practical skills and competencies of students in the process of solving professional problems.

Keywords: system structuring; frame schemes; semantic supports.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Koroleva N.M., Bogdanova G.E. Structuring of educational humanitarian material in vocational education. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2025; 15(1): 103–112 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-103-112>.

Received 20.12.2024

Accepted 11.02.2025

Published 25.04.2025

Введение

Реализация Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования предусматривает приобретение обучающимися ряда компетенций, которые помогут молодым специалистам осуществлять поиск, кри-

тический анализ и синтез информации, сформируют умение использовать системный подход для решения поставленных задач.

Постоянно увеличивающийся в настоящее время информационный поток и объем знаний, необходимых обучающим-

ся для освоения, актуализации и применения в будущей профессиональной деятельности, приводит к пониманию актуальности поиска более эффективных способов структурирования учебного материала и перевода его в графические представления, что в дальнейшем будет способствовать формированию необходимых практических умений и компетенций.

Как показал теоретический анализ проблемы, структурирование материала в различных графических изображениях является актуальным, имеет давнюю историю и отражает различные подходы и взгляды ученых. Несмотря на длительное использование графических изображений, содержание понятий продолжает изменяться и пересматриваться: опорные сигналы (В.Д. Шаталов): ассоциативные ключевые опоры для мысли, заменяющие смысловое значение [1, с. 8]; семантические фракталы (В.Э. Штейнберг): координатно-матричный каркас [2, с. 79]; крупноблочные опоры или концепты (А. А. Остапенко): схематическое конструктивное изображение, отражающее основные единицы содержания блока учебной информации [3, с.19], фреймы (М. Минский): конструкции, перезагружающиеся новым материалом и др.

В представленной работе мы исходим из того, что учебный материал, который используется в профессиональном образовании, необходимо структурировать по определенной системе, с присутствием опорных смысловых пунктов и графическим представлением. Поэтому считаем целесообразным в нашем исследовании сконцентрировать внимание на системном структурировании учебного материала [4, с. 28] и его предъявлении в виде фреймов.

Об эффективности применения различных видов фреймов говорится в работах Р.В. Гуриной, Т.Н. Колодочки, О.А. Литвиненко, А.А. Остапенко и др., которые рассматривают данный вопрос преимущественно на примере естественно-

научных и профессиональных дисциплин [5, 6, 7, 8, 9].

Материалы и методы

Нами предложен вариант создания фреймов, представленных в логике системного структурирования, где они выступают обобщенной основой изучаемых процессов. Данный вариант применения фреймов рассмотрен нами на материале гуманитарных дисциплин [10, с. 21].

Возможность эффективного использования фрейма в структурировании материала, необходимого для изучения обучающимися, заложена в понимании данного слова, которое в переводе с английского означает «основание». М. Минский, основатель идеи фрейма, определяет его как структуру данных для представления стереотипной ситуации [11, с. 8], а его последователи, о которых мы говорили выше, как каркасную структуру, отражающую основную идею дидактического материала, которая накладывается на изучаемые темы и разделы в виде схем и характеризуется определенной системностью.

В частности, по определению Р.В. Гуриной, фреймовая схема есть скелетная структура, жёсткая конструкция, каркас, содержащий в качестве элементов пустые окна, которые должны быть заполнены и могут многократно перезаряжаться новой информацией [7, с. 21].

Конструирование фрейма как способа структурирования учебного материала и моделирования изучаемых процессов способствует формированию у обучающихся общекультурных и профессиональных компетенций и становлению их как субъектов образовательного процесса.

Глобальный, универсальный способ представления знаний в виде фреймовой схемы, которая обладает признаками системы, состоит из взаимообусловленных элементов с выявлением основных смысловых опор, вокруг которых группируют-

ся понятия или идеи, соответственно, количество схем в изучаемом курсе имеет ограниченное число [12].

Сказанное нами позволяет считать, что фрейм, во-первых, имеет преимущество перед различного рода схемами, составляемыми на каждую тему, во-вторых, способствует целостному видению изучаемого явления как закономерности, картины развития мира в целом, что особенно целесообразно при изучении гуманитарных дисциплин.

Актуальность применения фреймовых схем при изучении гуманитарного материала определяется спецификой учебных пособий по дисциплинам, состоящих преимущественно из сплошного линейного текста без какой бы то ни было иллюстративности, абстрактных суждений, который сложно актуализируется в процессе изучения.

Также необходимо учитывать, что изучаемые в гуманитарных дисциплинах объекты и процессы недоступны для непосредственного восприятия, следовательно, возникает необходимость усилить материал его структурированием посредством фреймовых схем, которые позволят сконцентрировать внимание обучающихся на ключевых аспектах изучаемой системы.

Нами предложена следующая последовательность структурирования учебного гуманитарного материала как системы с применением фреймовых схем: на первом этапе объект рассматривается в целом (что?), выявляется его сущность и место в системе информации, далее идет выявление составляющих данного объекта (из чего состоит?), затем рассматриваются функции объекта (для чего?), взаимосвязи его составляющих, выявляется новое знание [13, с. 124]. Таким образом, мы выделили содержательные элементы учебного материала.

Далее наша задача состоит в том, чтобы продумать способы визуализации

составляющих элементов, их взаимосвязь, систему условных обозначений, другими словами, определить шаблон фрейма.

В процессе построения фреймовых схем изучаемый объект заключается в замкнутую фигуру, что дает возможность сконцентрировать внимание обучающихся на определенном понятии, заключенном в фигуре. Если мы говорим о нелинейном структурировании, следовательно, речь идет о фигурах, которые в схеме видны заметнее, чем традиционные прямоугольные фигуры: это может быть круг или любая скругленная фигура.

Далее идет конкретизация изучаемого объекта. Структурирование составляющих объекта происходит при помощи таких приемов, как применение различных форм фигур, в которых расположены признаки объекта, их рассредоточение по странице, использование выносок с поясняющим текстом, связующих линий и др. При этом составляющие объекта заключаются в фигуру большего объема, аналогичную форме круга или скругленной фигуры, что акцентирует внимание на понимании их взаимосвязей и целостности системы [14].

Установленные взаимосвязи между признаками объекта позволяют возникнуть структуре его конкретизированного представления, соответственно, нового знания об объекте.

Считаем, что разработанные фреймовые схемы не должны содержать фактические и смысловые ошибки, при этом необходима их простота и читаемость, соответствие требованиям учебной программы по дисциплине.

Как было отмечено выше, процесс разработки фреймов в логике системного структурирования как обобщенной основы изучаемых процессов мы представляем на материале гуманитарных дисциплин, в частности, дисциплины «Филология».

Рассмотрим процесс структурирования материала на одном из разделов дисциплины «История философии». Мы посчитали целесообразным остановиться на данном содержании учебной дисциплины потому, что, во-первых, этот материал охватывает огромный отрезок времени длиной в тысячелетия, соответственно, имеет большой объем информации при ограниченности времени на его изучение, во-вторых, состоит из хронологически выстроенных периодов времени, в которых представляется возможность выделить ключевые опоры, встречающиеся в каждой философской эпохе.

В частности, для каждой эпохи философии, будь то философия Античности, Средневековая философия, философия эпохи Ренессанса, Нового и Новейшего времени, отечественная философская мысль характерны такие опоры или смысловые единицы текста, как хронологические рамки, место действия эпохи, особенности философской мысли того периода, основные этапы, философские школы, известные мыслители и их взгляды.

Нами перечислены основные блоки, согласно которым выстраивается фреймовая схема при рассмотрении одной из философских эпох. При изучении последующей эпохи, идущей далее в хронологической последовательности и составлении схемы, имеющей аналогичную структуру, но иное содержание, обучающийся новый учебный материал встраивает в уже имеющуюся апробированную им схему [15].

Следовательно, фрейм, включая в себя значительное число однородных ситуаций, имеет и хранит в долговременной памяти большой объем информации, которая варьируется через ассоциации, аналогии и др. Помимо этого, составленная схема является продуктом деятельности обучающегося, способом подготовки его к выполнению профессиональных задач.

Аналогично структурируются вопросы более конкретного характера. В частности, исходя из того, что предметом изучения философии являются человек, социум, Вселенная, история философии рассматривает понимание человека (социума, космоса) в каждой из философских эпох.

Например, фреймовая схема по теме «Человек в философии Античности» включает в себя следующие опоры или смысловые единицы: хронологические рамки эпохи, место действия эпохи, основные представители эпохи, рассматривающие сущность человека, далее складывается образ человека в философии Античности. Иными словами, структурирование идет в следующем аспекте: рассмотрение объекта - что? - человек в Античной философии; составляющие объекта - из чего состоит? - анализ взглядов крупнейших представителей античной эпохи, в частности, Демокрита, Сократа, Платона, Аристотеля на сущность и предназначение человека; выявление нового знания - для чего? - обобщение образа человека в античной философии, представление его как части космоса, малой Вселенной [13, с. 129].

Подобным образом составляются фреймы по теме «Человек в философии Средневековья», «Человек в философии эпохи Ренессанса» и т.д. Основываясь на том, что понятие сущности и предназначения человека конкретизируется с позиции разного времени, оно перезагружается содержанием, сохраняя основу, изменяется, рассматривается в динамике, в итоге создается многовариантное представление о человеке.

Таким образом, фреймовая схема как способ структурирования и моделирования познаваемых объектов позволяет встраивать учебный материал в наличествующий каркас, преобразует его, детализирует и конкретизирует содержание, способствует

установлению связей между уже изученными объектами и новыми знаниями, соответственно, системному ориентированию в изучаемой дисциплине [16].

Результаты и обсуждение

Исходя из необходимости реализации ФГОС ВО¹ и полагая, что обучающиеся испытывают трудности в структурировании значительного объема учебного гуманитарного материала и его актуализации, мы предположили, что необходимо использовать фреймовые схемы в профессиональном образовании уже на первом курсе обучения [17, 18].

В ходе экспериментальной работы мы опирались на дисциплину базовой части программы бакалавриата «Философия», сконцентрировав внимание на разделе «История философии». В течение двух месяцев работа на практических занятиях шла с применением фреймовых схем.

На вводном занятии по дисциплине обучающимся была предложена анкета, задачей которой было выявление наиболее эффективных способов структурирования учебного материала с целью его актуализации. Как показал анализ анкет, эффективным способом структурирования информации студенты считали опорный конспект, аргументировав это тем, что материал представлен наглядно и отсутствует лишняя информация. Однако с понятием фрейма и фреймового представления информации студенты оказались не знакомы [19].

На следующем этапе обучающимся была дана пошаговая экспериментальная инструкция по структурированию учебного материала при помощи теоретиче-

ски определенных нами графических приемов по Истории философии, которая подготовила их к самостоятельному построению фрейма. Фрейм по истории философии предполагал выделение таких опор или смысловых единиц текста, как временные рамки эпохи, место действия, особенности философии данной эпохи, основные этапы, философские школы, известные мыслители и их взгляды, которые применимы при изучении различных философских эпох.

Далее обучающимся было показано первичное построение фрейма в соответствии с предложенной схемой по одной из первых эпох в истории философской мысли - Античной. На данном этапе студенты выстраивали и заполняли фрейм совместно с преподавателем, в процессе работы использовался текст, который совместно обсуждался перед непосредственным заполнением схемы, при этом преподаватель не транслировал знания, а являлся организатором деятельности студентов.

Следующий этап работы, самостоятельная деятельность студентов, включал в себя графическое структурирование текста в форме фреймов в процессе как индивидуальной работы, так и групповой (составление, последующее обсуждение и выступление с опорой на подготовленный фрейм по определенной тематике с точки зрения представителей различных философских эпох).

С целью выявления уровня понимания изученного материала в процессе контроля и оценки знаний и умений обучающимся были предложены фреймовые схемы, содержащие ошибки и неточности, требующие их обоснования и анализа при обсуждении.

На последнем этапе экспериментальной работы была организована оценочная рефлексивная деятельность, в ходе которой посредством опроса выявля-

¹ Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvpo/7/6/1/5>.

лось мнение обучающихся об эффективности использования фреймов в образовательном процессе. Результаты опроса показали, что в процессе построения фреймовых схем студентам было важно понять суть изучаемого материала, компактно обобщить значительный объем информации, структурировать его по определенному образцу, выявить составляющие изучаемой темы и их взаимосвязь.

По мнению обучающихся, построение фреймов способствовало сжатию большого объема информации, его четкому структурированию посредством концентрации внимания на главном, детализации отдельных вопросов, что достаточно сложно осуществить при линейном построении материала. Как отметили студенты, фреймовое структурирование материала облегчает его восприятие, в процессе деятельности активизируется аналитическое мышление и развиваются коммуникативные умения.

Выводы

Результаты эксперимента показали актуальность применения фреймо-

вых схем в образовательном процессе вуза уже с первого курса. Обучающиеся положительно оценили результаты использования фреймов, особенно, при структурировании значительного объема информации, отметив, что это экономит время и усилия на актуализацию материала и в дальнейшем будет способствовать применению рациональных приемов в работе при решении профессиональных задач. В качестве пожеланий студентами было высказано предложение использовать фреймы не только в рамках курса «Философия», но и при изучении других дисциплин.

Таким образом, проведенный эксперимент подтвердил эффективность использования фреймов в образовательном процессе вуза, в частности, при изучении гуманитарных дисциплин для критического анализа информации и применения системного подхода при самостоятельном решении выпускниками профессиональных задач.

Список литературы

1. Меньщиков Д.И. Семантическое поле И. Трира с точки зрения философской теории фреймов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2020. № 4. С. 134-137.
2. Штейнберг В. Дидактическая многомерная технология: хроника разработки // Педагогический журнал Башкортостана. 2011. №5. С. 74-84.
3. Остапенко А.А., Шубин С.И. Крупноблочные опоры: составление, типология, применение // Школьные технологии. 2000. №3. С.19-21.
4. Асадуллин Р. М. Человек в зеркале образования. М.: Наука, 2017. 247с.
5. Гурина Р.В. Концепция фрейма в обучении // Школьные технологии. 2016. №3. С. 77-84.
6. Колодочка Т.Н. Педагогические возможности фреймовой технологии // Педагогический вестник Кубани. 2003. № 2. С. 30-32.
7. Фреймовые опоры / Р.В. Гурина, Е.Е. Соколова, О.А. Литвинко, А.М. Тарасевич, С.И. Фёдорова, А.Д. Уадилова; под ред. Р.В. Гуриной. М.: НИИ школьных технологий, 2007. 96 с.

8. Иванова Н.К. Визуализация в образовании и науке: вызовы времени и проблемы цифровизации // Вестник Гуманитарного института. 2021. №2. С. 161–172. URL: <https://isuct-bhi.ru/sites/default/files/issue/2021/1/bhi-2021-1-161.pdf>
9. Гуманитарная культура личности - основа современного профессионального образования / под ред. Н.И. Элиасберга. URL: // <http://www.ifap.ru/library/book284.pdf62> (дата обращения: 26.06.2024).
10. Богданова Г.Е. Системное структурирование гуманитарных дисциплин в процессе формирования профессиональной компетентности специалиста среднего звена // III Международный конгресс «Непрерывное педагогическое образование: глобальные и национальные аспекты». Челябинск: Челябинский государственный социально-педагогический университет, 2016.
11. Минский М. Фрейм для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 154 с.
12. Уразова М.Б., Эшпулатов Ш.Н. Фреймовая технология как способ формирования самостоятельного мышления студентов педагогических вузов // Вестник ТГПУ. 2011. № 4 (106). С. 163-165.
13. Богданова Г.Е. К вопросу о формировании профессиональной компетентности специалистов среднего звена при изучении гуманитарных дисциплин // Всероссийская научно-практическая конференция «Инновационные технологии в образовательном процессе школы и вуза» / БГПУ им. М. Акмуллы. Бирск-М., 2016.
14. Мотунова Л.Н. Визуализация учебного материала как средство повышения качества его усвоения студентами высшей школы // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. 2022. № 3. С. 86-89.
15. Щербакова Е.Е., Мухина Т.Г., Плешков А.В. Фрейм технология как условие развития креативности студентов // Современные проблемы науки и образования. 2016. №6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25591> (дата обращения: 11.07.2024).
16. Рубцова А.В., Чичерина Н.В., Еремин Ю.В., Кац Н.Г. Сценарно-фреймовый подход к проектированию содержания обучения иностранному языку в высшей школе // Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia. Offline Letters): электронный научный журнал. 2022. №6. URL: <http://emissia.org/offline/2022/3076.htm> (дата обращения: 20.07.2024).
17. Медведенко Н.В. Фрейм как базовое понятие педагогических технологий // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 1. С. 102-107.
18. Спиркин С.И. Образовательные ресурсы Интернета студентам – Философия. учебник. СПб.: Gks.ru, 2017. URL // http://www.koob.ru/spirkin/filosifya_spirkin (дата обращения: 20.06.2024).
19. Малязина М.А., Котова С.А. Включение фреймового обучения в практику преподавания педагогических дисциплин в высшей школе // Педагогический журнал. 2017. Т. 7, №2А. С. 188-198.

References

1. Menshikov D.I. Semantic field from the point of view of the philosophical theory of frames. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki = Modern Science: actual problems of theory and practice*. 2020;(4):134-137. (In Russ.)
2. Steinberg V. Didactic multidimensional technology: chronicle of development. *Pedagogicheskiy zhurnal Bashkortostana = Pedagogical Journal of Bashkortostan*. 2011;(5):74-84. (In Russ.)

3. Ostapenko A.A., Shubin S.I. Large-block supports: compilation, typology, application. *Shkol'nye tekhnologii = School technologies*. 2000;(3):19-21. (In Russ.)
4. Asadullin R. M. Man in a mirror formation. Moscow: Nauka; 2017. 247 p. (In Russ.)
5. Gurina R.V. Conceptual basis in teaching. *Shkol'nye tekhnologii*. 2016;(3):77-84. (In Russ.)
6. Kolodochka T.N. Pedagogical possibilities of frame technology. *Pedagogicheskii vestnik Kubani = Pedagogical bulletin of Kuban*. 2003;(2):30-32. (In Russ.)
7. Garcia R.V., Sokolova E.E., Litvinenko O.A., Tarasevich A.M., Fedorova S.I., Uadilova A.D. Frame supports. Moscow: NII shkol'nykh tekhnologii; 2007. 96 p. (In Russ.)
8. Ivanova N.K. Preview in education and science: challenges of the time and problems of digitalization. *Vestnik Gumanitarnogo instituta = Bulletin of the Humanitarian Institute*. 2021;(2):161–172. (In Russ.). Available at: <https://isuct-bhi.ru/sites/default/files/issue/2021/1/bhi-2021-1-161.pdf>
9. Eliasberg N.I., ed. Humanitarian culture of personality - the basis of modern professional education. (In Russ.). Available at: <http://www.ifap.ru/library/book284.pdf62>. (accessed 26.06.2024)
10. Bogdanova G.E. Systemic structuring of humanitarian disciplines in the process of forming the professional competence of a mid-level specialist. In: *III Mezhdunarodnyi kongress «Nepreryvnoe pedagogicheskoe obrazovanie: global'nye i natsional'nye aspekty» = III International Congress "Continuing Teacher Education: Global and National aspects"*. Chelyabinsk, Chelyabinskii gosudarstvennyi sotsial'no-pedagogicheskii universitet, 2016. (In Russ.)
11. Minsky M. Frame for presenting knowledge. Moscow: Energy; 1979. 154 p. (In Russ.)
12. Urazova M.B., Eshpulatov Sh.N. Frame technology as a way of forming independent thinking of students of pedagogical universities. *Vestnik TGPU = Bulletin of TSPU*. 2011;(4):163-165. (In Russ.)
13. Bogdanova G.E. On the issue of the formation of professional competence of middle-level specialists in the study of humanities. In: *Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Innovatsionnye tekhnologii v obra-zovatel'nom protsesse shkoly i vuza», BGPU im. M. Akmully = All-Russian Scientific and practical Conference "Innovative technologies in the educational process of schools and universities", BSPU named after M. Akmulla*. Moscow, 2016. (In Russ.)
14. Motunova L.N. Preview of the material as a mitigation for improving the quality of education of higher school students. *Vestnik VGU. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya = Vestnik VSU. Series: Problems of higher education*. 2022;(3):86-89. (In Russ.)
15. Shcherbakova E.E., Muhina T.G., Pleshkov A.V. Frame technology as a condition for the development of student creativity. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2016;(6). (In Russ.). Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25591> (accessed 19.06.2024)
16. Rubtsova A.V., Chicherina N.V., Eremin Yu.V., Katz N.G. A scenario-frame approach to designing the content of teaching a foreign language in higher education. *Pis'ma v Emissiya. Offlain (The Emissia. Offline Letters): elektronnyi nauchnyi zhurnal = The Emissia. Offline Letters*. 2022;(6). (In Russ.). Available at: <http://emissia.org/offline/2022/3076.htm>
17. Medvedenko N.V. Frame as a basic understanding of pedagogical technologies. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*. 2011;(1):102-107. (In Russ.)

18. Educational resources of the Internet for students. Philosophy. St. Petersburg: Gks.ru, 2017. (In Russ.). Available at: http://http://www.koob.ru/spirkin/filosifya_spirkin. (accessed 20.06.2024)

19. Malyazina M.A., Kotova S.A. The inclusion of frame learning in the practice of teaching pedagogical disciplines in higher education. *Pedagogicheskii zhurnal = Pedagogical Journal*. 2017;7(2A):188-198.

Информация об авторах / Information about the Authors

Королева Наталья Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: korolev37-31-72@mail.ru, SPIN: 2922-6532, Researcher ID: A-0000-0000, ORCID: 0000-0002-7526-011X

Natalia M. Koroleva, Candidate of Sciences (Pedagogical), Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: korolev37-31-72@mail.ru, SPIN: 2922-6532, Researcher ID: A-0000-0000, ORCID: 0000-0002-7526-011X

Богданова Галина Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных, естественно-научных и юридических дисциплин, Курский институт кооперации (филиал) БУКЭП, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: galinasmpk21@mail.ru, ORCID: 0009-0009-2816-5839

Galina E. Bogdanova, Candidate of Sciences (Pedagogical), Associate Professor of the Department of Humanities, Natural Sciences and Legal Disciplines, Kursk Institute of Cooperation (branch) BUKER, Kursk, Russian Federation, e-mail: galinasmpk21@mail.ru, ORCID: 0009-0009-2816-5839

УДК 159.9

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-113-125>

Особенности психологической помощи педагогам дошкольного образовательного учреждения, подверженным профессиональному выгоранию

Т.В. Иванова¹✉, И.В. Вьюшкова²

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

²Детский сад комбинированного вида № 120
проспект Дружбы, д. 19, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: mk473942@yandex.ru

Резюме

Цель исследования. В условиях интенсивных преобразований, происходящих сегодня в российском обществе, значимость приобретает проблема эффективности профессиональной деятельности, особенно в сфере образования. Важно поддерживать оптимальный уровень деятельности педагогов в образовательных учреждениях. Поэтому необходимо обратить внимание на такой психологический феномен, как профессиональное выгорание педагогов, работающих с детьми раннего и дошкольного возраста. Целью исследования является изучение особенностей психологической помощи педагогам дошкольного образования, подверженным профессиональному выгоранию.

Методы. В работе были использованы методики: опросник профессионального выгорания К. Маслач в адаптации Н. Е. Водопьяновой, методика для определения уровня субъективного контроля личности (УСК) Е. А. Бажина, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинда, опросник для изучения копинг-стратегий Н. Эндлера и Дж. Паркера, методика «Субъективная оценка межличностных отношений» С. В. Духновского.

Результаты. В результате эмпирического исследования выявлены симптомы профессионального выгорания у педагогов дошкольного образования. Особенное внимание обращает на себя высокий уровень таких симптомов, как деперсонализация и редукция профессиональных достижений. Среди факторов, влияющих на развитие синдрома профессионального выгорания, важным является выбор стратегии совладания со стрессом. В процессе эмпирического исследования было выявлено, что у педагогов дошкольного образовательного учреждения преобладает низкий уровень проблемно-ориентированного копинга, средний уровень копинга, ориентированного на избегание, и эмоционально-ориентированного копинга. Субъективный уровень контроля также является значимым индивидуально-психологическим фактором профессионального выгорания. В результате исследования было обнаружено, что большинство педагогов имеют низкий уровень интернальности в области производственных отношений, в области неудач и высокий уровень интернальности в области достижений, в сфере семейных отношений.

Важным социально-психологическим фактором профессионального выгорания являются взаимоотношения в коллективе. У педагогов дошкольного образовательного учреждения были обнаружены низкие значения субъективной оценки напряженности, конфликтности, агрессии в отношениях, что говорит о снижении диалогичности, самооценности, конструктивности в отношениях, отсутствии тесного, открытого, конструктивного взаимодействия среди сотрудников.

Заключение. Низкие значения проблемно-ориентированного копинга, низкий уровень интернальности в области производственных отношений, в области неудач, признаки дисгармоничных отношений в коллективе являются факторами профессионального выгорания педагогов дошкольного образовательного учреждения. Разработанная и реализованная нами программа психологической помощи, построенная с учетом факторов и симптомов профессионального выгорания педагогов дошкольного образовательного учреждения, показала свою эффективность, что подтверждается математической статистикой.

Ключевые слова: профессиональное выгорание; педагоги дошкольного образовательного учреждения; психологическая помощь.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Иванова Т.В., Вьюшкова И.В. Особенности психологической помощи педагогам дошкольного образовательного учреждения, подверженным профессиональному выгоранию // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2025. Т. 15, № 1. С. 113-125. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-113-125>.

Статья поступила в редакцию 14.02.2025

Статья подписана в печать 20.03.2025

Статья опубликована 25.04.2025

Features of psychological assistance to teachers of preschool educational institutions who are subject to professional burnout

Tatiana V. Ivanova¹✉, Irina V. Vyushkova²

¹Southwest State University

50 let Oktyabrya Str., 94, Kursk 305040, Russian Federation

²Kindergarten of combined type No. 120

19 Druzhby Avenue, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: mk473942@yandex.ru

Abstract

The purpose of the study. In the context of the intensive transformations taking place in Russian society today, the problem of the effectiveness of professional activity, especially in the field of education, is becoming important. It is important to maintain an optimal level of teacher activity in educational institutions. Therefore, it is necessary to pay attention to such a psychological phenomenon as professional burnout of teachers working with children of early and preschool age.

The purpose of the study is to study the features of psychological assistance to preschool teachers who are subject to professional burnout.

Methods. The following methods were used in the work: the questionnaire of professional burnout by K. Maslach adapted by N. E. Vodopyanova, the methodology for determining the level of subjective personality control (USC) by E. A. Bazhin, E. A. Golinkin, A.M. Etkind, the questionnaire for studying coping strategies by N. Endler and J. Parker, S. V. Dukhnovsky's method of «Subjective assessment of interpersonal relationships».

Results. As a result of an empirical study, symptoms of professional burnout among preschool education teachers have been identified. Special attention is drawn to the high level of symptoms such as depersonalization and reduction of professional achievements. Among the factors influencing the development of professional burnout syndrome, it is important to choose a strategy for coping with stress. In the course of empirical research, it was revealed that teachers of preschool educational institutions have a low level of problem-oriented coping, an average level of avoidance-oriented coping, and emotionally-oriented coping. The subjective level of control is also a significant individual psychological factor of professional burnout. As a result of the study, it was found that the majority of teachers have a low level of internality in the field of industrial relations, in the field of failures, and a high level of internality in the field of achievements, in the field of family relations.

Relationships in the team are an important socio-psychological factor of professional burnout. Teachers of preschool educational institutions found low values of subjective assessment of tension, conflict, aggression in relationships, which indicates a decrease in dialogue, self-worth, constructiveness in relationships, lack of close, open, constructive interaction among employees.

Conclusion. Thus, low values of problem-oriented coping, a low level of internality in the field of industrial relations, in the field of failures, signs of disharmonious relations in the team are factors of professional burnout for teachers of preschool educational institutions. The psychological assistance program developed and implemented by us, taking into account the factors and symptoms of professional burnout of preschool teachers, has shown its effectiveness, which is confirmed by mathematical statistics.

Keywords: professional burnout; teachers of preschool educational institutions; psychological help.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Ivanova T.V., Vyushkova I.V. Features of psychological assistance to teachers of preschool educational institutions who are subject to professional burnout. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2025; 15(1): 113–125 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-113-125>.

Received 14.02.2025

Accepted 20.03.2025

Published 25.04.2025

Введение

Современная система образования в Российской Федерации претерпевает значительные изменения в связи с реформами, направленными на повышение качества образования, внедрение новых программ и современных методов обучения. Перечисленные обстоятельства обуславливают необходимость для педагогов постоянно совершенствовать свои навыки и адаптироваться к новым условиям. В этой динамичной и, порой, напряженной среде особенно остро становится проблема профессионального выгорания педагогов дошкольных образовательных учреждений.

Педагоги дошкольного образования играют ключевую роль в формировании личности ребенка. Они не только обучают детей основам знаний, но и способствуют их эмоциональному и социальному развитию. Однако постоянное взаимодействие с детьми, родителями и коллегами, а также необходимость решать множество задач одновременно могут приводить к эмоциональному истощению. Педагоги часто сталкиваются с высокими требованиями к своей работе, что создает дополнительное давление и стресс. Важно отметить, что современная система дошкольного образования предъявляет достаточно высокие требования к таким профессиональным характеристикам специалистов как стрессоустойчивость и жизнестойкость.

Актуальность темы профессионального выгорания педагогов дошкольных

образовательных организаций в последние годы становится все более заметной и требует серьезного внимания как со стороны самих специалистов, так и со стороны руководства учреждений. Профессиональное выгорание – это прогрессирующее, негативно окрашенное психологическое явление, заключающееся в психоэмоциональном истощении, развитии негативного отношения к работе, потере профессиональной мотивации. В контексте дошкольного образования это явление имеет свои особенности и последствия, которые могут негативно сказаться как на самих педагогах, так и на качестве образовательного процесса.

Проблема профессионального выгорания в последние десятилетия была объектом пристального внимания К. Маслач, В.Е. Орла, А.А. Рукавишников, В.А. Винокура, О.В. Рыбиной, Т.Г. Алешиной, Л.И. Молчановой [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8]. Среди российских публикаций особенное внимание привлекают работы В. В. Бойко, который описывает синдром эмоционального выгорания, стадии формирования и симптомы данного феномена. Автор предложил методики диагностики уровня эмоционального выгорания [9]. Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова, Т.И. Рогинская углубленно изучали вопросы профессионального выгорания с учетом специфики различных профессий, связанных с общением с людьми [10, 11, 12]. Вопросам формирования и профилактики профессионального выгорания у педагогов общеобразовательных органи-

заций посвящены работы Н.Ю. Андреевой, Л.Г. Дикой, С.А. Наличаевой [13, 14, 15]. Факторы формирования, проявления и проблемы профилактики профессионального выгорания педагогов дошкольных образовательных учреждений изучали К.А. Дубиницкая, Ю.В. Филиппова, Е.Ю. Сюртукова и другие [16, 17]. Проблема психологической поддержки педагогов рассматривалась в работах А.Н. Евдокимова, И.А. Кураповой, А.Н. Коновальчук [18, 19, 20].

Результаты и обсуждение

В исследовании участвовали педагоги Муниципального бюджетного дошкольного образовательного учреждения «Детский сад комбинированного вида № 120» в количестве 30 человек.

Для оценки профессионального выгорания у воспитателей детского сада нами был использован опросник профессионального выгорания К. Маслач MBI.

Низкий уровень эмоционального истощения наблюдается у 36,7 % педагогов, средний уровень – у 50 % респондентов и высокий уровень эмоционального истощения выявлен у 13,4 % опрошенных (рис. 1). Высокий уровень эмоционального истощения проявляется в сниженном эмоциональном тоне, повышенной психической истощаемости. Педагоги с высоким уровнем эмоционального истощения демонстрируют аффективную лабильность, утрату интереса и позитивных чувств к окружающим, испытывают чувство «пресыщенности» работой, неудовлетворенности жизнью в целом.

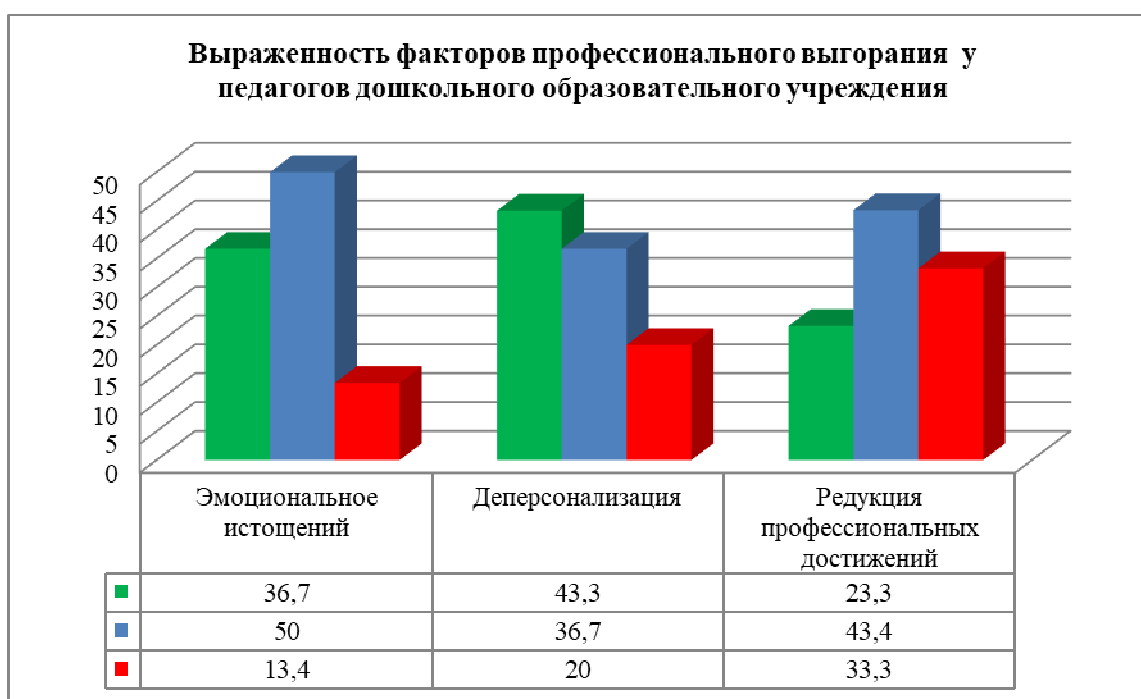

Рис. 1. Результаты исследования профессионального выгорания педагогов дошкольного образовательного учреждения по методике К. Маслач (в процентах)

Fig. 1. Results of a study of professional burnout of preschool teachers using K. Maslach's methodology (in percent)

Деперсонализация низкого уровня выявлена у 43,3 % педагогов, деперсонализация среднего уровня – у 36,7 % испытуемых, деперсонализация высокого уровня наблюдалась у 20 % респондентов. Высокий уровень деперсонализации проявляется в эмоциональной отстраненности и безразличии, формальном выполнении профессиональных обязанностей без личностной включенности и сопереживания. Сотрудники с высоким уровнем выраженности деперсонализации демонстрируют раздражительность, негативизм и циничное отношение к субъектам профессиональной деятельности.

Низкий уровень редукции профессиональных достижений демонстрируют 23,3 % педагогов, средний уровень – 43,4 % испытуемых, высокий уровень отмечается у 33,3 % опрошенных. Педагогам с высоким уровнем данного симптома характерна негативная оценка себя, результатов своего труда и возможностей для профессионального развития. Редукция профессиональных достижений проявляется у педагогов в тенденции к обесцениванию своей компетентности и успешности, снижению профессиональной мотивации, нарастанию негативизма в отношении служебных обязанностей, ограничению вовлеченности в профессию, перекладыванию обязанностей и ответственности на других людей.

Таким образом, исследование выявило показатели высокого уровня симптомов профессионального выгорания у значительной части педагогов дошкольного образовательного учреждения. Особенное внимание обращает на себя высокий уровень факторов деперсонализации и редукции профессиональных достижений. Проявления данных симптомов (например, циничность, негативизм, нетерпимость в общении) неприемлемы и опасны в отношении субъектов дошколь-

ного образования, что говорит об актуальности психологической помощи педагогам, подверженным профессиональному выгоранию.

Мы исследовали копинг-стратегии педагогов как внутренний фактор профессионального выгорания. Мы не выявили у педагогов высокого уровня проблемно-ориентированного копинга (ПОК). Низкий уровень развития ПОК показали 76,7 % педагогов. Низкий уровень ПОК проявляется в том, что люди не решают проблему, применяя рациональные, целенаправленные усилия. Средний уровень ПОК выявлен у 23,3 % испытуемых. В затруднительной ситуации педагоги фокусируются на решении проблемы и прилагают усилия, включающие аналитический подход, разработку плана действий и поэтапное его осуществление.

Эмоционально-ориентированный копинг (ЭОК) у педагогов выражен на низком (83,4 %) и среднем (16,6 %) уровнях. Высокий уровень ЭОК у испытуемых не обнаружен. Средние значения ЭОК говорят о том, что педагогам свойственно эмоционально реагировать на трудности в работе, искать эмоциональную поддержку у других людей. Низкие значения ЭОК у испытуемых говорят нам, что педагогам при возникновении трудностей не свойственно испытывать чрезмерное чувство тревоги.

Копинг, ориентированный на избегание (КОИ), на высоком уровне проявился у 10 % педагогов, что проявляется в бегстве от проблемы, пассивности, бездействии. Средние значения КОИ обнаружены у 56,7 % педагогов, низкие значения – у 33,3 % испытуемых.

Рассмотрим результаты по субшкалам КОИ. По шкале «отвлечение» большинство педагогов (73,3 %) показали средний уровень выраженности данного способа совладания. У 10 % испытуемых

значения по шкале «отвлечение» на высоком уровне, что проявляется в избегании трудностей, погружении в социальные сети, просмотр сериалов, различное компульсивное поведение.

Наличие низких значений по шкале «социальное отвлечение» у 36,7 % педагогов говорит о том, что испытуемые предпочитают дистанцироваться от проблемы, а не искать эмоциональной поддержки у окружения.

Рис. 2. Результаты исследования копинг-стратегий у педагогов дошкольного образовательного учреждения по методике Н. Эндлера, Дж. Паркера «CISS» (в процентах)

Fig. 2. The results of a study of coping strategies among teachers of preschool educational institutions using the method of N. Endler, J. Parker "CISS" (percentage)

Высокие значения у 13,4% и средние значения у 50% испытуемых по шкале «социальная поддержка» проявляются в том, что педагоги стремятся получить эмоциональную помощь семьи, друзей, знакомых.

Таким образом, преобладание низких значений ПОК, средних значений КОИ и ЭОК у педагогов говорит о необходимости фокусировать внимание на данный фактор профессионального выго-

рания в процессе организации психологической помощи в условиях дошкольного образовательного учреждения.

Важным индивидуально-психологическим фактором профессионального выгорания является уровень субъективного контроля. Рассмотрим результаты исследования данного свойства у педагогов дошкольного образовательного учреждения. Высокий уровень интернальности преобладает у педагогов в области до-

стижений (63,3 %) и в области семейных отношений (70%). Педагоги с таким уровнем интернальности присваивают

себе успехи в своей жизни, считают себя ответственным за события, происходящие в их семье.

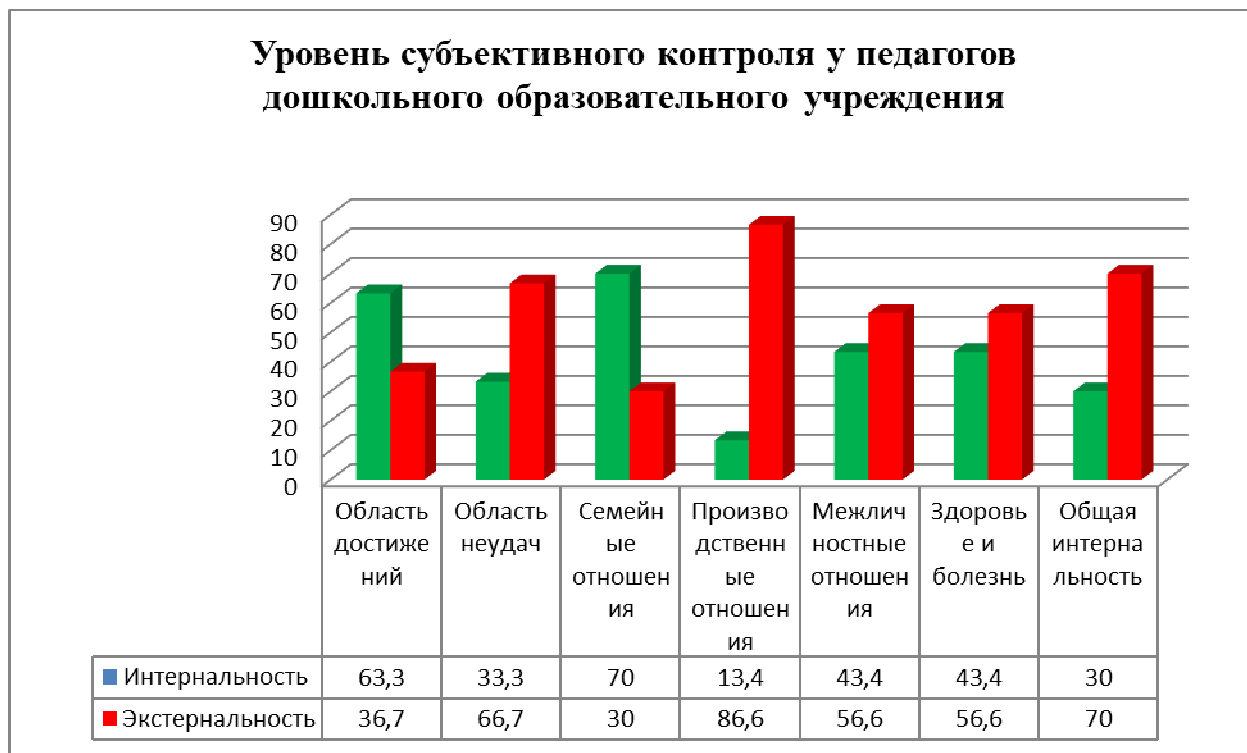

Рис. 3. Результаты исследования уровня субъективного контроля у педагогов дошкольного образовательного учреждения по методике Е. А. Бажина, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинда «УСК» (в процентах)

Fig. 3. Results of the study of the level of subjective control among teachers of preschool educational institutions according to the methodology of E. A. Bazhin, E. A. Golinkin, A.M. Etkind «USK» (in percent)

Для нашего исследования значимыми показателями является низкий уровень интернальности в области неудач у 80% педагогов и в области производственных отношений у 86,7 % испытуемых. Сотрудники не видят свою ответственность в ситуациях неуспеха, а, стало быть, не считают себя способными решить проблему. Педагоги не считают свои действия важным фактором организации собственной производственной деятельности, складывающихся отношений в коллективе, своего профессионального

развития. Данный фактор мы учитывали при организации психологической помощи педагогам, подверженным профессиональному выгоранию.

Взаимоотношения в коллективе являются важным социально-психологическим фактором в формировании синдрома профессионального выгорания. Нами выявлены низкие значения субъективной оценки напряженности, конфликтности, агрессии в отношениях у большинства педагогов.

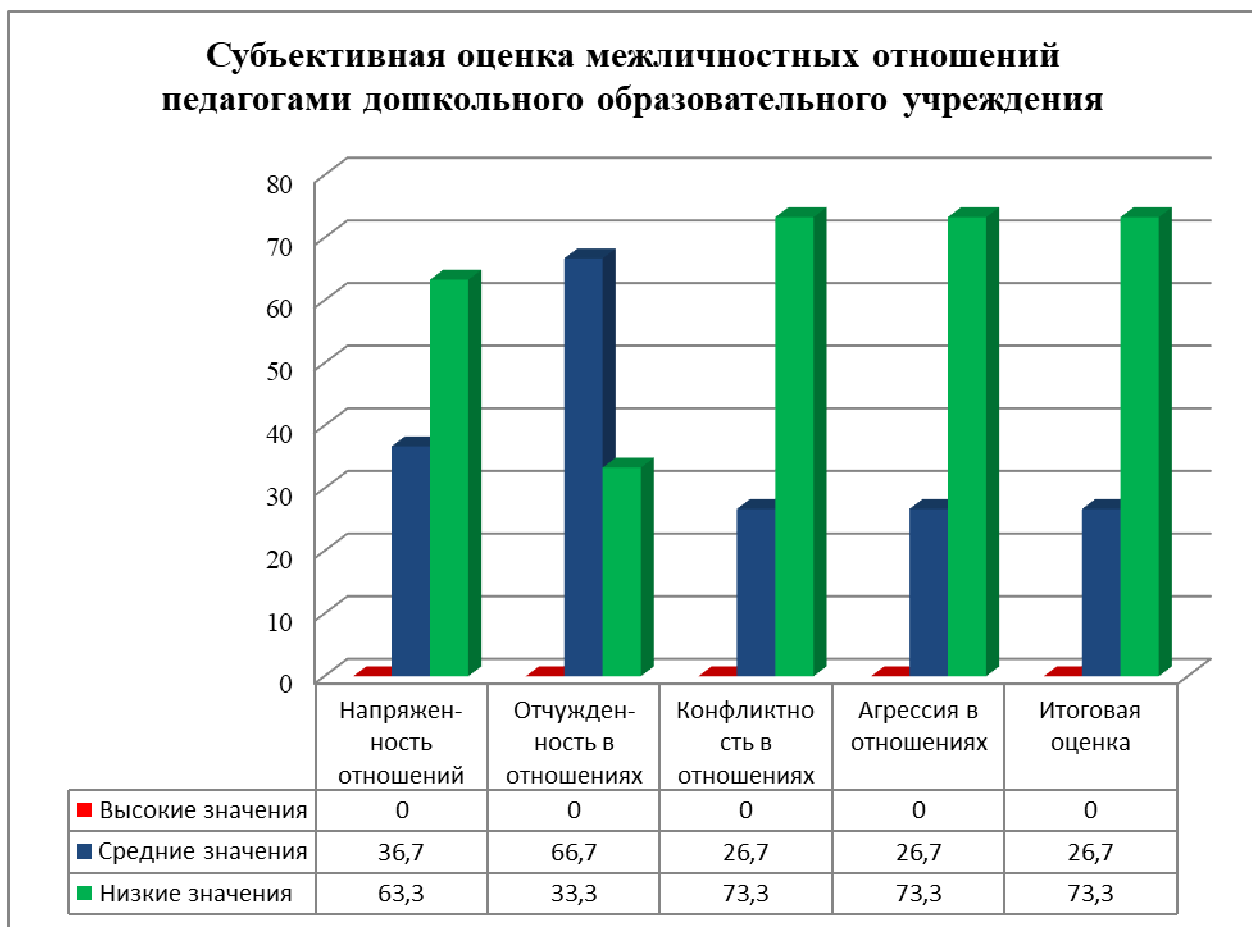

Рис. 4. Результаты исследования субъективной оценки межличностных отношений педагогами дошкольного образовательного учреждения

Fig. 4. The results of a study of the subjective assessment of interpersonal relationships by teachers of a preschool educational institution

Эти показатели говорят о снижении диалогичности, самооценности, конструктивности в отношениях, отсутствии тесного, открытого взаимодействия среди сотрудников. Все это сигнализирует о некоторой дисгармонии, отсутствии достаточного уровня совместности, общности, равенства субъектов отношений, их обусловленности друг другом и может стать фактором развития профессионального выгорания.

Мы разработали программу психологической помощи педагогам, подверженным профессиональному выгоранию. Целью программы являлось снижение выраженности симптомов профессионального выгорания педагогов путем воздействия на индивидуально-психоло-

гические и социально-психологические факторы данного синдрома.

Задачи:

- знакомство с феноменом профессионального выгорания, его факторами и симптомами, способами преодоления;

- развитие способности к выбору продуктивных стратегий совладающего поведения, осознанному использованию своих личностных и социальных ресурсов в проблемной ситуации, повышение уверенности в себе;

- развитие внимательного, позитивного отношения к себе (своим потребностям, желаниям, чувствам), способности к позитивному мышлению;

- развитие способности к пониманию и принятию других, к установлению

искренних отношений, навыков конструктивного взаимодействия в конфликтных ситуациях.

Занятия включали в себя упражнения, направленные на стимулирование активности и вовлеченности педагогов в процесс групповой работы; получение успешного опыта в преодолении трудных ситуаций в условиях тренинга; осознание и присвоение участниками нового опыта.

После реализации программы психологической помощи педагогам, подверженным профессиональному выгоранию, нами была проведена оценка ее эффективности. Мы провели повторное исследование выраженности уровня профессионального выгорания по опроснику К. Маслач (MBI).

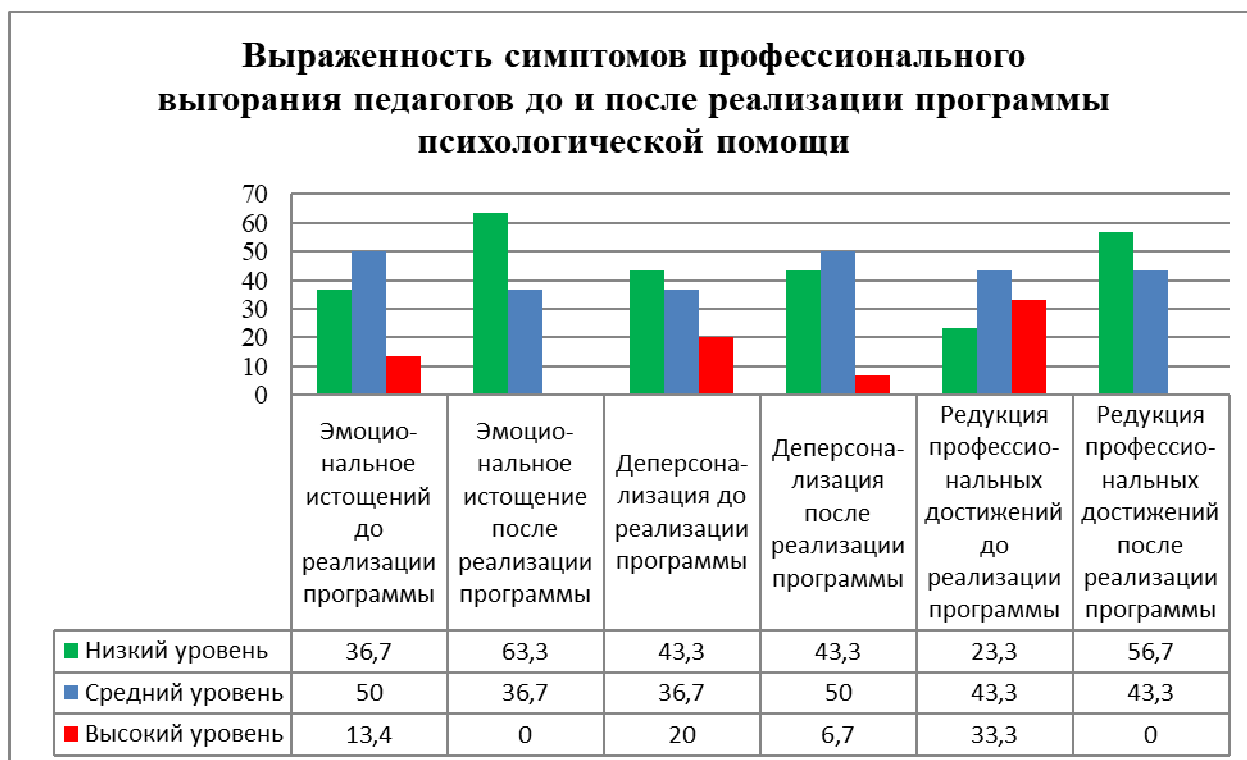

Рис. 5. Результаты исследования профессионального выгорания педагогов дошкольного образовательного учреждения до и после реализации программы психологической помощи

Fig. 5. The results of a study of professional burnout of preschool teachers before and after the implementation of the psychological assistance program

Чтобы доказать достоверность снижения уровня профессионального выгорания педагогов после реализации программы психологической помощи, мы применили t-критерий Стьюдента для связанных выборок. Мы обнаружили значимые изменения по двум шкалам. Изменения по шкале «эмоциональное истощение» подтверждает $t_{\text{мп}} = 3,14$ при уровне значимости $p \leq 0,01$. Изменение выраженности показателей по шкале «редукция профессиональных достижений»

подтверждает $t_{\text{мп}} = 4,45$ при уровне значимости $p \leq 0,01$. Таким образом, программа психологической помощи педагогам дошкольного образовательного учреждения, подверженным профессиональному выгоранию, актуальна и эффективна.

Выводы

Среди индивидуально-психологических факторов, способствующих профессиональному выгоранию педагогов до

школьного образования, мы выделили неадаптивные копинг-стратегии, среди которых копинг, ориентированный на избегание и эмоционально-ориентированный копинг. У большинства педагогов доминируют средние значения данных способов совладающего поведения. В то время как проблемно ориентированный копинг представлен низкими значениями.

Значимый индивидуально-психологический фактор профессионального выгорания – уровень субъективного контроля. Мы обнаружили, что большинство педагогов дошкольного образования демонстрируют экстернальность в области производственных отношений, что способствует развитию профессионального выгорания.

Среди социально-психологических факторов профессионального выгорания мы обратили особое внимание на межличностные отношения в коллективе. Субъективная оценка уровня межличностных отношений позволяет сказать, что большинство педагогов дошкольного образовательного учреждения отметили низкие показатели напряженности, отчужденности, конфликтности и агрессив-

ности в межличностных отношениях, что говорит о некоторой дисгармонии, отсутствии достаточного уровня совместности, общности, равенства субъектов отношений, их обусловленности друг другом. Это является фактором развития профессионального выгорания.

Опираясь на результаты эмпирического исследования (особенности структуры профессионального выгорания, копинг-стратегий, субъективного локуса контроля, оценку педагогами межличностных отношений в коллективе), была разработана программа психологической помощи педагогам, подверженным профессиональному выгоранию. Программа включала в себя диагностическую и коррекционно-развивающую работу.

Результаты повторного исследования уровня профессионального выгорания по методике МВИ показали, что у педагогов дошкольного образовательного учреждения значительно снизились показатели по симптомам «эмоциональное истощение» и «редукция профессиональных достижений», что подтверждает эффективность программы психологической помощи.

Список литературы

1. Маслач К., Эйала Пайнс. Практикум по социальной психологии. СПб.: Питер, 2000. 522 с.
2. Орел В.Е., Рукавишников А.А. Феномен «выгорания» как проявление воздействия профессиональной деятельности на личность // Психология субъекта профессиональной деятельности: сборник научных трудов / под ред. А.В. Брушлинского, А.В. Карпова. М.; Ярославль: Институт психологии РАН, 2001. С. 72-82.
3. Рукавишников А.А. Опыт создания методики для диагностики феномена психического «выгорания» // Психология и практика. 1998. Т. 4., вып. 1. С. 283-284.
4. Винокур В.А., Рыбина О.В. Синдром профессионального выгорания у медицинских работников: психологическая характеристика и методологические аспекты диагностики // Психодиагностика и коррекция. Руководство для врачей и психологов. СПб.: Питер. Серия «Мастера психологии». 2008. Гл. 7. С. 205-235.
5. Алешина Т.Г. Проблема взаимосвязи индивидуально-личностных свойств и особенностей формирования синдрома эмоционального выгорания у педагогов // Психотерапия. 2007. №7. С. 35-38.
6. Молчанова Л.Н., Королева С.И. Особенности взаимосвязей астении, эмоционального интеллекта студентов-волонтеров при различном уровне их эмоционального выгорания // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и пе-

дагогика. 2024. Т. 14, № 3. С. 134-144. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-3-134-144>

7. Молчанова Л.Н., Блинова К.В. Взаимосвязи способов совладающего поведения и психического выгорания волонтеров-медиков в условиях профессионально ориентированной волонтерской деятельности (в период пандемии COVID-19) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2021. Т. 11, № 4. С. 202-213.

8. Молчанова Л.Н., Черникова С.И. Особенности влияния эмоционального интеллекта на психическое выгорание волонтеров в условиях профессионально ориентированной добровольческой деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 154-167.

9. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб.: Питер, 2003. 473 с.

10. Водопьянова Н.Е. Синдром «выгорания» в профессиях «человек-человек»: практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. СПб.: Питер, 2003. 312 с.

11. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2024. 299 с.

12. Рогинская Т.И. Специфика синдрома выгорания в профессиях с высоким уровнем стресса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Психология. Педагогика. 2016. Вып. 2. С. 107-121.

13. Андреева Н.Ю. Коррекция профессионального выгорания педагогов // Наука ЮУрГУ: материалы LXII науч. конф. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. Т. 2. С. 167-171.

14. Дикая Л.Г., Наличаева С.А. О вкладе стресса и утомления в развитие эмоционального выгорания педагогов // Психология психических состояний: сборник статей / под ред. А.О. Прохорова. Казань: Казанский университет, 2011. Вып. 8. С. 138-163.

15. Дакая Л.Г., Наличаева С.А. Самоактуализация как ведущая детерминанта субъектной саморегуляции эмоционального выгорания педагога // Стресс, выгорание, совладание в современном контексте: сборник статей / под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2011. С. 422-442.

16. Дубиницкая К.А. Социально-психологические аспекты формирования синдрома эмоционального выгорания у педагогов и воспитателей дошкольных образовательных учреждений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2010. № 4. С. 57-65.

17. Филиппова Ю.В., Сюртукова Е.Ю. Специфика структурной организации факторов психического выгорания воспитателей ДОО с различным уровнем его выраженности // Ярославский психологический вестник. 2016. № 34. С. 107-110.

18. Евдокимов А. Н. Психологическая поддержка личности воспитателя дошкольного образовательного учреждения, работающего с дезадаптивными старшими дошкольниками: методология, теория и практика. Георгиевск: ГТИ (филиал) СевКавГТУ, 2011. 176 с.

19. Курапова И.А., Назарова С.А. Профессиональное благополучие педагогов высшей школы: психологические особенности // Актуальные вопросы благополучия личности: психологический, социальный и профессиональный контексты: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Ханты-Мансийск, 17 ноября 2023 года. Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2023. С. 318-325.

20. Коновальчук А.Н. Синдром эмоционального выгорания в профессиональной деятельности учителей. Нижний Новгород: Изд-во ВГИПУ, 2010. 182 с.

References

1. Maslach K. Eyala Pines. Practicum on social psychology. St. Petersburg: Peter; 2000. 522 p. (In Russ.)
2. Orel V.E., Rukavishnikov A.A. The phenomenon of "burnout" as a manifestation of the impact of professional activity on a personality. In: Brushlinsky A.V., Karpov A.V. eds. *Psychology of the subject of professional activity: A collection of scientific papers*. Moscow-Yaroslavl: Institut psikhologii RAN; 2001. P. 72-82. (In Russ.)
3. Rukavishnikov A.A. The experience of creating a methodology for diagnosing the phenomenon of mental «burnout». *Psikhologiya i praktika = Psychology and Practice*. 1998;4(1):283-284. (In Russ.)
4. Vinokur V.A., Rybina O.V. Occupational burnout syndrome in medical workers: psychological characteristics and methodological aspects of diagnosis. In: *Psikhodiagnostika i korrektsiya. Rukovodstvo dlya vrachei i psikhologov = Psychodiagnostics and correction / Guidelines for doctors and psychologists*. St. Petersburg: Piter; 2008; P. 205-235. (In Russ.)
5. Alyoshina T.G. The problem of the relationship between individual and personal characteristics and the features of the formation of emotional burnout syndrome in teachers. *Psikhoterapiya = Psychotherapy*. 2007;(7):35-38. (In Russ.)
6. Molchanova L.N., Koroleva S.I. Features of interrelations between asthenia and emotional intelligence of student volunteers at different levels of their emotional burnout. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwestern State University. Series: Linguistics and Pedagogy*. 2024;14(3):134-144. (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-3-134-144>
7. Molchanova L.N., Blinova K.V. Interrelationships of coping behavior and mental burnout of medical volunteers in conditions of professionally oriented volunteer activity (during the COVID-19 pandemic). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwestern State University. Series: Linguistics and Pedagogy*. 2021;11(4):202-213. (In Russ.)
8. Molchanova L.N., Chernikova S.I. Peculiarities of the influence of emotional intelligence on mental burnout of volunteers in conditions of professionally oriented volunteerism. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwestern State University. Series: Linguistics and Pedagogy*. 2022;12(4):154-167. (In Russ.)
9. Boyko V.V. The syndrome of «emotional burnout» in professional communication. St. Petersburg: Peter, 2003. 473 p. (In Russ.)
10. Vodopyanova N.E. «Burnout» syndrome in human-to-human professions Workshop on psychology of management and professional activity. St. Petersburg: Peter; 2003. 312 p. (In Russ.)
11. Vodopyanova N.E., Starchenkova E.S. Burnout syndrome. Diagnosis and prevention. Moscow: Publishing house Yurait; 2024. 299 p. (In Russ.)
12. Roginskaya T.I. Specifics of burnout syndrome in professions with high stress levels. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya: Psihologiya. Pedagogika = Bulletin of St. Petersburg University Series: Psychology. Pedagogy*. 2016;(2):107-121. (In Russ.)
13. Andreeva N.Y. Correction of professional burnout of teachers. In: *Nauka YuUrGU: materialy LXII nauch. konf. Chelyabinsk: Izdatel'skii tsentr YuUrGU = SUSU Science: proceedings of the LXII Scientific Conference. Chelyabinsk: SUSU Publishing Center*. 2010;(2):167-171. (In Russ.)
14. Dikaya L.G., Cashaeva S.A. On the contribution of stress and fatigue in the development of emotional burnout of teachers. In: A.O. Prokhorov (ed.) *Psikhologiya psikhicheskikh*

sostoyanii: sbornik statei = Psychology of mental states: a collection of articles. Kazan: Kazan University; 2011;(8):138-163. (In Russ.)

15. Dakaya L.G., Cashayeva S.A. Self-actualization as a leading determinant of subjective self-regulation of emotional burnout of a teacher. In: Zhuravlev A.L., Sergienko E.A., eds. In: *Stress, vygoranie, sovladanie v sovremennom kontekste: sbornik statei = Stress, burnout, coping in a modern context. Collection of articles*. Moscow: Institut psikhologii RAN; 2011. P. 422-442. (In Russ.)

16. Dubinitskaya, K. A. Socio-psychological aspects of the formation of emotional burnout syndrome among teachers and educators of preschool educational institutions. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences*. 2010;(4):57-65. (In Russ.)

17. Filippova Yu.V., Surtukova E.Yu. Specifics of the structural organization of factors of mental burnout of preschool teachers with different levels of its severity. *Yaroslavskij psikhologicheskij vestnik = Yaroslavl Psychological Bulletin*. 2016;(34):107-110. (In Russ.)

18. Evdokimov A.N. Psychological support for the personality of a preschool teacher working with maladaptive older preschoolers: methodology, theory and practice. Georgievsk: GTI (branch) SevKavGTU; 2011. 176 p. (In Russ.)

19. Kurapova I.A., Nazarova S.A. Professional well-being of higher school teachers: psychological features. In: *Aktual'nye voprosy blagopoluchiya lichnosti: psikhologicheskii, sotsial'nyi i profes-sional'nyi konteksty: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konfe-rentsii = Current issues of personal well-being: psychological, social and professional contexts : Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Khanty-Mansiysk: Yugorsky State University; 2023. P. 318-325. (In Russ.)

20. Konovalchuk A.N. Burnout syndrome in the professional activity of teachers. Nizhnii Novgorod: Izd-vo VGIPU; 2010. 182 p. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Иванова Татьяна Витальевна, кандидат психологических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: mk473942@yandex.ru

Tatiana V. Ivanova, Candidate of Sciences (Psychological), Associate Professor, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: mk473942@yandex.ru

Вьюшкова Ирина Викторовна, психолог, Детский сад комбинированного вида № 120, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: starodubtzeva.ir@yandex.ru

Irina V. Vyushkova, Psychologist, Kindergarten of combined type No. 120, Kursk, Russian Federation,
e-mail: starodubtzeva.ir@yandex.ru

УДК 811.161.1'38(075.8)

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-126-131>

**О стилистике жанров и генераторской стилистике.
Рецензия на книгу: Н.И. Клушина. Введение в интернет-
стилистику: учебник / Н.И. Клушина, А.В. Николаева. – М.:
ФЛИНТА, 2020. – 240 с. ISBN 978-5-9765-4386-7**

Т.Н. Федуленкова¹ ✉

¹Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
ул. Горького 87, г. Владимир 600000, Российская Федерация

✉ e-mail: fedulenkova@list.ru

Читатели, успевшие приобрести новую книгу Н.И. Клушиной «Введение в интернет-стилистику» (из немалого, кстати, тиража в 1000 экземпляров), с большим, вне всякого сомнения, интересом ознакомились с ее содержанием.

В этом труде автор поднимает ряд не просто актуальных, но животрепещущих вопросов, связанных с предпосылками создания интернет-стилистики, с формированием ее целей и задач как новой вузовской дисциплины, с толкованием базовых терминов и понятий этой отрасли стилистики.

На вопрос «Что такое стилистика жанров?» автор отвечает: это одно из направлений стилистики, в котором изучается типология различных жанров, дается дефиниция понятия жанр, включая его категориальные признаки, описываются прототипические жанровые модели и их современные трансформации, приводится генезис конкретных жанров и решаются многие другие важные вопросы генристики, которые рассматриваются с позиций стилистического учения.

Около четырех-пяти десятков лет назад, в советскую эпоху, существовала стройная система журналистских (медийных) жанров. На факультете журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова усилиями преподавателей кафедры стилистики русского языка было сформировано самостоятельное научно-учебное направление «Стилистика жанров», было издано учебное пособие «Стилистика газетных жанров» (1981). Но в дальнейшем подобные жанрово-стилистические исследования были приостановлены. В своей книге Н.И. Клушина как раз и указывает причины этой остановки: а) в перестройку сложившаяся типология медийных жанров была разрушена, б) дифференциальные признаки конкретных жанровых моделей были размыты, в) жанры трансформировались, г) трансформация жанров нередко сопровождалась их контаминацией и взаимопроникновением. На рубеже XX–XXI вв. ученые отмечали эссеизацию жанров СМИ (Л.Г. Кайда и др.), их наджанровый фельетонный характер (на что, кстати, указывали и в пер-

вые годы революции Ю.Н. Тынянов, Г.О. Винокур и др.). Теоретики СМИ разрабатывали новую типологию жанров, описывая возникающие жанры и их варианты (А.А. Тертычный, Л.Е. Кройчик, А.Н. Тепляшина и др.). В перестроечной генристике насчитывалось до четырех сотен жанров, которые выделялись на разных основаниях, вследствие чего общепринятой типологии жанров выработано не было. Некоторые исследователи отказались в тот период говорить о жанре, заменяя этот термин «типами текстов» (В. Е. Чернявская, Н. И. Клушина и др.). Очевидно, что до нашего времени данный вопрос остается открытым. Сегодня он становится еще более актуальным в связи с развитием интернет-коммуникации.

Обобщая свои наблюдения во время экскурса в историю стилистики жанра, автор резюмирует, что интернет-коммуникации присуща собственная структура жанров. Жанры в интернет-коммуникации под влиянием цифровых технологий весьма динамично развиваются. Многие традиционные жанры трансформируются, в первую очередь, жанр новости и жанр комментария, возникают такие эксклюзивные интернет-жанры, как лонгрид, блог, мем, нарратив и др. (с. 91).

В настоящее время отчетливо проявляются предпосылки создания теории интернет-жанров (М.В. Иванова, Н.И. Клушина, О. В. Лутовинова, А. В. Николаева, Б. Тошович, D. Crystal, S. Herring и др.), в задачи которой входит выявление, описание и структурирование всего многообразия интернет-жанров. Тем не менее пока еще рано говорить о сложившейся типологии жанров интернет-коммуникации, поскольку она сейчас находится на стадии формирования. Однако автор находит возможность в первом приближении охарактеризовать наиболее показательные жанры в Интернете.

Глава рецензируемой книги «Жанр и его основные дефиниции» включает рассмотрение таких вопросов, как:

- дефиниция жанра,
- теория жанра М.М. Бахтина,
- жанровая концепция Ст. Гайды,
- жанр и стереотип в концепции В.П. Москвина,
- интуитивная жанровая рефлексия в концепции Т.В. Шмелевой.

Н.И. Клушина утверждает, что любой текст оформлен в виде конкретного жанра, который имеет «прикрепленность» к определенному функциональному стилю. Для начала автор рассматривает различные дефиниции жанра.

Согласно М.М. Бахтину, ни одно новое явление (фонетическое, лексическое, грамматическое) не может войти в систему языка, не пройдя долгий и сложный путь жанрово-стилистического испытания и отработки. Понимая под речевыми жанрами «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» и исходя из соссюровской дихотомии *языка* и *речи* (которая влияла и продолжает влиять на многие лингвистические дефиниции), М.М. Бахтин пишет о том, что речевые жанры, «будучи, в общем, гораздо гибче, пластичнее и свободнее языка, в то же время безличны, так как являются типической формой высказываний, но не самими высказываниями. Типическими для речевых жанров являются: коммуникативная ситуация, экспрессия (выразительность) и экспрессивная интонация, объем (приблизительная длина речевого целого), концепция адресата и наадресата» [1, с. 149].

Критически анализируя высказывание М. М. Бахтина, Н. И. Клушина отмечает, что он усложняет стилистическую перспективу жанра коммуникативной (в современной терминологии – дискурсивной). А вводя критерий объема, ученый предвидит то, что мы сегодня именуем технологической, т. е. связанной с форматными характеристиками, составляющей жанра.

В свою очередь, польский лингвист-академик Станислав Гайда обозначает

жанр как «культурно и исторически оформленный, общественно конвенционализированный способ языковой коммуникации; образец организации текста» [2, с. 106].

Характеризуя жанр как определенный речевой стереотип, В.П. Москвин описывает его функциональную направленность: «Стереотипность речевого жанра обеспечивает: 1) ясность речи, <...> поскольку стереотипы способствуют ускорению процесса понимания в связи с определенной степенью предсказуемости; 2) экономию усилий, <...> поскольку дает возможность без особых усилий, быстро, по определенной схеме, из вполне определенных блоков, построить фразу, текст: как известно, составлять речевые единицы по образцу гораздо легче, чем сочинять. В этом плане жанр как ментальная модель представляет собой *специфический вид структурной организации в памяти* <...>. В таком случае *текст* может быть определен как *любое самостоятельное словесное произведение*, а РЖ (*речевой жанр*) — как *стереотип для создания текстов*» [3, с. 63–76].

Обобщая свои наблюдения и принимая во внимание идею Т.В. Шмелевой об интуитивной жанровой рефлексии, Н.И. Клушина предлагает следующую дефиницию рассматриваемого понятия – это композиционно устойчивая форма текстов, характеризующаяся специфическими, характерными для данного жанра, стилистическими признаками и структурными элементами. Вполне очевидно, что важнейшей чертой жанра, в том или ином виде высказанная различными учеными, будет его устойчивость и типичность.

Жанр как ментальная модель характеризуется тем, что адресант, автор текста, имеет представления – иногда интуитивные – о структурных и стилистических чертах выбранной им жанровой подачи, или, по выражению Н.И. Клушиной, «упаковки» текста.

Особое внимание в рецензируемой книге автор уделяет генераторской стилистике – разделу интернет-стилистики, изучающему роботизированные тексты. Под роботизированными текстами понимаются тексты, сгенерированные компьютерными технологиями.

Термин *генераторская лингвистика* впервые был введен в метаязык лингвистики австрийским профессором Бранко Тошовичем, он же первым дал характеристику формированию и развитию генераторской стилистики: «Генератором является программа, создающая на базе одного текста или нулевого текста другой текст при использовании анализа и синтеза, различных моделей, формул и т. п., для достижения разнообразных целей: утилитарных, игровых, развлекательных, стилистических, (авто)презентационных, демонстрационных и др. Эти механизмы функционируют, как правило, онлайн, реже офлайн. Генерирование предполагает наличие факультативного генерирующего/ входного текста и облигаторного/ выходного текста» [4, с. 180–181].

В главе, посвященной экстралингвистическим основам генераторской стилистики, Н. И. Клушина привлекает внимание читателя к обсуждению следующих вопросов:

- искусственные нейронные сети,
- *homo roboticus*,
- этические вопросы искусственного

интеллекта.

Развитие современных компьютерных технологий, роботов, Интернета, вещей, под которыми понимаются предметы, включающие в себя элементы искусственного интеллекта (концепция так называемого «умного дома»), а также создание искусственного интеллекта на основе искусственно созданных нейронных сетей не только провоцируют прирост информации (*big data*), но и ставят перед человечеством новые гуманитарные проблемы, связанные с его будущим: сохранится ли человек как демиург своего внутреннего и внешнего космоса и в том

числе как языковая личность, или он уступит свое место следующей ступени в эволюции цивилизации, а именно: Homo Roboticus, Примату или пришельцам [5; 6]. Не исключается вероятность замены современного человека в будущем еще даже немислимой нами сегодня новой материей.

Рассуждая о возможных и не вполне прогнозируемых способностях искусственного интеллекта, ученые остро ставят этические вопросы, связанные с дальнейшим развитием искусственного интеллекта, который может привести как к взаимосвязи человека и машины, так и к вытеснению роботами и искусственным интеллектом человека. Создание искусственного интеллекта, расширяющего способности человека и постепенно заменяющего его, провоцирует постановку также и стилистических проблем. В связи с этим в главе, посвященной интралингвистическим факторам генераторской стилистики, Н.И. Клушиной рассматриваются следующие вопросы:

- роботизированные тексты,
- актуальные проблемы генераторской стилистики.

В первую очередь, автор отмечает, что развитие искусственного интеллекта и робототехники повлияло на развитие стилистики в той ее части, предметом которой стал роботизированный текст. В стилистике, как в проявлении гуманитарной, человеческой деятельности, заложен креативный потенциал коммуникации, поскольку она построена на авторском, интенциональном, выборе средств из существующих ресурсов языка. Результатом этого выбора становится текст, в котором реализуется авторский замысел как в содержательной, так и в формальной структуре текста. По меткому выражению Станислава Гайды, стиль – это *гуманитарная структура текста* [7]. И именно стилистика выявляет в тексте стиль, как индивидуальные (идиостиль), так и коллективные стили; в терминологии Ст. Гайды – это функциональные,

эмоциональные, когнитивные и другие типы стилей.

В главе «Авторский стиль vs стилизация» рассматриваются следующие вопросы:

- гуманитарная стилистика,
- проблема стилизации генераторских текстов,
- авторский стиль.

Дифференцируя гуманитарную стилистику от генераторской стилистики, Н.И. Клушина подчеркивает, что последняя изучает некреативное, заданное алгоритмом, написание текстов. Генераторскую стилистику предлагается именовать и нейронной стилистикой, поскольку на смену первым, во многом беспомощным, генераторам текстов приходят нейронные сети и искусственный интеллект, которые пишут уже и сложные тексты – поэтические и журналистские. Известно, что нейросети обучаются писать тексты также на базе уже созданного в мировой культуре корпуса художественных текстов (вспомним эксперименты с произведениями А.С. Пушкина, с английскими сонетами, с авангардной поэзией).

С точки зрения базовых идей стилистики генераторская стилистика вторична, поскольку в генераторы изначально закладываются уже существующие корпусы слов, рифмы, фразы, из которых они генерируют вторичные тексты. Чтобы получить, например, сгенерированный поэтический текст, надо задать ритм с помощью введения первых двух созданных человеком строчек, вручную задать ударение для различения форм слова, например: *рУки* или *рукИ*. (с. 179). Или, например, нейросеть от Facebook уже генерирует стихи, самостоятельно выдерживая размер и ритм, подбирая правильные рифмы.

В главе «Инверсия коммуникативных ролей» рассматриваются следующие вопросы:

- коммуникативные роли,
- первичные и вторичные тексты,

– автор и адресат сгенерированных текстов.

Н.И. Клушина отмечает проявление еще одной важной стилистической проблемы – проблемы декодирования и интерпретации. В генераторской стилистике важнейшая роль должна быть отведена не только автору первичного текста, но и адресату текста сгенерированного. Именно адресат сгенерированного текста должен учитывать текст первичный, знать его, уметь распознать, чтобы понять те стилистические процессы, которые проявляются во вторичном сгенерированном тексте. То есть адресат сам должен иметь глубокие знания культуры, чтобы не только отличить сгенерированный текст от человеческого, но и дать ему оценку. Адресат должен учитывать «расщепленность» текста, «двойное»/ клонированное авторство и перлокутивный эффект. Не случайно канадский философ Маршалл Маклюэн считал самым значимым в коммуникации именно эффект: «Интерес к *эффекту*, а не к *значению* есть основное *изменение*, произошедшее в наше электрическое время, ведь эффект включает в себе всю ситуацию целиком, а не просто какой-то один уровень движения информации» [8, с. 353]. В зависимости от культурного и эстетического развития адресата напрямую зависит будущее генераторской стилистики, которая должна включить в себя и знания общей стилистики.

Но инверсия коммуникативных ролей может идти и по иному сценарию, когда искусственный интеллект научится обходиться без первичных авторских тек-

стов. Поэтому уже сейчас генераторская стилистика ставит целый ряд философских вопросов: где грань между гуманитарным, то есть человеческим, текстом и текстом технологическим? между Пушкиным живым и Пушкиным техническим? сможем ли мы отличить классическую поэзию от флэш-поэзии или последняя так и останется как один из научных экспериментов?

Некоторые серьезные ученые ставят вопросы о запрете исследований, целью которых является развитие искусственного интеллекта, как вводились конвенции о запрете исследований в области водородной бомбы [9], поскольку последствия подобных экспериментов могут привести к непредсказуемым эффектам, в том числе и к уничтожению человеческой цивилизации и самого человека.

В целом рецензируемая книга представляет собой инновационный труд, который не только делится с читателем оригинальными идеями о стилистике интернет-жанров, об основных стилевых доминантах интернет-коммуникации, демонстрирующих асимметрию публичного и межличностного интернет-общения, о новшествах в генераторской модели коммуникации, но и призывает нас задуматься, пока не поздно, о своей судьбе, принимая во внимание стремительное, практически неконтролируемое развитие социума и техники.

Книга может быть рекомендована как специалистам по стилистике, так и по лингводидактике, и, несомненно, по коммуникативной прагматике.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Gajda St. Nowe społeczności dyskursywne a edukacja komunikacyjna // Zmiany w publicznych zwyczajach językowych / Ed. J. Bralczyk, K. Mosiołek-Kłosińska. Warsaw: Upowszechnianie Nauki – Oświata „UN-O”, 2001. P. 7–13.
3. Москвин В.П. К соотношению понятий «речевой жанр», «текст» и «речевой акт» // Жанры речи. Саратов: Колледж, 2005. Вып. 4. С. 63–76.
4. Тошович Б. Структура интернет-стилистики. М.: Флинта, 2018. 492 с.

5. Маркофф Д. «Homo Roboticus? Люди и машины в поисках взаимопонимания: [пер с англ.]. М.: Альпина, 2017. 457 с.
6. Хлебович В. В. О зарождении и судьбе цивилизаций // Успехи современной биологии. 2019. 2(139). С. 206–208.
7. Gajda St. Nowe społeczności dyskursywne a edukacja komunikacyjna // Zmiany w publicznych zwyczajach językowych / Ed. J. Bralczyk, K. Mosiołek-Kłosińska., Warsaw: Upowszechnianie Nauki – Oświata „UN-O”, 2001. Pp. 7–13.
8. Макклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека = Understanding Media: The Extensions of Man. М.: Кучково поле, 2007. 464 с.

References

1. Bahtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Iskusstvo; 1986. (In Russ.).
2. Gajda St. Nowe społeczności dyskursywne a edukacja komunikacyjna. In *Zmiany w publicznych zwyczajach językowych* / Ed. J. Bralczyk, K. Mosiołek-Kłosińska. Warsaw: Upowszechnianie Nauki – Oświata „UN-O”; 2001. Pp 7–13.
3. Moskvina V.P. On the relation of the concepts "speech genre", "text" and "speech act". In *Zhany rechi = Genres of speech*. Saratov: Kolledzh. 2005;(4):63–76. (In Russ.).
4. Toshovich B. The structure of Internet stylistics. Moscow: Flinta; 2018. 492 p. (In Russ.).
5. Markoff D. Homo Roboticus? People and machines in search of mutual understanding. Moscow: Al'pina; 2017. 457 p. (In Russ.).
6. Hlebovich V.V. On the origin and fate of civilizations. *Uspekhi sovremennoj biologii* = Successes of modern biology. 2019;2(139):206–208. (In Russ.).
7. Gajda St. Nowe społeczności dyskursywne a edukacja komunikacyjna. Zmiany w publicznych zwyczajach językowych. Ed. J. Bralczyk, K. Mosiołek-Kłosińska, Warsaw: Upowszechnianie Nauki – Oświata „UN-O”, 2001. P. 7–13.
8. Makklyuen M. *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* = *Understanding Media: The Extensions of Man*. Moscow: Kuchkovo pole; 2007. 464 p. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the Author

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации ВлГУ, г. Владимир, Российская Федерация; профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, член Российского профессорского собрания (Сертификат № 64), член-корреспондент РАН, г. Архангельск, Российская Федерация
e-mail: fedulenkova@list.ru

Tatyana N. Fedulenkova, Doctor of Sciences (Philological), Professor of the Department of Foreign Languages of Professional Communication in Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov, Vladimir, Russian Federation; Professor of the Department of Translation and Applied Linguistics in Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, member of the Russian Professorial Assembly (Certificate No. 64), corresponding member of the RAE, Arkhangelsk, Russian Federation,
e-mail: fedulenkova@list.ru

УДК 81.0

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-132-135>

**Терминология: от протонаучного периода до наших дней.
Рецензия на книгу: Гринев-Гриневич С.В., Сорокина Э.А.,
Викулова Л.Г. Теория языка: антропологистика. – М.:
Издательский дом ВКН, 2021. – 256 с. ISBN 978-5-7873-1773-2**

А.И. Контанистова¹, Т.Н. Федуленкова¹✉

¹Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
ул. Горького 87, г. Владимир 600000, Российская Федерация

✉ e-mail: fedulenkova@list.ru

Посвященная актуальным проблемам современной лингвистики, рецензируемая книга интересна прежде всего своим неординарным подходом к рассмотрению ряда вопросов, которые авторы предлагают рассматривать в русле антропологических штудий. В данной книге предпринимается попытка проследить становление и развитие языка в контексте эволюции сознания, мышления и познания человека.

Пособие состоит из шести глав, каждая из которых (за исключением первой, посвященной становлению антропологистики как новой научной дисциплины, включая ее цели и задачи), описывает последовательно этапы эволюции человека, сопоставляя онтогенетические данные с филогенетическими. Авторы выделяют следующие периоды эволюции человеческого сознания, идущие параллельно с изменением общего и индивидуального словаря человека: проточеловеческий пе-

риод (от австралопитеков до кроманьонца), донаучный период, протонаучный период, научный период и, наконец, современный, высоконучный период, который предлагается называть информационным.

Авторы видят цель антропологистики в воссоздании картины эволюции человеческого разума на основе ее отражения в соответствующей эволюции языка и прежде всего его лексики. Достижение этой цели представляется авторам вполне возможным, так как любое изменение мышления и сознания человека находит свое непосредственное отражение в его словаре.

В качестве *объекта* антропологистических исследований коллективом авторов избираются лексические системы различных языков, причем первоочередное предпочтение отдается терминологии. В качестве предмета этих программных исследований выступают общие черты исторического развития терминологий разных языков, которые, по убеждению авторов, наиболее релевантно отражают ступени и характеристики процесса развития научных знаний как системы.

© Федуленкова Т.Н., Контанистова А.И., 2025

Каждый из выделенных эволюционных этапов авторы характеризуют в определенной последовательности:

а) продолжительность конкретного эволюционного периода;

б) преобладающий тип лексем и соответствующий тип обозначаемых ими идей в этом эволюционном периоде;

в) характерный для этого эволюционного периода тип культуры;

г) предполагаемый объем общего и индивидуального словаря к концу этого эволюционного периода.

Проточеловеческий, самый продолжительный период (до нескольких миллионов лет), закончился появлением человека как биологического вида. Словарь первого человека, насчитывавший всего 40-50 лексем, представлял собой односложные, часто звукоподражательные слова – протослова, которые к концу периода могли превратиться в первые слова.

Известно, что донаучный период продлился от кроманьонского человека до времен античности – примерно V в. до н. э. – и для многих стран и культур включал раннее Средневековье (V–XII вв.). Обобщенность значений используемой лексики, принадлежность слов к общеупотребительной лексике, именование лишь общих представлений, в большинстве своем основанных на житейском опыте, отмечаются авторами как характерные черты этого периода. Особенно подчеркивается авторами весьма широкое и расплывчатое значение большинства лексических единиц. Тем не менее, в конце этого периода с появлением первых городов и зачатков ремесла появляются первые прототермины – профессионализмы, так называемые древние термины.

Длительность следующего, протонаучного периода (ранненаучного, примитивнонаучного), который считается ранним этапом формирования науки, составила порядка 1500 лет. С развитием ремесел, первой профессиональной деятельности человека, появляется первая специальная лексика, обозначающая понятия,

т.е. первые термины. Решающую роль в образовании таких терминов играли внешние, часто случайные признаки объектов (например, основой первых терминов химии служили цвет, запах, консистенция вещества). Авторы наблюдают в то же время рост объема общей лексики, причину которого видят в переходе некоторых специальных, профессиональных слов в обиходную лексику, поскольку обозначаемые ими специальные представления стали повседневными в быту. Растет и индивидуальный словарь. В этот период зарождается как одноязычная, так и двуязычная лексикография.

Отправной точкой следующего эволюционного этапа, научного, принято считать создание Карлом Линнеем первой номенклатуры растений и животных в 18 веке, за которой почти сразу последовало создание химической номенклатуры Антуаном Лавуазье и нескольких классификаций медицинских понятий. Это были первые попытки создать терминологическую классификацию понятий, используя научный метод. Создание системных научных классификаций, как подчеркивается исследователями, стало первым шагом к становлению нового, научного типа мышления. Именно на этом этапе появляются термины, которые имеют точное значение и соотносятся с конкретным понятием, а не представлением о нем, как было в предыдущий период. Промышленная революция диктует запрос на создание новых, в первую очередь, технических терминов. Синтаксический способ терминообразования, как наиболее простой и продуктивный для обозначения стремительно появляющихся новых видовых понятий, становится доминирующим. Считаем необходимым подчеркнуть, что такая тенденция сохраняется и в современном терминотворчестве, приводя к созданию поликомпонентных терминологических словосочетаний.

С количественным и, что важно, качественным изменением словаря меняет-

ся и сам подход к языку, который становится более критическим и научным. Ученые все больше говорят о необходимости логического анализа языков, о необходимости систематизации и структуризации лексических единиц, особенно терминов. Выдвигается концепция «идеального языка», на фоне чего предпринимаются попытки создания международного искусственного языка (эсперанто). Появляются сознательные попытки создания идеальных систем терминов, которые были бы лишены недостатков существующих терминологий, таких как синонимии, полисемии, неточности, труднопроизносимости и др. Именно в этот период терминоведение оформляется в независимую научную область. В книге анализируются основные достижения в отечественном терминоведении к концу 20 столетия, которые формулируются коллективом авторов в следующем виде:

- а) определение основных направлений терминологической работы;
- б) разработка принципов упорядочения терминов;
- в) исследование закономерностей образования и развития понятий;
- г) определение принципов и методов выявления систем понятий и их фиксирования в классификациях.

В исследовательских кругах формируются цели и задачи терминоведения, главная из которых определяется как изучение особенностей и закономерностей образования и развития терминологий для выработки рекомендаций по их совершенствованию и наиболее эффективному использованию. Для этого предлагается решить ряд теоретических и практических задач, которые включают в себя выработку общих методов описания, анализа, изучения структурного состава, семантических свойств и особенностей функционирования термина, а также разработку методики и принципов отбора и обработки специальной лексики в лексикографических целях.

Основная проблема, которую предстояло решить исследователям того периода, состояла в разработке критериев отбора терминов из широкого пласта общеупотребительной лексики. Главную сложность представляла необходимость дифференциации консубстанциональных терминов, т.е. терминов, имеющих форму обычных слов. Одним из критериев, позволивших провести границу между термином и обычным словом, стало понимание, что термин всегда обозначает понятие, в то время как обычное слово обозначает представление о понятии. В это же время были сформулированы основные требования к термину и описаны его признаки, как-то:

- а) функция наименования общего понятия,
- б) дефинированность, точность значения,
- в) номинативный характер,
- г) контекстуальная устойчивость,
- д) стилистическая нейтральность,
- е) конвенциональность.

Наряду с терминами исследователи выделяют и другие специальные лексические единицы: номены (наименования единичных понятий), профессионализмы, профессиональные жаргонизмы, предтермины, квазiterмины, терминойды, прототермины. Необходимость проведения четких границ между ними становится стимулом для глубоких научных исследований. Так, например, среди ученых до сих пор нет единого мнения относительно статуса профессионализмов. Ряд специалистов относит их к терминам, другие – к ненормированной специальной лексике, ограниченной употреблением в устной речи профессионалов.

Отмечаются три основные тенденции научного периода: сокращение продолжительности самого периода, совершенствование сознания и мышления человека, стремительное увеличение объема общего и индивидуального словаря и его качественные изменения. Рост специализированного словаря осуществляется

за счет постоянно появляющихся новых терминов и номенов, включая профессионализмы. Общий словарь растет за счет интеграции специальной лексики, близкой к изменяющемуся повседневному обиходу.

В новый современный этап эволюции человечество вступило во второй половине 20 века. Этот период принято называть информационным или высокотехнологичным, т.к. он ознаменован применением высоких технологий и обработкой больших объемов информации. Отмечается тенденция стремительного развития общего словаря, ускорение темпов познания. Информационный взрыв сопровождается терминологическим взрывом, который, без должной систематизации,

может привести к терминологическому потоку. Чтобы не допустить лавинообразного роста терминологий, которым сопровождается появление новых научных дисциплин, авторы напоминают о необходимости проведения грамотной языковой политики как на уровне государства, так и в научно-исследовательских кругах.

Несмотря на то, что авторы позиционируют свою работу как учебное пособие, оно представляет собой ценный теоретический материал для многих исследователей, аспирантов и широкого круга лиц, интересующихся проблемой становления и развития языка как инструмента человеческого познания и мышления.

Информация об авторах / Information about the Authors

Контанистова Анна Игоревна, аспирант третьего курса при кафедре иностранных языков профессиональной коммуникации, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация, e-mail: a-kontanistova@yandex.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации ВлГУ, г. Владимир, Российская Федерация; профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, член Российского профессорского собрания (Сертификат № 64), член-корреспондент РАН, г. Архангельск, Российская Федерация, e-mail: fedulenkova@list.ru

Anna I. Kontanistova, Post-graduate Student in the 3rd year at the Department of Foreign Languages of Professional Communication, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs, Vladimir, Russian Federation, e-mail: a-kontanistova@yandex.ru

Tatyana N. Fedulenkova, Doctor of Sciences (Philological), Professor of the Department of Foreign Languages of Professional Communication in Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov, Vladimir, Russian Federation; Professor of the Department of Translation and Applied Linguistics in Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, member of the Russian Professorial Assembly (Certificate No. 64), corresponding member of the RAE, Arkhangelsk, Russian Federation, e-mail: fedulenkova@list.ru

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

– статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

– лицензионный договор;

– сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail).

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами, что означает их согласие на передачу Университету прав на распространение материалов статьи с помощью печатных и электронных носителей информации.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов) с указанием ученой степени, звания, места работы (полностью, включая адрес организации), электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (5–10 слов), текст с рисунками и таблицами, литература. Авторы, название, аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках. Текст статьи должен быть структурирован по разделам:

- введение (постановка проблемы)
- результаты и обсуждение
- выводы

Например:

УДК 81-114.2

Н. А. Боженкова, д-р филол. наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6) (e-mail: natalyach@mail.ru)

Социолингвистический обзор статуса русского языка на постсоветском коммуникативном пространстве

Дезинтеграционные процессы последнего десятилетия XX века, вызванные многоплановыми геополитическими факторами, привели к трансформации информационного поля на русском языке: в каждом из четырнадцати новых постсоветских государств...

Ключевые слова: социолингвистика; коммуникативная лингвистика; постсоветское пространство; статус русского языка; языковая ситуация.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменений в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

9. Для набора формул и переменных следует использовать редактор формул MathType версии 5.2 и выше с размерами: обычный – 12 пт; крупный индекс 7 пт, мелкий индекс – 5 пт; крупный символ – 18 пт; мелкий символ – 12 пт.

10. Рисунки и таблицы располагаются по тексту. Таблицы должны иметь тематические заголовки. Иллюстрации, встраиваемые в текст, должны быть выполнены в одном из стандартных форматов (TIFF, JPEG, PNG) с разрешением не ниже 300 dpi и публикуются в черно-белом (градации серого) варианте. Качество рисунков должно обеспечивать возможность их полиграфического воспроизведения без дополнительной обработки. **Рисунки, выполненные в MS Word, недопустимы.**

Рисунки встраиваются в текст через опцию «Вставка-Рисунок-Из файла» с отбечиванием «В тексте» с выравниванием по центру страницы без абзацного отступа. Иные технологии вставки и отбечивания **не допускаются.**

11. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Список представляется в двух вариантах: традиционный (ГОСТ Р 7.05–2008) и дополнительный с переводом русскоязычных источников на латиницу и английский язык. Применяется транслитерация по системе BSI. Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

12. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <http://www.swsu.ru/izvestiya/serieslingva>.

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://science.swsu.ru>.